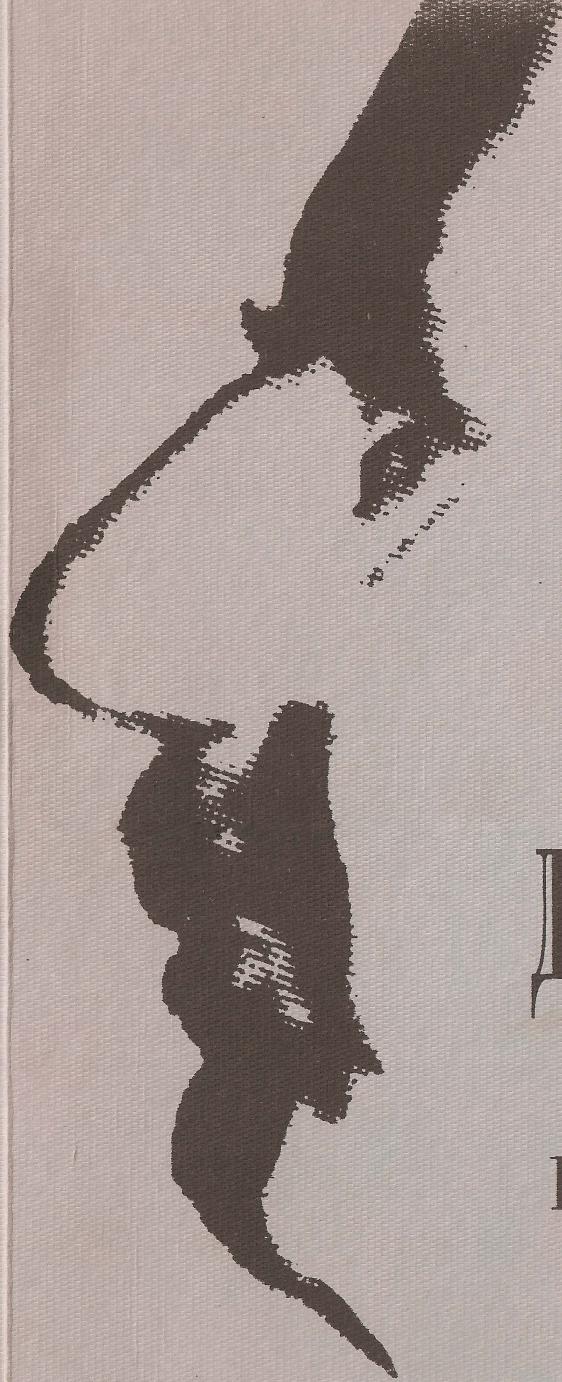

Шарль де Голль. 1890 - 1970

ШАРЛЬ
ДЕ ГОЛЛЬ

1890 - 1970

*К 110-летию со дня рождения
выдающегося французского
военного, политического
и государственного деятеля
генерала Шарля де Голля*

L'Academie de Sciences de Russie
L'Institut d'Histoire Universelle

CHARLES DE GAULLE

**Sous la direction de
Marina Arzakanian
et d'Alexandre Tchoubarian**

Moscou
2000

Российская академия наук
Институт всеобщей истории

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

Под редакцией
М.Щ.Арзаканян
и А.О.Чубарьяна

Москва
2000

ББК 63.3

Ш

Ш

Шарль де Голль. — М., ИВИ РАН, 2000. — 204 с.

Сборник статей посвящен 110-летию со дня рождения выдающегося французского военного, политического и государственного деятеля генерала Шарля де Голля.

ISBN 5-94067-007-5

Ш 0503010000-20 без объявл.

45ж(03)-2000

ISBN 5-94067-007-5

ББК 63.3

Ш

© Коллектив авторов, 2000

© Институт всеобщей истории РАН, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Самый знаменитый из французов»

В 2000 г. исполняется 110 лет со дня рождения выдающегося французского военного, политического и государственного деятеля генерала Шарля де Голля. К этой знаменательной дате приурочена публикация настоящего сборника статей. Открывая его, остановимся вкратце на основных этапах жизни и деятельности «самого знаменитого из французов» XX столетия.

* * *

Шарль де Голль родился 22 ноября 1890 г. в аристократической семье. Его отец, дворянин, преподавал философию и литературу в парижском колледже иезуитов. Он был человеком правых взглядов и сам себя называл «тоскующим монархистом». Мать де Голля, глубоко религиозная женщина, происходила из правобуржуазной семьи. Своих пятерых детей (у Шарля было три брата и сестра) родители воспитывали в духе патриотизма и католицизма. Выше всего в семье ставились два понятия — Нация и Родина.

Среднее образование Шарль де Голль получил в колледже иезуитов, а в 1912 г. закончил высшее военное училище Сен-Сир. На его формирование и мировоззрение оказали влияние известные французские философы Анри Бергсон и Эмиль Бутру, писатель Филипп Баррес, поэт Шарль Леги, а также известный правый политический деятель, основатель лиги «Аксyon Франсэз» Шарль Моррас. Сам де Голль с юного возраста всегда думал о собственном назначении в жизни. В 20 лет он уже считал, что ее смысл «состоит в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг».

Как только началась первая мировая война, де Голль отправился на фронт. Он храбро сражался, за участие в боях был произведен в капитаны, был трижды ранен. Самым тяжелым было последнее ранение, полученное в рукопашной схватке под Верденом в марте 1916 г. Де Голля сочли мертвым и оставили на поле боя. В результате он оказался в плену. Пять раз пытался бежать, но безуспешно. Де Голль смог вернуться на родину только по окончании войны в 1918 г.

В межвоенный период де Голль продолжал военную карьеру. В 1919 г. он в числе многих своих соотечественников завербовался в

Польшу, где вел обучение офицеров. В 1922 г. будущий известный политик поступил в Высшую военную школу и через два года закончил ее с прекрасной характеристикой: «Очень способный и широко образованный, отлично ориентируется на местности, отдает четкие приказы, решителен, трудолюбив... Личность очень развитая, с большим чувством собственного достоинства. Может достичь блестящих результатов».

После окончания Высшей военной школы де Гольль служил в разных местах, в том числе несколько лет в кабинете маршала Петэна, вице-председателя совета национальной обороны. Только в 1937 г. он получил большое повышение — стал полковником и был направлен в город Мец в качестве командира танкового полка.

Вместе с тем, межвоенные годы прошли для де Голля не только и не столько под знаком военной карьеры. Уже с середины 20-х гг. его деятельность выходит далеко за рамки офицерской службы. Он начинает публиковать статьи, выступать с докладами, писать книги, касающиеся как военных, так и других проблем. В своих четырех книгах — «Раздор в стане врага» (1924), «На острие шпаги» (1932), «За профессиональную армию» (1934), «Франция и ее армия» (1938) — де Голль изложил свои военную доктрину, убеждения, жизненное кредо. В 30-е гг. идеи будущего знаменитого политика по военной стратегии и тактике не получили широкого распространения и признания. Но уже в начале второй мировой войны, после поражения Франции, которое он фактически предсказал, они стали предметом пристального внимания и как бы получили второе звучание. Общественно-политические взгляды де Голля, сформировавшиеся в межвоенный период, были развиты им во время второй мировой войны и после нее. Они явились базой той совокупности политических идей, которую сегодня мы называем идеологией голлизма. А она, в свою очередь, легла в основу политической системы современного французского государства.

Вторая мировая война буквально перевернула жизнь де Голля. В 1940 г. он храбро сражался, получил чин бригадного генерала, но решительно отказался подчиниться властям, когда в июне правительство, возглавляемое маршалом Петэном, выступило за перемирие с Германией. В страшные дни катастрофы, нависшей над родиной, когда французская армия поспешило отступала, и немцы подходили к Парижу, де Голль писал жене: «Я ни за что не сдамся».

17 июня генерал вылетел в Англию для того, чтобы продолжить борьбу. На следующий день в тесной лондонской студии Би-Би-Си он читал взволнованным голосом 40 строчек своего знаменитого воззвания к соотечественникам: «Исход этой войны не ре-

шается битвой за Францию. Это мировая война... Я, генерал де Голль, ныне находящийся в Лондоне, приглашаю французских офицеров и солдат, которые находятся на британской территории или смогут там оказаться, установить связь со мной. Что бы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет....».

В Лондоне де Голль основал организацию «Свободная Франция», призванную сначала на стороне Великобритании, а затем и СССР и США вести борьбу против гитлеровской Германии.

В первую очередь генерал направил свои усилия на овладение французскими колониями. С помощью своих сторонников он начал там пропаганду в пользу продолжения войны и присоединения к «Свободной Франции». Администрация Северной Африки категорически отклонила такие предложения и осталась верной сформированному во Франции профашистскому правительству Виши. Зато откликнулись колонии Французской Экваториальной Африки. О своем признании де Голля заявили Чад, Конго, Убанги-Шари, Габон и Камерун. В результате «Свободная Франция» получила собственную территориальную базу.

С самого начала войны де Голль проявил себя искусным дипломатом. Свои отношения с Англией и США он стремился строить на основе равноправия и отстаивания французских национальных интересов. Генерал все время упорно доказывал союзникам, что только возглавляемая им «Свободная Франция» — подлинная представительница французского народа, а правительство Виши — незаконно. Де Голль старался всеми силами вернуть Франции международный авторитет и ранг великой державы. Офицеры и солдаты «Свободной Франции» постоянно принимали участие в военных операциях, разворачиваемых союзниками. В конце 1940 г. их было всего 7 тысяч, но менее чем через два года это число выросло в 10 раз.

В сентябре 1941 г. де Голль издал ордонанс, учреждающий в рамках «Свободной Франции» Французский национальный комитет, временно осуществляющий функции государственной власти. Он был призван существовать до тех пор, «пока не будет создано представительство французского народа, способное независимо от врага выражать волю нации».

Отношения де Голля с Англией и Соединенными Штатами долгое время складывались очень нелегко. Как Великобритания, так и США считали претензии генерала необоснованными. Однако де Голлю всегда удавалось настаивать на своем. Немаловажную роль в том, что генерал смог «одолеть» англичан и американцев сыграли два обстоятельства. Во-первых, с начала Великой Отечественной войны де Голль стремился иметь самые тесные отноше-

ния с Советским Союзом. Он сумел добиться расположения советского правительства, и оно оказывало всестороннюю поддержку его действиям. Во-вторых, глава «Свободной Франции» установил контакт с движением Сопротивления, развернувшимся на территории Франции. Оно превратилось во внушительную действенную силу. Де Голль подчинил его своей власти и предстал перед лицом союзников как единственный непререкаемый лидер французского Сопротивления.

После высадки англо-американских войск в Северной Африке в июне 1943 г. в Алжире был образован так называемый Французский комитет национального освобождения (ФКНО). Де Голль стал сначала его сопредседателем (совместно с генералом Жиро), а затем и единственным председателем.

Летом 1944 г. ФКНО был переименован во Временное правительство. Де Голль возглавил его работу. В качестве главы правительства, он приступил к осуществлению своих внешнеполитических замыслов, направленных на укрепление позиций Франции на мировой арене. Де Голль, в частности, продолжал курс на сближение с СССР. В ноябре-декабре 1944 г. французская правительственные делегация во главе с генералом посетила Советский Союз с официальным визитом. Переговоры завершились подписанием Договора о взаимной помощи между двумя странами.

Большую программу преобразований Временное правительство осуществило в области внутренней политики. В первую очередь оно восстановило в стране демократические свободы, ликвидированные во время оккупации, предоставило право голоса женщинам. Были национализированы некоторые отрасли промышленности и банки. Правительство провело также ряд важных мероприятий в социально-экономической сфере.

В начале 1946 г. де Голль добровольно покинул свой пост, разойдясь в политических взглядах с представителями основных партий Франции. Они ратовали за восстановление республики парламентского типа, в которой исполнительная власть в лице правительства всецело зависела бы от законодательной власти в лице нижней палаты парламента — Национального собрания. Де Голль считал, что такая система пагубна для страны. Он выдвинул свою государственную доктрину, базирующуюся на двух основных идеях — сильной власти и национального величия.

Во главе страны генерал хотел видеть наделенного широкими полномочиями, независимого от политических партий и Национального собрания президента республики. Такой глава государства и должен был стать воплощением сильной, устойчивой исполнительной власти.

В идеи национального величия Франции сконцентрировались представления де Голля о развитии французской нации. Генерал считал, что его стране необходимо осознавать свое национальное величие, могущество и авторитет. Ее внешняя политика всегда должна направляться на защиту собственных интересов и ни в коем случае не следовать в фарватере политики других государств.

Однако после второй мировой войны французы не прислушались к голосу своего знаменитого соотечественника. На всеобщем референдуме в 1946 г. они утвердили конституцию, учреждающую в стране Четвертую республику, в которой центром политической жизни, как и до войны, оставалось Национальное собрание.

Де Голль не захотел смириться с установленной политической практикой. Он решил начать «сражение» против институтов Четвертой республики и с этой целью в 1947 г. создал оппозиционную партию Объединение французского народа (РПФ). Ее главной задачей стала борьба за воплощение в жизнь идей генерала. Де Голль надеялся, что возглавляемая им организация завоюет большинство мест в Национальном собрании, и тогда он сможет вернуться к власти и осуществить задуманные им политические преобразования. Первоначально РПФ действительно имела большой успех. К ней примкнул почти миллион французов. Однако получить большинство мест на очередных парламентских выборах в 1951 г. голлистам не удалось. После этого деятельность РПФ начала клониться к упадку. Поняв, что партия не справилась с поставленными перед ней целями, в 1953 г. де Голль заявил о ее распуске.

Генерал почти полностью отдалился от политики, уехал в свое имение в Коломб-ле-дёз-Эглиз и погрузился в написание «Военных мемуаров». На выборах в Национальное собрание в 1956 г. его сторонники получили всего 21 место. Позднее этот период своей деятельности сами голлисты назовут «переходом через пустыню». В то время, согласно опросам общественного мнения, только 2% французов верили, что де Голль вернется к власти. Однако даже тогда генерал не переставал надеяться, что еще сможет встать во главе французского государства. В начале 1958 г., заканчивая «Военные мемуары», он представил свой автопортрет: «Старый человек, изнуренный испытаниями, отстраненный от дел, чувствующий приближение вечного холода и все-таки не перестающий ждать, когда во мраке блеснет луч надежды».

И действительно, мечтам де Голля суждено было сбыться. Причиной тому была алжирская война, ставшая для Четвертой республики главной проблемой.

Алжир занимал совершенно особое место в системе французской колониальной империи. Из 9,5 млн. его населения 1 млн. со-

ставляли европейцы, в основном французы. В их руках была сосредоточена практически вся экономическая и политическая власть в стране. В течение десятилетий многим поколениям французов со школьной скамьи внушалось, что Алжир является неотъемлемой частью Франции и что защита ее интересов на этой территории — патриотический долг каждого гражданина республики. Именно поэтому, когда в 1954 г. под руководством Фронта национального освобождения (ФНО) Алжира началось восстание против французских властей, правительство сразу взяло курс на его подавление. Вопреки ожиданиям правящих кругов Парижа, война затянулась на долгие годы. Познавшая горечь поражения в войне в Индокитае французская армия стремилась взять реванш в алжирской войне, но не могла добиться победы. В рядах армейской верхушки постепенно росло убеждение, что политика парижских кабинетов в «алжирском вопросе» недостаточно тверда и что они вообще не способны решить его. Такого же мнения придерживались алжирские ультраколониалисты, составлявшие большую часть европейского населения. Те и другие к началу 1958 г. фактически перешли в оппозицию к правительству. Такой ситуацией очень умело смогли воспользоваться де Голль и его сторонники. В конце 1957 — начале 1958 г. голлисты развернули во Франции кампанию за возвращение генерала к власти и потребовали создания «правительства общественного спасения» во главе с ним. А в Алжире сторонники де Голля постарались привлечь на свою сторону «ультра» и командование армии — две различные силы, отстаивающие лозунг «французский Алжир», — и внушить им, что осуществление этого лозунга станет возможным только после прихода к власти де Голля.

Решающие события развернулись в алжирской столице в мае 1958 г. «Ультра» подняли антиправительственный мятеж, к которому присоединились представители армии и голлисты. В Алжире был создан так называемый Комитет общественного спасения. Довольно быстро сторонники де Голля смогли убедить мятежников, что они должны требовать возвращения генерала. Это и было сделано. Де Голль же, со своей стороны, объявил, что готов встать во главе государства. Законное правительство проявило перед лицом мятежа полную беспомощность. В правящих кругах быстро росло убеждение, что овладеть ситуацией действительно может только де Голль. В результате представители всех главных политических партий страны, за исключением коммунистов, выразили готовность поддержать генерала и войти в состав его правительства.

1 июня 1958 г. де Голль уже выступил с краткой правительской декларацией. Он просил «чрезвычайных полномочий сро-

ком на полгода» с тем, чтобы «разработать новую конституцию и вынести ее на всеобщий референдум». Национальное собрание большинством голосов утвердило его в качестве премьер-министра. Четвертая республика навсегда ушла в историю.

Новая конституция, в основу которой легла голлистская доктрина государства, значительно расширила прерогативы президента республики. За ним закреплялось право назначать премьер-министра и отдельных министров, выносить на референдум любой законопроект, распускать Национальное собрание и назначать новые выборы. Президент даже имеет право в чрезвычайных обстоятельствах брать всю полноту власти в свои руки. 8 сентября 1958 г. на референдуме 80% французов одобрили новую конституцию. Так родилась Пятая республика, существующая во Франции и поныне.

В декабре 1958 г. де Голль стал президентом республики. На пост премьер-министра он назначил своего давнего соратника Мишеля Дебре. А в Национальном собрании теперь заседали 188 депутатов-голлистов, объединившихся в партию Союз за новую республику (ЮНР). Вместе с представителями правой партии «независимых» они составили в парламенте президентское и правительственные большинство.

Первоочередной задачей для де Голля стало урегулирование «алжирской проблемы». Он вернулся к власти с твердым намерением предоставить Алжиру независимость. Генерал понимал, что пока такой точки зрения придерживаются далеко не все и что многие французы сочувствуют своим соотечественникам в Алжире, которым в случае отделения пришлось бы уехать. Однако президент решил неукоснительно следовать избранному пути. 16 сентября 1959 г. он впервые заявил о праве Алжира на самоопределение. В ответ на это «ультра» в алжирской столице устроили так называемую «неделю баррикад», требуя от правительства отказа от новой политики. Но де Голль продолжал взятый курс. Он заявил в середине 1960 г.: «Нет ничего странного в том, что испытываешь ностальгию по империи. В точности также можно сожалеть о мягкости света, который некогда излучали масляные лампы, о былом великолепии парусного флота, о прелестной, но уже не существующей возможности проехаться в экипаже. Но ведь не бывает политики, идущей вразрез с реальностью». В конце того же года президент объявил, что будущий Алжир мыслится ему как «государство со своим правительством». Примерно в то же время он писал сыну: «Я продолжаю дело по высвобождению нашей страны из пут, которые ее еще обволакивают. Алжир — одна из них. С тех пор как мы оставили позади себя колониальную эпоху, а это, конечно, так, нам нужно идти новой дорогой».

В 1961 г. в Алжире вспыхнул еще один мятеж. Его развязали военные, требовавшие удержать Алжир под французским суверенитетом. Но де Голль был непреклонен. Мятеж быстро подавили. Хотя и это не было еще концом «алжирской драмы». Вскоре во Франции начала подпольно действовать Вооруженная секретная организация (ОАС), объединившая сторонников «французского Алжира». Они развернули по всей стране террор и даже предприняли несколько покушений на жизнь президента. Только в 1962 г. были подписаны Эвианские соглашения об окончании войны. Алжир получил независимость.

Теперь де Голль почти всецело посвятил себя внешнеполитическим проблемам. Сначала он попытался обеспечить Франции достойное место внутри НАТО.

Добиваться реорганизации Атлантического блока президент Франции начал еще во время алжирской войны. Он настаивал на том, чтобы в системе НАТО его страна играла роль державы с «мировой ответственностью». Де Голль отстаивал эту идею перед президентом США Эйзенхауэром, но не мог добиться согласия. Проблема реорганизации Атлантического блока была и в центре внимания во время переговоров де Голля со следующим президентом США Джоном Кеннеди во время его визита в Париж в 1961 г. Генерал настоятельно требовал, чтобы главенствующее положение в НАТО занимала «тройка» — США, Англия и Франция. Но Кеннеди также отклонил такое предложение.

В результате де Голль, понимая, что не придет к согласию с Соединенными Штатами, начал курс постепенного отхода от НАТО. Он решил, что Франция в какой-то мере сама должна заботиться о собственной безопасности. В связи с этим генерал придавал очень большое значение производству его страной своего атомного оружия. Первые атомные испытания Франция осуществила в алжирской Сахаре еще в 1960 г. и с тех пор продолжала их. Де Голль считал, что обладание ядерной силой возвеличивает возглавляемую им страну и ставит ее в ранг великой державы. В 1966 г., после того как генерал окончательно убедился в невозможности реорганизации Атлантического блока, он объявил о выходе Франции из военной организации НАТО.

С Великобританией отношения Франции поначалу складывались хорошо. Англия стала первой страной, которую де Голль в 1960 г. посетил с официальным визитом. Но через некоторое время отношения бывших союзников стали осложняться, особенно после того, как Великобритания объявила о своем намерении вступить в Общий рынок. Де Голль категорически воспротивился этому. В январе 1963 г. Франция наложила вето на вступление

Англии в ЕЭС. Такая позиция президента Франции означала, что он хотел сотрудничать с Великобританией только на условиях, отвечающих интересам его страны. Наложив вето, генерал таким образом решил избежать конкуренции со стороны Англии для французских товаров, в первую очередь сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем, по мнению де Голля, включение Великобритании в Общий рынок означало бы введение в него сильного претендента на лидерство в Западной Европе, к тому же тесно связанного с США. А такого поворота дела он, конечно, не желал.

Де Голль одним из первых западноевропейских политиков выступил за создание «общеевропейского дома». Он всегда считал, что именно Европа стимулирует и даже направляет духовное и техническое развитие мира. Уже в 1961-1962 гг. президент Франции и его сторонники выдвинули идею заключения между странами Общего рынка договора, предусматривающего постоянное сотрудничество их правительств с целью разработки совместной политики в области международных отношений, обороны, экономики и культуры. Генерал стремился к созданию организации, которая могла бы в известной мере противостоять Соединенным Штатам. Но «единая Европа» де Голля — это не наднациональное объединение, а «Европа отечеств», в которой каждая отдельная страна сохраняет свою национальную самобытность. Конечно, центральное место в такой Европе генерал отводил Франции. Именно свою страну он хотел видеть задающей тон в европейской организации. Но вместе с тем де Голль отдавал в ней значительное место ФРГ. Генерал вообще придавал большое значение связям Франции с Западной Германией.

Еще в сентябре 1958 г., когда де Голль был премьер-министром, он встретился с федеральным канцлером ФРГ Аденауэром. Основное место на переговорах заняли вопросы о франко-западногерманском сотрудничестве. Обе стороны рассматривали его как основу «объединенной Европы». Затем Аденауэр еще несколько раз приезжал во Францию. А де Голль в сентябре 1962 г. посетил Западную Германию с официальным визитом. Менее чем через год, в январе 1963 г. в Париже главы двух государств подписали франко-западногерманский договор о сотрудничестве. Он предусматривал постоянные встречи и консультации глав Франции и ФРГ. Согласно договору правительства обеих стран перед принятием ответственных решений обязались консультироваться.

Однако во франко-западногерманских отношениях были не только светлые страницы. С одной стороны, де Голль не хотел признавать ГДР и одним из первых высказался за необходимость объединения двух германских государств, предвидя, что рано или

поздно это обязательно произойдет. Вместе с тем, он твердо выступал за законность границы по Одеру-Нейсе. А это западным немцам совсем не нравилось.

У ФРГ де Голль пытался найти поддержку своим идеям относительно НАТО. Он хотел, чтобы Германия вместе с Францией составляли как бы ядро Европы, и проводили свою, независимую от США и НАТО политику. В сущности именно с такой целью де Голль и стремился построить «единую Европу». Но правящие круги Западной Германии отклонили такой курс президента Франции. Его также не приняли члены Общего рынка — Бельгия, Голландия и Люксембург.

Для де Голля Европа — это не только Европа западная, но и «Европа от Атлантики до Урала», непременно включающая в себя Советский Союз или, как любил его называть президент Франции, Россию. Сотрудничеству с нашей страной де Голль всегда придавал большое значение. В марте 1960 г. во Францию был приглашен глава СССР Н.С.Хрущев. Переговоры в Париже не привели к каким-либо значительным результатам. Тем не менее, сторонам все же удалось в чем-то найти общий язык, например, заключить соглашение о необходимости разрешения неурегулированных международных вопросов не путем применения силы, а мирными средствами.

В 1966 г. де Голль прибыл в СССР с ответным визитом. Его переговоры с советскими руководителями свидетельствовали о желании Франции выступить инициатором процесса разрядки. В своей речи на приеме в Кремле президент Франции заявил: «Что касается наших общих политических целей, то ими являются разрядка, согласие, безопасность, а в один прекрасный день и объединение Европы от края до края, равновесие, прогресс и мир во всем мире». Переговоры завершились подписанием советско-французского договора о сотрудничестве. Визит де Голля в СССР длился 10 дней. За время пребывания в нашей стране генерал стремился познакомиться с различными сферами общественной жизни, побывал в Ленинграде, Киеве, Волгограде, Новосибирске, на космодроме Байконур.

Важное значение де Голль придавал связям Франции со странами «третьего мира». В 1964 г. он осуществил большое путешествие по странам Латинской Америки и везде был принят с энтузиазмом и симпатией. В том же году генерал выступил за признание Китайской Народной Республики.

Индивидуальность де Голля наложила отпечаток на всю внешнюю политику Франции. Генерал часто принимал неординарные решения, идущие вразрез с позицией западных держав. Президент

Франции одним из первых решительно выступил против войны США во Вьетнаме. В 1967 г. во время так называемой «шестидневной войны» де Голль осудил Израиль за то, что он начал военные действия и затем силой удерживал захваченные территории. Генерал наложил эмбарго на поставку французской военной техники всем странам, участвующим в конфликте. Но главным образом это ударило по Израилю.

Знаменательным стал визит президента Франции в июле 1967 г. в Канаду. Свою речь, произнесенную в Монреале, де Голль закончил словами «Да здравствует свободный Квебек». Тем самым он поддержал право франко-канадцев самим решать свою судьбу, и если они желают, отделиться. Такая речь была расценена в правящих кругах Канады просто как провокация. Президенту Франции пришлось прервать свой визит и возвратиться в Париж.

Естественно, что особая позиция де Голля в тех или иных международных вопросах, иногда вызывала неприязнь руководителей других государств, в частности США. Однако надо отметить, что в критических ситуациях генерал всегда вставал на позиции западных держав и блока НАТО. Так было, например, в моменты Берлинского и Карибского кризисов.

В 1965 г. де Голль был переизбран президентом республики на новый семилетний срок. Тем не менее, ушел он с политической арены намного раньше.

Серьезнейшие испытания выпали на долю президента Франции весной 1968 г., когда по стране сначала прокатилась мощная волна студенческих волнений, а затем началась всеобщая забастовка огромного размаха. Такие события явно свидетельствовали о серьезном кризисе, постигшем французское общество. Они застали де Голля почти врасплох. В майские дни он говорил: «Ситуация совершенно неуловимая... Я не знаю, как реагировать. Я не понимаю, что надо сделать, не для того, чтобы взять в руки этот народ, а для того, чтобы он сам взял себя в руки».

Летом 1968 г. обстановка постепенно нормализовалась. Премьер-министр Жорж Помпиду сразу пошел на уступки и провел удачные переговоры с бастующими. В конце июня прошли внеочередные выборы в Национальное собрание. Сторонники президента добились огромного успеха. Голлистская партия, выступившая во время майских событий в качестве «партии порядка», получила почти 300 мандатов и завоевала абсолютное большинство мест. Ситуация полностью нормализовалась. Однако де Голль до конца своих дней не переставал думать о майских днях 1968 г. В одном из последних интервью генерал сказал: «Французы и Франция — не одно и то же. Я не заботился о счастье французов».

После парламентских выборов президент назначил на пост премьер-министра Мориса Кува де Мюрвиля и включил в состав его кабинета так называемых левых голлистов. Они выступили с проектом социально-экономических реформ в духе «сотрудничества классов». Де Голль задумал провести такие реформы. Первым шагом на пути их осуществления стал законопроект о новом административном делении Франции и обновлении верхней палаты парламента — Сената. Генерал объявил, что он вынесет проект на всеобщий референдум и в случае его отклонения уйдет в отставку. Законопроект был явно неудачным. Многие говорили президенту, что французы его не поймут и что было бы лучше отказаться от этой идеи. Но де Голль твердо решил осуществить задуманное и настоял на своем.

В результате в апреле 1969 г. на референдуме 52% французов сказали «нет» реформе де Голля. Он сразу сложил с себя полномочия президента республики. С тайной досадой генерал поведал одному из своих близких: «Меня ранили в мое, а теперь прикончили».

Де Голль навсегда покинул Париж и уехал в родное Коломбэ. Теперь он действительно был уже таким, каким обрисовал себя двадцать лет назад на последней странице «Военных мемуаров» — «старым человеком, изнуренным испытаниями, отстраненным от дел, чувствующим приближение вечного холода». Он умер 9 ноября 1970 г., не дожив двенадцати дней до 80-летия.

Сегодня уже тридцать лет отделяют нас от этой даты. Но имя генерала де Голля — «самого знаменитого из французов» — не забыто. Первого президента Пятой республики часто цитируют. По сей день обсуждаются действия генерала, идут споры о тех или иных принятых им решениях. Однако самым главным в наследии де Голля остаются его идеи. Французский патриотизм и национальное величие Франции, базирующиеся на сильной государственной власти, — таковы основные черты голлизма, сделавшие его крупнейшим идеино-политическим течением XX века.

* * *

В предлагаемый сборник включены статьи известных российских историков и дипломатов, в которых представлен большой спектр проблем, связанных с жизнью и деятельностью выдающегося политического и государственного деятеля Франции Шарля де Голля. Публикуемые статьи базируются на самом широком круге источников, личных воспоминаниях российских дипломатов о встречах с де Голлем, многочисленных произведениях самого генерала, архивных материалах, французской и советской прессе, а также трудах французских и российских исследователей.

М.Ц Арзаканян

В.П.Смирнов

ГОЛЛИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Голлизм как идеология и общественное движение возник в годы второй мировой войны, когда Франция потерпела поражение и была оккупирована Германией. Истоком голлизма считается знаменитая речь генерала де Голля, произнесенная 18 июня 1940 г. по лондонскому радио, в которой он призвал французов продолжать войну несмотря на капитуляцию французского правительства, возглавленного маршалом Петэном. Де Голль тогда сказал, что исход войны «не решается битвой за Францию», потому что «это мировая война». Он утверждал, что «пламя французского сопротивления не погасло и не погаснет», а Германия в конечном счете будет разбита.¹

Во Франции, глубоко потрясенной и ошеломленной неожиданным военным разгромом, мало кто услышал эту речь и, тем более, обратил на нее внимание, но постепенно положение изменилось. В результате выступлений де Голля по английскому радио и поддержке английских средств массовой информации, его имя стало известно во Франции и за ее пределами.²

Уже в конце 1940 — начале 1941 гг. во Франции появились сторонники де Голля и вошел в употребление термин «голлисты». Он встречался в подпольной печати, в донесениях полиции, в докладах советских дипломатов, из Франции отмечавших, что «голлисты имеют много сторонников» среди офицеров, государственных служащих и мелкой буржуазии.³ В секретных сводках полиции правительства Петэна, резиденцией которого стал небольшой городок Виши, отмечалось, что в 16 французских городах обнаружены «деголлевские листовки» и «надписи деголлевского направления», а некоторые французы «пытаются перебраться в Англию, чтобы присоединиться там к де Голлю».⁴

Это показывает, что во Франции появилось движение сторонников де Голля — голлистское движение, — первоначально выражавшееся в виде умонастроений и индивидуальных действий, а затем все более и более широкое и сильное, хотя и никак не оформленное.

Одновременно в публичных выступлениях де Голля формулировались те идеи, совокупность которых можно считать идеологией голлизма. Чаще всего отмечают три главные идеи голлизма: идею нации, идею «сильной власти» и идею социальных реформ. Левые голлисты выделяют из общего комплекса социально-экономических реформ еще идею «участия» трудящихся в управлении, придавая ей особо важное значение.

Все эти идеи не были новыми: задолго до де Голля и независимо от де Голля их высказывали и левые и правые, но де Голль придал им актуальное звучание, объединил в одно целое и связал со своим именем.

Первой и самой главной идеей всех выступлений де Голля военного времени была идея нации — идея сплочения всех национальных сил в борьбе против оккупантов за освобождение Франции. Де Голль призывал «свободных французов» разорвать перемирие с Германией, не повиноваться правительству Виши, которое сотрудничает с оккупантами, а, следовательно, «является и может являться только орудием врага»; зывал к «чести Знамени» и «величию Родины». Французам, оказавшимся за пределами Франции, де Голль предлагал прибыть к нему в Лондон, а французам, оставшимся во Франции, — «пассивно сопротивляться всеми имеющимися в их распоряжении средствами».⁶

Де Голль был первым и долгое время единственным сравнительно известным французским военным и государственным деятелем, который публично выступил против перемирия, за продолжение войны, за освобождение Франции от гнета оккупантов и правительства Виши, установившего в стране диктаторский режим фашистского типа. Некоторые другие, — впрочем очень немногочисленные, — политические и военные деятели (бывшие министры П.Кот, Ж.Мандель, П.Мендес-Франс, генералы Коше, Катру, Лармина, адмирал Мюзелье) тоже хотели продолжать войну, но они медлили с публичными заявлениями или не имели возможности их сделать. Газет движения Сопротивления в первые месяцы после поражения еще не существовало; редкие листовки Сопротивления не содержали сколько-нибудь развернутой программы действий и почти не были известны населению.

Только находившаяся в подполье Французская Коммунистическая партия летом 1940 г. выступила с призывом образовать

«Фронт свободы, независимости и возрождения Франции»; создать «Союз французской нации» против оккупантов и правительства Виши.

Однако предложения компартии не встретили благоприятного отклика, потому что были недостаточно известны массе населения, и особенно потому, что предусматривали не только национальное, но и «социальное освобождение», то есть свержение капитализма и формирование «народного правительства», которое осуществит национализацию банков и крупных промышленных предприятий, передаст крестьянам земли «эксплуататоров народа» и предоставит независимость французским колониям. Кроме того, компартия (и Коминтерн в целом) вплоть до нападения Германии на Советский Союз считали вторую мировую войну империалистической и требовали заключения мира.⁷

В результате оказалось, что лишь де Голль в наиболее полном и чистом виде воплощал идею национальной независимости. Распространяемая английскими радиопередачами, эта простая и как бы самоочевидная идея приобрела огромную силу, стала главной идейной основой деголлевского движения, превратила де Голля в символ нации, борющейся за свободу и независимость.

Вторая основная идея голлизма — «сильная власть» осуществлялась на практике в созданной де Голлем организации «Свободная Франция», но лишь редко и осторожно обсуждалась в первых публичных выступлениях де Голля. Человек правых взглядов, убежденный, что «люди не могут обойтись без власти так же, как без еды, питья и сна»⁸, весьма критически относившийся к парламентаризму и к политической системе Третьей республики, де Голль сначала воздерживался от высказывания политических оценок, которые могли бы затруднить присоединение к нему патриотов различных политических направлений. В своих первых выступлениях он только призывал к борьбе против захватчиков и правительства Виши, не упоминая ни о республике, ни о демократии, ни о правах человека, ни об официальном республиканском девизе: «Свобода, Равенство, Братство».

Признанный английским правительством «Главой всех свободных французов, которые, где бы они ни находились, присоединяются к нему, чтобы поддержать дело союзников», де Голль начал управлять «свободными французами» на военный манер, при помощи «Главной квартиры генерала де Голля»⁹ в Лондоне, но когда на его сторону перешла часть французских колоний в Тропической Африке и на Тихом океане, ему пришлось создать коллегиальные органы управления, сформулировать свою политическую платформу и высказаться по вопросу о государственном устройстве

Франции. Впервые де Голль сделал это в двух подписанных им основополагающих документах «Свободной Франции» — Манифесте от 27 октября 1940 г. и Органической декларации 16 ноября 1940 г.

В Манифесте от 27 октября де Голль провозгласил, что «собственно французского правительства больше не существует», ибо «орган, находящийся в Виши и претендующий на то, чтобы называться правительством, является неконституционным и подчиняется захватчикам», а поэтому он, де Голль, берет на себя создание «новой власти», которая будет руководить военными усилиями Франции. «Я буду осуществлять свою власть от имени Франции и исключительно в целях защиты страны и беру на себя торжественное обязательство отдать отчет в своих действиях представителям французского народа, как только он сможет свободно их назначить», — заявил де Голль.

В Манифесте 27 октября де Голль призывал французов к «участию в войне», чтобы восстановить независимость и величие Франции, обещал «поддерживать общественный порядок и добиваться торжества справедливости» (не уточняя, что это такое), но ничего не говорил ни о республике, ни о правах человека, ни о демократии. Даже заверяя, что «государственная власть на всех территориях империи, освобожденных от контроля противника, будет осуществляться на основе французского законодательства, находившегося в силе до 23 июня 1940 г.» (т.е., законодательства Третьей республики), он ухитрился избежать слова «республика».¹⁰

Созданная Манифестом 27 октября система организации власти «Свободной Франции» вовсе не гармонировала с республиканскими принципами. Ее высший коллегиальный орган — Совет обороны империи — назначался де Голлем и был лишь консультативным органом при Главе «свободных французов», ордонансы которого, подобно ордонансам французских королей, начинались формулой «Именем французского народа и Французской империи мы», генерал де Голль, Глава свободных французов, постановляем...»¹¹ Почти полностью повторяя преамбулу конституционных актов Виши: «Мы, маршал Франции, глава французского государства, постановляем...», она наводила на мысль о сходстве «Свободной Франции» с вишистским государством.

По-видимому, сознавая это, де Голль 16 ноября 1940 г. подписал Органическую декларацию, официально «дополнившую» Манифест 27 октября, где резко осудил режим Виши и впервые публично выступил в защиту республики и прав человека. Органическая декларация обвинила «лжеправительство Виши» не только в

том, что оно находится в зависимости от противника, но и в том, что оно «уничижает как по форме, так и по существу один раздел республиканской конституции за другим», пренебрегая «правами Человека и Гражданина и правом народа на свободное волеизъявление». Напомнив, что согласно конституции Третьей республики «республиканская форма правления не может стать предметом предложения о пересмотре», Органическая декларация подчеркивала, что правительство Виши «изгнало из своих квазиконституционных актов даже само слово «Республика», предоставив главе так называемого «французского государства» неограниченную власть, подобную власти абсолютного монарха»¹³. Хотя на практике сам де Голль осуществлял в «Свободной Франции» поистине «неограниченную власть, подобную власти абсолютного монарха», в теории он ее осуждал, высказывался за сохранение республиканского строя, за уважение прав человека и гражданина, за свободное волеизъявление народа. Позднейшая деятельность де Голля показала, что это были не пустые слова.

Существенный шаг в развитии своих государственно-правовых и политических идей де Голль сделал через год — осенью 1941 г., когда с полной ясностью определился антифашистский характер второй мировой войны. Выступая 15 ноября 1941 г. в Лондонском Альберт-холле, де Голль впервые назвал в числе девизов «свободных французов» не только «Честь и Родину», не только «Освобождение», но и «Свободу, Равенство, Братство». Объясняя свою позицию, де Голль сказал: «Мы хотим остаться верными демократическим принципам, которые дал нашим предкам гений нашей нации и которые являются ставкой в этой войне не на жизнь, а на смерть». Он обещал, — также впервые, — предоставить слово народу, как только события позволят ему свободно высказать, чего он хочет и чего не хочет».¹⁴

Через 10 дней, 25 ноября 1941 г., выступая в Оксфордском университете, де Голль категорически отверг «чудовищные системы» тоталитаризма и подчеркнул, что основу западной цивилизации, к которой принадлежит Франция, «составляют свобода мысли, вероисповедания, убеждений, свобода труда и досуга каждого человека».¹⁵

Таким образом, идея «сильной власти» соединилась в выступлениях де Голля с осуждением тоталитаризма, с признанием политических свобод и демократических принципов. Сочетание сильной исполнительной власти с сохранением политических свобод стало руководящим принципом последующей государственной деятельности де Голля и одним из главных принципов голлизма.

Более полно о ходе мыслей де Голля можно судить по его исключительно интересной и содержательной беседе с советским послом в Лондоне И.М.Майским 29 января 1942 г. По словам Майского, «В области внешней политики де Голль считает необходимым франко-советский союз, который нужен Франции как с политической, так и с иных точек зрения.

В области внутренней политики де Голль развел примерно следующую программу: хотя де Голль признает, что после окончания войны должно быть создано Учредительное собрание, которое и определит будущую конституцию Франции, сам он однако, полагает, что будущий режим во Франции, должен покойиться на двух основных идеях: а) сильная исполнительная власть и б) концентрация внимания не на политических, а на социальных и экономических вопросах...

Генералу рисуется «корпоративный парламент», состоящий из ряда курий: крестьянской, промышленной, умственного труда и т.д. «Корпоративный парламент» занимается проблемами хозяйства и социальным устройством. Вопросы же военные и политические должны регулироваться правительством, о способе формирования которого у де Голля, как мне кажется, нет ясного представления, но права которого должны быть неизмеримо больше, чем права правительства Третьей республики.

В области социально-экономической де Голль допускает национализацию крупной промышленности или, по крайней мере, ее наиболее важных отраслей, минимум зарплаты, решение конфликтов путем государственного арбитража и т.п.»¹⁶

Майский подумал, что у де Голля «нет твердых политических взглядов», хотя его политическое настроение «сильно отдает тенденциями модернизированного бонапартизма», а в программе «встречаются и многие элементы фашизма на итальянский манер».¹⁷ Сейчас, спустя полвека, очевидно, что дело заключалось в другом: высказывания де Голля отражали процесс формирования новой идеологии — идеологии голлизма, составной частью которого являются идеи сильной власти, «участия» и других социальных и политических реформ. В частности, проект «корпоративного парламента», видимо, был связан с идеей «участия», которую де Голль через 27 лет, уже будучи президентом Франции, пытался воплотить в проекте закона о реформе Сената и местных органов самоуправления, отвергнутом на референдуме 27 апреля 1969 г.

Беседа Майского с де Голлем доказывает, что уже к началу 1942 г. де Голль наметил программу политических и социально-экономических преобразований, однако в своих публичных выступлениях он ее не высказывал, и многие участники Сопротивле-

ния считали, что у де Голля нет программы на будущее. Встречаясь с де Голлем, они говорили ему, «что нужно занять политическую позицию, твердо высказаться за демократию, дать французам перспективу будущего, которая противостояла бы перспективам Виши».¹⁸ Особенную настойчивость проявил видный деятель Сопротивления К. Пино, который в марте 1942 г. тайно прибыл из Франции в Лондон для встречи с де Голлем. После ряда бесед с Пино де Голль согласился с его доводами и подготовил программу, которая после возвращения Пино во Францию была опубликована в нелегальной печати Сопротивления.¹⁹ Ее основное содержание де Голль изложил в выступлении на пресс-конференции 27 мая 1942 г., а полный текст обнародовал в выступлении по английскому радио 23 июня 1942 г. Выступая на пресс-конференции, где Голль отвергал обвинения в личной диктатуре, говорил о «полном восстановлении национального суверенитета и республиканской формы правления», но избегал упоминаний о демократии. Лишь в ответ на прямой вопрос одного из журналистов почему в его выступлении отсутствует слово «демократия», де Голль сказал: «Для меня демократия полностью сливаются с национальным суверенитетом».²⁰

Слово «демократия» отсутствовало и в полном тексте программы, переданной участникам Сопротивления, хотя, по существу, в ней содержалось признание демократических принципов. Осудив как режим Виши, который «держится на личной диктатуре», так и режим Третьей республики, который из-за слабости власти довел себя «до полного бессилия», де Голль заверил, что «как только французы будут освобождены от вражеского угнетения, все их внутренние свободы должны быть им возвращены. После изгнания врага с нашей территории все мужчины и женщины изберут Национальное Собрание, которое само решит судьбы нашей страны». Де Голль предложил уничтожить «тоталитарную систему» и «механическую организацию человеческих масс», созданную тоталитаризмом; добиться, чтобы «извечный французский идеал свободы, равенства и братства нашел отныне такое претворение в нашей стране, чтобы каждый был свободен в своих убеждениях, своих верованиях, своих действиях, чтобы каждый человек в начале своей общественной деятельности имел равные с другими шансы на успех, чтобы каждый пользовался уважением всех, а в случае необходимости и помощью с их стороны».²¹ Конечно, это была лишь декларация, но последующие события показали, что де Голль принимал ее всерьез. Она в значительной степени рассеяла сомнения участников Сопротивления относительно недемократичности де Голля и дала сильный импульс для объедине-

ния всех французских патриотов под его эгидой. Постепенно основные организации Сопротивления, включая Коммунистическую партию и созданный по ее инициативе Национальный фронт, признали де Голля символом, а затем и вождем Сопротивления, установили тесные контакты со «Свободной Францией», стали получать от нее помочь и следовать ее директивам.

Когда англо-американские войска заняли французскую Северную Африку, де Голль создал там Французский комитет национального освобождения — фактически, правительство освобожденной от власти оккупантов и Виши территории, в которое вошли делегаты различных организаций Сопротивления, в том числе Коммунистической партии. При Французском комитете национального освобождения была учреждена Консультативная Ассамблея — своего рода парламент, — в которой были представлены различные политические силы, включая участников Сопротивления. Получив поддержку движения Сопротивления, которое представляло собой наиболее энергичную часть нации, создав правительственные и парламентские учреждения, осуществлявшие реальную власть во французских колониях и пользовавшиеся большим влиянием в оккупированной Франции, де Голль превратился в авторитетного национального лидера.

Третья основная идея голлизма — необходимость серьезных социально-экономических реформ, включая «участие» трудящихся в управлении, как видно из беседы де Голля с Майским, была в основных чертах разработана де Голлем к началу 1942 г., но в его публичных выступлениях обозначалась лишь в самой общей форме, вероятно, потому, что могла вызвать разногласия среди участников Сопротивления.

Де Голль не раз говорил, что в результате войны «весь экономический, политический, социальный и моральный порядок не может не претерпеть глубоких изменений»²²; что следствием тяжелого кризиса, который переживает Франция, «явится широкое национальное обновление», но избегал каких-либо уточнений. В программе, обнародованной в речи де Голля 23 июня 1942 г., он снова сказал, что Франции необходимо «смелое и глубокое внутреннее обновление»²³, равнозначное революции, после чего впервые добавил: «тоталитарная система» равно как и «система коалиции частных интересов, которая действовала в нашей стране вопреки национальным интересам, должны быть одновременно и навсегда ликвидированы».²⁴ Сколько-нибудь более конкретно де Голль начал говорить о социально-экономических реформах лишь в 1943-1944 гг., когда основные организации Сопротивления усиленно обсуждали планы послевоенного устройства. Выступая с

программной речью при открытии Консультативной Ассамблеи 3 ноября 1943 г., де Голль следующим образом конкретизировал понятие «национальное обновление»: Франция «хочет положить конец экономической системе, при которой основные источники национального богатства не принадлежат нации, где важнейшие процессы производства и распределения ускользают из-под ее контроля, где организации трудящихся отстранены от деятельности предприятий, хотя они непосредственно от них зависят. Франция хочет, чтобы ее богатствами пользовались все французы, чтобы на земле ее ... не нашлось больше ни одного мужчины, ни одной женщины, которым не были бы гарантированы достойные их условия жизни и работы, достаточная заработка плата, удовлетворительное питание, жилье, одежда, сносные санитарные условия, возможность отдыхать, растиТЬ больше детей.»²⁵

В речи в Консультативной Ассамблее 18 марта 1944 г. де Голль заявил, что правительство «не потерпит коалиций частных интересов, монополистических объединений и трестов, чья активность в начальный период перестройки заведомо нанесла бы вред делу социально-экономических реформ».²⁶ Пообещав ликвидировать «чрезмерные богатства», нажитые во время войны, де Голль сказал: «Французская демократия должна быть демократией социальной. Это значит, что она должна органически обеспечить каждому право на свободный труд, а всем гражданам — достоинство и безопасность в условиях экономической системы, осуществляющей с целью использования национальных ресурсов в интересах всей нации, а не в интересах отдельных групп. При такой экономической системе основные источники общественного богатства будут принадлежать нации, а государственное руководство и контроль будут осуществляться при обязательном содействии со стороны рабочих и предпринимателей».²⁷

Другими словами, де Голль предложил конфисковать военные прибыли, ограничить деятельность монополистических объединений, национализировать основные источники общественного богатства, создать широкую систему социального обеспечения. Порвав с доктриной экономического либерализма, он выдвинул программу, исходившую из идеи «дирижизма» — т.е. государственного управления экономикой и социальными отношениями. Высказанные в его программе предложения о сотрудничестве организаций трудящихся и предпринимателей; их «содействии» государственному руководству и контролю, вновь обращались к идее «участия» — одной из ключевых идей послевоенного голлизма.

Позднее де Голль ясно объяснил смысл намеченных им реформ: «Или мы сверху и быстро осуществим заметное изменение

положения рабочих и частичное сокращение привилегии денег, или страдающая и разочарованная масса трудящихся вызовет потрясения, в которых Франция может потерять все, что у нее осталось».²⁸

Предложенная де Голлем программа социально-экономических преобразований вовсе не была своекорыстной, узко классовой программой буржуазии. Она отвечала национальным интересам Франции и во многом совпадала с предложениями участников Сопротивления, обобщенными в программе Национального Совета Сопротивления, подписанной его основными организациями 15 марта 1944 г. В частности, в программе Национального Совета Сопротивления предусматривалась конфискация имущества изменников, национализация основных средств производства, «развитие национального производства в соответствии с государственным планом, принятым после консультации с представителями всех участников производства»; право на труд, право на отдых и на социальное обеспечение.²⁹

После освобождения Франции большинство этих мер было проведено в жизнь Временным правительством Франции во главе с де Голлем. Они положили начало длительному периоду преобладания «дирижизма» во Франции.

Подводя итоги, следует сказать, что идея верховенства нации и идея сильной власти сближали голлизм с традиционными группировками французских правых, а программа социально-экономических реформ — с левыми партиями. Поскольку голлизм выдвигает на первый план идею защиты национальных интересов, он, несомненно, подпадает под определение «национализма», который французские толковые словари определяют как доктрину, считающую нацию высшей ценностью. Однако, в нашем обычном словоупотреблении термин «национализм» имеет отрицательный смысл, и поэтому, возможно, лучше называть голлизм патриотической доктриной и движением, хотя это мало меняет суть дела.

Поскольку голлизм выступал за проведение социально-экономических реформ, его можно именовать национал-реформизмом, по аналогии с национал-реформистскими движениями в других странах, например, с перонизмом в Латинской Америке.

Некоторые историки и политики считают голлизм продолжением идейной и политической традиции бонапартизма.³⁰ Действительно, стремление к сильной власти, авторитарные методы управления, частое обращение к референдумам в обход парламента напоминают режим Наполеона I и Наполеона III. Тем не менее, различий между бонапартизмом и голлизмом больше, чем сходства. В отличие от бонапартистских режимов Первой и Второй им-

перии, де Голль, придя к власти, не ликвидировал республиканский строй и не установил «режим постоянного государственного переворота», как утверждали его противники.³¹ Он соблюдал конституцию, не преследовал оппозицию, не превращал выборы в фарс, отводил важную политическую роль партиям и представительным учреждениям.

Спорным вопросом является вопрос о классовом характере голлизма. Основателями «Свободной Франции» были, главным образом, военные и журналисты правого толка, принадлежавшие к средним слоям населения. Среди руководства «Свободной Франции» сначала не было ни представителей крупной буржуазии, ни ведущих генералов и политиков, ни рабочих и крестьян. Позднее голлизм охватил самые широкие слои населения: от рабочих до крупной буржуазии.

Будучи президентом Франции в 1958-1969 гг., де Голль установил тесные связи с верхушкой финансовой олигархии. В его правительстве были представлены крупнейшие банки и финансово-промышленные группы. Исходя из этого, французские марксисты, — а вслед за ними и советские историки, — утверждали, что голлизм выражает потребности государственно-монополистического капитализма, является «концентрированным выражением господства монополий».³² В действительности голлизм, особенно голлизм военного времени, был не классовым, а национальным движением, объединившим разные классы во имя общенациональной цели — освобождения и обновления Франции. Правительство де Голля, — как и правительство любой высокоразвитой капиталистической страны, — руководствовалось не только интересами монополий, но и национальными интересами Франции — так, как оно их понимало.

Современный голлизм — голлизм после де Голля, голлизм президента Ж.Ширака и партии «Объединение за республику» — сильно отличается от голлизма военных лет и вообще от голлизма де Голля. Вместо идеи верховенства нации он проповедует «интеграцию Европы», вместо политики «дирижизма» взял курс на «либерализацию» экономики и ликвидацию государственного сектора в промышленности и финансах. Голлизм, который раньше стремился к «сильной власти» и осуждал парламентскую систему, ныне «сосуществует» или «сожительствует» с правительством, состоящим из социалистов и коммунистов.

Что же связывает современный голлизм с голлизмом военного времени и голлизмом первых послевоенных лет? Почему президент Ширак и партия «Объединение за республику» до сих пор называют себя голлистами? Существует ли сейчас голлизм?

Ответы на эти вопросы требуют специального исследования.

- ¹ Discours et messages du général de Gaulle. 18 juin 1940 — 31 décembre 1941. L., 1942. P. 1-2. Рус. пер. см. Голль Ш. де. Военные мемуары. М., 1957. Т. 1. С. 331-332.
- ² Подробнее см. Смирнов В.П. Судьба одной речи // Казус, 1999. С. 171-191.
- ³ Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 013, опись 3, папка 9, дело 136, л. 6.
- ⁴ La copie d'une note relative à l'activité séditieuse des partisans de l'ex-général de Gaulle de septembre au 15 novembre 1940 // Трофейные документы. Центральный Государственный архив Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации). Фонд ЗА-14, опись 1, дело 1.
- ⁵ Discours et messages du général de Gaulle... P. 4, 17, 8.
- ⁶ Ibid. P. 7.
- ⁷ Подробнее см. Смирнов В. П. Вторая мировая война и Коминтерн. 1939-1941 гг. (по архивным документам) // Новая и новейшая история, 1996, № 3. С. 26-28.
- ⁸ Gaulle Ch. de. Le fil de l'épée. 2-e éd. P., 1959. P. 48.
- ⁹ См. Bulletin officiel des Forces françaises libres. 15 août 1940.
- ¹⁰ Текст Манифеста 27 октября 1940 г. см. Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. С. 371-372.
- ¹¹ Там же. С. 372.
- ¹² См. Journal officiel de l'Etat français.
- ¹³ Текст Органической декларации см. Голль Ш. де. Ук. соч. Т. 1. С. 383-388.
- ¹⁴ Discours et messages du général de Gaulle... P. 98-99.
- ¹⁵ Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1.С. 686-688.
- ¹⁶ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. В 2-х тт. Т. 1. М., 1983. С. 69.
- ¹⁷ Там же. С. 70.
- ¹⁸ Pineau Ch. La simple vérité. Paris, 1960. P. 132.
- ¹⁹ Libération. Organe du directoire des forces de libération française (Zone Sud), 3 juin 1942; Combat. Juin 1942; Libération. Organe des français libres (Zone Nord), 12 juin 1942; "Le Franc-Tireur". Juin 1942.
- ²⁰ Gaulle Ch. de. Discours de guerre. т. I. P., 1944. P. 239.
- ²¹ Ibid., т. I, P. 260-264.
- ²² Discours et messages du général de Gaulle... P. 106.
- ²³ Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1.С. 762.
- ²⁴ Gaulle Ch.de. Discours de guerre. Т. I. P. 263.
- ²⁵ Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. М., 1960. С. 650.
- ²⁶ Там же. С. 674.
- ²⁷ Там же. С. 679.
- ²⁸ Gaulle Ch.de. Mémoires de guerre. т. III. P., 1959. P. 24.
- ²⁹ Le Programme du C.N.R. au pouvoir. Exposé présenté par Louis Saillant, président du C.N.R. P., 1945.
- ³⁰ См. напр. Duclos J. De Napoléon III à de Gaulle. P., 1963.
- ³¹ Mitterrand F. Le coup d'Etat permanent. P., 1964.
- ³² Клод А. Голлизм и крупный капитал. М., 1961. С. 4.

ДЕ ГОЛЛЬ ГЛАЗАМИ КОМИНТЕРНА (1940-1943)

Во время второй мировой войны генерал де Голль и возглавляемая им «Свободная Франция» поддерживали тесные отношения с СССР. Официальная Москва еще до начала Великой Отечественной войны заинтересовалась мятежным французским генералом и стала собирать сведения о нем. Полученная в годы войны информация о де Голле в виде различных документов хранится сегодня в московских архивах и совсем недавно стала доступна для историков.

Одним из самых интересных собраний документов о деятельности де Голля в период войны располагает так называемый архив Коммунистического Интернационала (Коминтерна), входящий составной частью в Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Некоторая их часть опубликована в ценнейшем сборнике документов «Коминтерн и вторая мировая война» (чч. 1 и 2. М., 1994 и 1998).

Цель настоящей статьи — ввести хранящиеся в архиве Коминтерна материалы в научный оборот. Отметим, что в годы войны Коминтерн имел важные источники информации. Прежде всего, он поддерживал отношения практически со всеми компартиями мира. Французская Коммунистическая партия (ФКП), находящаяся в подполье на территории оккупированной Франции, была в постоянной связи с Коминтерном, получала от его лидеров директивы для своей деятельности и, когда была возможность, посыпала в Москву отчеты о ней. Однако генеральному секретарю Коминтерна Георгию Димитрову были доступны сведения, поступавшие и по другим каналам. К нему присыпали информационные документы начальники разных ведомств — Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и даже Главного разведывательного управления (ГРУ).

Георгий Димитров являлся главным получателем всей документации. В свою очередь он все важные материалы, касающиеся Франции, рассыпал членам Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) Д.З.Мануильскому и жившему в Москве во время войны на нелегальном положении Морису Торезу, а также секретарю ИККИ, члену Загранбюро ФКП в Москве Андре Марти.

Итак, постараемся свести воедино всю собранную в архиве информацию и показать, каким виделся де Голль и голлистское движение во время второй мировой войны деятелям Коминтерна. Подчеркнем, что к мнению этих людей нередко прислушивались руководители советского государства. Таким образом, оно принималось во внимание при выработке официальной советской политики по отношению к де Голлю и «Свободной Франции».

* * *

В течение года, предшествовавшего началу Великой Отечественной войны, в Коминтерн поступали малочисленные и разрозненные сведения о де Голле. Впервые они пришли 11 июля 1940 г. от главы ушедшей в подполье ФКП Жака Дюкло. Он переслал в Москву большой пакет документов и несколько номеров «Юманите». В своем отчете ИККИ Дюкло, в частности, указывает:

«Генерал де Голль на службе у великобританцев, рассчитывающий опереться на губернаторов колоний... встречает решительное противодействие со стороны правительства Петэна»¹.

В одном из полученных номеров «Юманите» лидеры Коминтерна прочитали еще менее лестную характеристику де Голля. Георгию Димитрову она не понравилась, и он тут же написал И.В.Сталину, что сомневается в правильности оценок, даваемых французскими коммунистами мятежному генералу². Что ответил руководитель советского государства генеральному секретарю Коминтерна, не известно. Однако уже 19 июля 1940 г. Дюкло отсылается большой директивный доклад, в котором говорится «Предпочтительно сохранять молчание относительно де Голля и не делать акцента против Англии, чтобы не облегчить политику Петэна и его покровителей»³.

Следующая информация о де Голле датируется уже 26 сентября 1940 г. Она гораздо более конкретна. Это справка, составлена на территории Франции, но, к сожалению, без подписи. В ней «Свободная Франция» называется «зарубежной организацией сопротивления». Далее следует ее краткая характеристика:

«Это движение становится серьезным. Оно объединило вокруг себя авторитетных генералов. Его влияние во Франции выросло.

Оно распространилось на колонии.

Его поддерживают многие влиятельные политические деятели (Пьер Кот, Керилис, Лапи) и известные писатели.

Но складывается впечатление, что оно находится под британским влиянием.

Тем не менее, в него входят солдаты, моряки, рабочие...

Партия не может это игнорировать и как-нибудь должна войти в контакт с этими людьми...»⁴

Казалось бы, на такую информацию лидеры Коминтерна должны были быстро отреагировать. Тем не менее, ничего подобного не происходит. Директивы о том, как компартия должна себя вести по отношению к де Голлю, отсылаются Дюкло лишь через семь месяцев. Они изложены в шифротелеграмме Тореза и Марти партийному руководству ФКП от 26 апреля 1941 г.:

«Борясь за создание... широкого фронта национального освобождения, партия готова поддерживать всякое французское правительство, всякую организацию и всех людей в стране, усилия которых направлены на ведение подлинной борьбы против захватчиков и вредителей. Исходя из этого, партия не занимает враждебную позицию в отношении сторонников де Голля, хотя и критикуя, в меру, его реакционные колониалистские позиции»⁵.

Буквально через несколько дней, в начале мая, лидеры Коминтерна получают большой аналитический обзор о ситуации во Франции. Он принадлежит перу известного французского писателя-коммуниста Жана-Ришара Блока. Писатель приехал в Москву еще в начале второй мировой войны и готовил для ИККИ различные аналитические материалы. В представленном Димитрову в мае 1941 г. обзоре большое внимание уделено де Голлю и его движению. Приведем несколько самых выразительных отрывков:

«Первые же выступления генерала де Голля по лондонской радиостанции в июне месяце явно всколыхнули, наэлектризовали Францию. Он призывал эту раздавленную страну к надежде; он призывал эту разоруженную страну к борьбе; он призывал эту униженную страну к чести; он призывал эту побитую страну к реваншу; он призывал эту оккупированную страну к освобождению. Он называл измену изменой, он создавал армию, он заклинал «Французскую империю» сплотиться вокруг Великобритании. Даже у иных коммунистов зарождалось тайное нежное чувство к этому энергичному человеку, о котором почти ничего не было известно, разве только что он считался изобретателем и теоретиком молниеносной войны, той тактики, которую немцы только что столь блестяще применили против нашего бездарного верховного командования...»⁶

Далее автор обзора продолжает:

«...В отличие от коммунистической пропаганды деголлевское движение обретается везде и нигде. Оно, как я уже говорил, повсюду: в среде духовенства и в полиции, в среде буржуазии и среди пролетариата, оно в городе и в деревне. В действительности деголлизм это не политическое направление, это стихийная форма

стремления народа к жизни; оно стоит над партиями, над цветами, над нюансами; оно объединяет клерикалов и антиклерикалов, демократов и реакционеров.

Никто не таит от себя, что де Голль, быть может, сомнительная личность, что его окружение является отчасти подозрительным и может стать опасным. Но по молчаливому соглашению не только урегулирование этих проблем, но даже их рассмотрение откладывают на после.

В данный момент де Голль дерется, а это все, чего французы от него требуют...»⁷

И, наконец, Жан-Ришар Блок заключает:

«Пресса Парижа и Виши попробовала отстаивать лозунг: «не преданы, а разбиты». Де Голль на это ответил: «не разбит, но предан!». Так диалог между Лондоном и Виши продолжается, потому что это не молчаливая мысль французского народа, а голос радио Лондона.

В безмолвии и в разгроме, в нарастающем отчаянии непонимания, неизвестный голос Лондона с самого начала объявил «не разгромлены, надежда есть!». Оккупанты столкнулись с человеком, который умеет хорошо говорить.

В июне 1940 г. де Голль был никому неизвестен. Бригадный генерал, заместитель военного министра. Его речи из Лондона все переменили, засветил луч надежды»⁸.

Лидеры Коминтерна ознакомились с оценками Блока. Однако это отнюдь не означало, что они с ними согласились. Пока в Москве отношение к де Голлю не было доброжелательным. Ситуация коренным образом изменилась, когда СССР вступил в войну.

22 июня 1941 г. ИККИ собрался на внеочередное заседание. Первым выступил генеральный секретарь Георгий Димитров. Он заявил:

«Компартии в капиталистических странах должны сейчас развернуть широкую кампанию за безграницную поддержку Советского Союза против грабительской войны со стороны Германии...

Все то, что помогает Советскому Союзу и ускоряет разгром фашизма, является решающим при наших действиях. Интерес всех народов — это поражение немецкого фашизма. Отсюда вытекает:

В Англии нельзя требовать устранения правительства Черчилля. Черчилль за продолжение войны против Германии...

Во Франции нужно занять подобную позицию по отношению к де Голлю...»⁹

7 июля 1941 г. Коминтерн рассыпает компартиям и четкую директиву относительно поддержки СССР в войне против Германии. Она гласит:

«Коммунистические партии должны во всех оккупированных Германией странах немедленно приступить к организации единого национального фронта и для этого установить контакт со всеми силами, независимо от их политического направления и характера, которые выступают против фашистской Германии (де Голль и его сторонники во Франции...)»¹⁰

Пока Жак Дюкло в оккупированной Франции размышлял над полученной из Москвы директивой, генерал де Голль выступил инициатором установления дипломатических отношений с официальной Москвой.

События 22 июня 1941 г. главу «Свободной Франции» застали в Африке. 30 июня правительство Виши заявило о разрыве дипломатических отношений с СССР. Полномочный представитель Советского Союза А.Е.Богомолов тут же был отозван из Франции. А уже 1 июля посол СССР в Англии И.М.Майский телеграфировал из Лондона в Москву о том, что еще до разрыва с Виши его в частном порядке посетил представитель де Голля профессор Кассен, «который от имени генерала передал симпатии и лучшие пожелания СССР и, вместе с тем, поднял вопрос, об установлении тех или иных отношений между советским правительством и силами де Голля»¹¹. В августе профессора Кассен и Дежан вторично поставили перед И.М.Майским такой же вопрос. И 26 сентября посол СССР передал де Голлю официальный письменный ответ: «От имени моего правительства я имею честь уведомить Вас о том, что оно признает Вас как руководителя свободных французов, где бы они ни находились, которые сплотились вокруг Вас, поддерживая дело союзников»¹².

Обе стороны принимают решение обменяться официальными представителями. В начале ноября 1941 г. в Великобританию направляется А.Е.Богомолов в ранге чрезвычайного полномочного посла СССР при союзных правительствах в Лондоне. Именно на него советское правительство возложило функции поддержания связи со «Свободной Францией». А в Москву выезжают назначенные де Голлем Роже Гарро, Раймон Шмиттен и военный представитель генерал Эрнест Пти. Посланники главы «Свободной Франции» в силу военного времени смогли достичь Москвы только в марте 1942 г. Так были установлены официальные двусторонние контакты.

Но вернемся ненадолго к лету 1941 г. Георгию Димитрову пришла в голову идея отправить к де Голлю в Лондон находящихся в Москве французских коммунистов Тореза, Марти и Гюйо (Раймонда). 1 июля 1941 г. генеральный секретарь Коминтерна

пишет письмо В.М.Молотову и Л.П. Берия, в котором в связи с прочим говорится:

«Просим Вас также через английскую миссию урегулировать вопрос о поездке в Англию для того, чтобы оттуда перебраться во Францию, Тореза, Марти и Раймонда. Они рассчитывают, что, войдя в контакт с де Голлем, им удастся создать в колониях крупный военный корпус, а внутри Франции вызвать большое движение против правительства Петэна и Дарлана вплоть до гражданской войны»¹³.

Можно себе представить, как «обрадовался» де Голль подобной перспективе. Ответ из Лондона был получен негативный. 17 июля 1941 г. заместитель наркома иностранных дел А.Я.Вышинский сообщил Димитрову, что британское правительство и генерал де Голль пока считают нецелесообразным вести переговоры с руководителями ФКП¹⁴.

С конца 1941 г. на территории Франции начинает шириться движение Сопротивления. Коминтерн старался держать ситуацию под контролем и направлять деятельность французских товарищ. Войти в контакт с представителями разных групп Сопротивления стремился и де Голль. Для этой цели специальные «разведывательные службы», созданные при его лондонской организации, засыпали на территорию Франции своих агентов.

О таком наведении контактов между голлистами и коммунистами вскоре узнали в Коминтерне. В апреле 1942 г. к Георгию Димитрову попадает очень интересный документ. Это — развернутая справка о положении дел во Франции. Значительный раздел в ней посвящен голлистскому движению. Читаем:

«Голлисты программы не имеют. Их лозунг — изгнание немцев. Это все. Наибольшее число сторонников они имеют в армии и в администрации (государственной, муниципальной, полицейско-жандармской и т.д.). В высших административных кругах правительство Петэна производит непрерывные чистки в обеих зонах. Голлистам сочувствует мелкая буржуазия, часть средней и крупная буржуазия «свободной» зоны, несвязанная своими экономическими интересами с немецким капиталом и немецким рынком.

Партия в контакте с голлистами. Сотрудничество с ними принимает все более широкие формы. Партия старается расширять голлистские акции и соответствующими лозунгами намечать политические перспективы. Несмотря на это, для партии еще неясен вопрос о том, каким образом должно осуществляться сотрудничество на практике, чтобы партия, идя рука об руку с голлистами, поддерживая их движение, сумела сохранить и расширить влияние в массах, свое идейное руководство этим движением. Иными сло-

вами для партии существует опасность оказаться в какой-нибудь важный момент в хвосте голлистов.

Не следует забывать, что к голлистам примыкают и многие ярые враги рабочего движения. У этих людей расчет ясен: использовать рабочих, рабочее движение в борьбе против оккупантов, а потом — видно будет»¹⁵.

Изложенная информация, конечно, весьма любопытна. Но не менее важен и вопрос о том, кто ее написал и о каких конкретных контактах идет речь. Но, к сожалению, установить это не представляется возможным. Справка, а вернее явно ее копия, пришла к Димитрову без подписи и без сопутствующих документов. В конце ее лишь стоит дата — 22 апреля 1942 г. и тут же — надпись «сверил капитан-лейтенант Овчинников». Таким образом, становится ясно только то, что пришел документ из НКВД или из ГРУ.

Летом и осенью 1942 г. Коминтерн впервые получает огромное количество сведений о де Голле и его движении. Поступили они не по почте и не по радиопереписке. Дело в том, что у Андре Марти в течение августа и сентября была возможность пять раз встретиться с представителями де Голля в Москве — Роже Гарро и генералом Пти. Они поведали секретарю ИККИ массу фактов, а он, в свою очередь, конспектировал их. В архиве Коминтерна сохранились все пять записей бесед. Они представляют собой ценнейший источник по истории голлистского движения в период второй мировой войны, отражая весь комплекс проблем, стоявших перед «Свободной Францией» и ее руководителем.

Остановимся подробно на конспектах Марти. Отметим, что все они были написаны по-французски. Естественно, мы приведем выдержки из них на русском языке и, таким образом, сделаем доступными для всех российских исследователей, интересующихся историей второй мировой войны.

Первая беседа Марти и Гарро состоялась 17 августа 1942 г. В ней Гарро дал характеристику Французскому Национальному Комитету (КНФ), образованному де Голлем при «Свободной Франции» для выполнения как бы правительственные функций:

«Генерал и КНФ — сторонники открытия второго Фронта, они одобряют вооруженную борьбу и саботаж, но считают, что восстание не может иметь шансов на успех без высадки союзников...

Партизанское движение только-только начинается: насчитывают всего три группы, две на севере и одну в Нормандии, назвать их более точную локализацию очень трудно, так как они все время перемещаются...

Поначалу КНФ отождествлял себя только с личностью де Голля, а не с политикой вообще. В этом была, в связи с прочим, при-

чина его трений с английским и американским правительствами. Как только я прибыл в Лондон, то сказал де Голлю о необходимости выработки политической линии... Генерал ответил мне, что уже думал об этом и намеревается развивать свою политику в следующем направлении: французский народ после своего освобождения изберет Консультативную Ассамблею. Вне всякого сомнения, в ней 150 мандатов будет у Коммунистической партии и 200 у Социалистической. До освобождения территории генерал и Национальный Комитет будут расценивать себя как временное правительство и осуществлять власть...»¹⁶.

Через два дня Марти вновь встречается с Гарро. На этот раз представитель де Голля остановился главным образом на вопросе о сотрудничестве «Свободной Франции» с союзниками.

«Отношения с США и Англией, — заявляет Гарро, — не дружественные и натянутые, по крайней мере, в том, что касается самого де Голля...

В Северной Африке войска и местное население настроены антигитлеровски и симпатизируют де Голлю.

КНФ предложил высадку десанта, который сразу же захватил бы всю Северную Африку и поставил Роммеля в очень трудное положение. Отказ.

Но восстание без высадки невозможно...

Вообще с де Голлем никто не консультируется, даже когда речь идет об операциях во Франции... его это приводит в бешенство...

Причины такой позиции. Англичане и американцы хотят сохранить у власти Петэна или какого-нибудь подобного человека. Тогда на мирной конференции они сделают все, что захотят...»¹⁷.

В заключении второй беседы, Марти спросил у Гарро, каково отношение де Голля к СССР. Тот ему без промедления ответил «прекрасное». Представитель де Голля сказал также, что глава «Свободной Франции» очень хорошо относится к Сталину и считает его дальновидным политиком, который «предвидел, что рано или поздно война СССР с Германией или «империалистической коалицией» была бы неизбежна»¹⁸.

Потом Гарро еще прибавил:

«Может так случиться, что де Голль прибудет сюда. Если же он не приедет, я увижу его через две недели в Каире». ¹⁹

Такой интересный факт требует пояснения. До сих пор почти никому не известно, что де Голль еще в 1942 г. хотел посетить Москву и увидеться со Сталиным. Между тем информацией об этом располагает Архив Внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Из его материалов мы узнали, что 8 августа 1942 г. профессор Дежан, один из помощников де Голля, явился в Лондо-

не к А.Е.Богомолову и заявил ему: «Если советское правительство хочет пригласить де Голля в Москву для личного свидания, то он будет очень рад принять такое приглашение, используя свое пребывание на Ближнем Востоке как удобный случай для визита в СССР»²⁰. В тот же день Роже Гарро в Москве повидался с заместителем народного комиссара иностранных дел В.Г.Деканозовым и сказал, «что де Голль находится в Каире. Он был бы готов, если советское правительство сочтет это желательным, прибыть в Москву на 2-3 дня»²¹.

Однако в Москве пока не сочли нужным принимать де Голля. Скорее всего, в правящих кругах СССР посчитали, что приглашение генерала могло бы несколько осложнить отношения Советского Союза с Англией и США. В результате первые попытки посредников де Голля организовать его визит в СССР были оставлены советской стороной без внимания.

Третья встреча Марти с Гарро состоялась 4 сентября 1942 г. Гарро начинает свой рассказ с визита де Голля в Сирию:

«Генерал де Голль был принят триумфально. Его речь в Бейруте 28 августа была превосходной и имела широкий отклик...

Это объясняет острый конфликт между де Голлем и США. В общем, для США Францию представляют Лаваль и его посол, а вовсе не де Голль и Национальный Комитет»²².

Затем представитель «Свободной Франции» с огорчением говорит Марти о том, что де Голля не хотят принять в Москве:

«...Как жаль, что на просьбу де Голля пригласить его сюда, ему не дали никакого ответа. Это единственный случай в моей тридцатилетней карьере, что с 8 августа я не получил никакого ответа, после того как встречался с Деканозовым. Я понимаю, когда мне объясняют, что ситуация неблагоприятная. Но что сейчас думает генерал, не получая от меня никакого ответа по его запросу»²³.

В конце беседы Гарро останавливается на характеристике главы «Свободной Франции»:

«Речь де Голля 28 августа вырисовывает одну из основных черт его характера: прежде всего он настоящий Француз... Это энергичный человек, человек действия и с твердым характером. Именно поэтому к нему трудно подступиться.

Он не стесняется говорить то, что думает об англичанах. От того и произошел конфликт 21 января, когда под предлогом поздней подачи его речь не стали передавать по радио. На самом же деле это случилось потому, что она была слишком просоветской. Генерал отказался изменить в ней ни одного слова...

Я видел генерала перед моим отъездом в январе. Я так представил ему ситуацию: крупная буржуазия труслива, только народ

сражается против врага. Вы представляете военное движение, вы сможете идти вперед только при поддержке народных сил. Вы роялист, я республиканец. Вот поэтому я и говорю с вами прямо.

Де Голль ответил, что все это знает, и изложил свою программу: Национальное Учредительное собрание и реформы вплоть до национализации основных отраслей промышленности. Он сказал мне даже больше, чем я надеялся услышать»²⁴.

Последняя беседа Марти—Гарро прошла 21 сентября. В ней представитель де Голля в Москве не только осветил те или иные моменты деятельности главы «Свободной Франции», но остановился также на кратких характеристиках некоторых военных и политических деятелей так или иначе связанных с де Голлем. Итак:

«...Генерал де Голль доверяет генералу Жиро... Генерал Жиро видимо действительно бежал из плена. Возможно, ему помогли патриотические элементы 2-го бюро Виши, которые и организовали это дело. Немцы очень бы хотели, чтобы он опять стал пленным, в обмен на него они могли бы освободить целых 50 тысяч человек...

Приезд в Лондон Андре Филипа стал причиной для перемены в лучшую сторону отношения к де Голлю большой части английской прессы. Например, «Трибюн», которая называла де Голля фашистом, после назначения Филипа сразу переменилась к генералу.

Не надо, однако, забывать, что офицеры генерала де Голля очень настроены против «политиканов». Однако быть против политиканов не означает быть против парламента...

Генерал де Голль очень изменился. Это замечают на периодических собраниях, когда он обращается к французам Лондона. Это уже больше не холодный военный, профессор военной школы. Он уже делает красивые жесты, его слова стали более сердечными.

Мюзелье — смелый, энергичный, решительный человек, немножко демагогичный, широко раздающий галуны и награды. Генералу де Голлю стоило многое освободиться от него.

Но де Голль нисколько не постеснялся, когда Иден вызвал его к себе и потребовал объяснений в отношении мер, принятых против адмирала Мюзелье. Де Голль ему ответил: «Я не позволяю себе спрашивать у английского правительства, почему оно перемещает членов своего кабинета или генералов».

В Англии французы — промышленники уже англизировались. Французы же генерала де Голля напротив. Это, например, случай авиаторов, которые хотят сражаться. Подле англичан они не смогут узнать методов немецкого боя, потому что англичане не всту-

пали с немцами в настоящие авиационные бои. Именно поэтому французские авиаторы хотят приехать в Советский Союз. А этого было нелегко добиться...»²⁵

30 сентября 1942 г. Марти смог увидеться с военным представителем де Голля генералом Пти. Тот не был слишком откровенен с секретарем ИККИ, тем не менее, рассказал ему о том, что в Лондоне известно о движении Сопротивления на территории Франции.

«Вне всякого сомнения, — подчеркнул генерал Пти, — партизанское движение расширяется.

В феврале, когда мы покидали Лондон, уже были известны три впечатительных группы: в Кане, в Ванне и на юго-западе.

Но помимо этого существует также большое количество разных групп, о которых нам ничего не известно. В феврале нам сообщили, что существует организация Эльзас-Лотарингия, сеть которой распространяется на всю не оккупированную Францию... Конечно, есть еще много подобных движений, но просто мы о них не знаем.

В том же, что касается манифеста движений сопротивления двух зон, то мы к нему не имеем никакого отношения...»²⁶

После своих бесед с представителями «Свободной Франции» в Москве Андре Марти решает представить ИККИ аналитический доклад «Голлистское движение за пределами Франции». Он сообщил, что написал его на основе сведений, полученных от Гарро и Пти и еще одного источника, не указывая, какого конкретно. Что же мы узнаем о де Голле и его движении из этого доклада? Характеристики, которые сам Марти решил дать де Голлю, исходя из собственных классовых позиций. Отметим, что этот деятель ФКП всегда считался одним из самых враждебно настроенных по отношению к любым некоммунистическим движениям. В этом нетрудно убедиться, прочитав его доклад. Сначала приведем характеристику, данную Марти де Голлю:

«Типичный представитель французского империализма, амбициозный реакционер, большего мнения о своих военных способностях, чем они есть на самом деле. Вне всякого сомнения, постараётся установить во Франции военную диктатуру. Устно он совершенно нетерпим к англичанам, что объясняется его истерическим характером. Тем не менее, англичане не поддаются на эти вербальные протесты и твердо продолжают следовать собственным интересам. Трудно предположить, что на самом деле он не будет действовать так, как того захочет кабинет Лондона»²⁷.

Примерно в таком же духе выдержан и остальной текст. В заключении автор приходит к следующим выводам:

«1 — Голлистское движение за пределами Франции и даже его военные силы в своем военном и гражданском составах имеют мало последовательно патриотических и антифашистских элементов.

В такой ситуации голлистское движение за границей, вне всякого сомнения, используется врагом и агентами Виши...

2 — Работе врагов и фашистов очень способствует крайне смутная идеологическая база движения. Искренние патриоты соседствуют с откровенными карьеристами и агентами врага и Виши. Английское и американское влияние еще больше все запутывает, углубляет различия и облегчает работу врагу.

В таких условиях совершенно необходимо, чтобы патриотические элементы, и, прежде всего военные, морские и воздушные силы генерала де Голля, получили четкую политическую ориентацию.

В этом должна заключаться цель заинтересованных коммунистических партий (сирийской для Ближнего Востока и Северной Африки; партий Великобритании и Соединенных Штатов). Они должны принять все необходимые меры, чтобы помочь в политической ориентации всем разумным элементам голлистского движения и, разумеется, коммунистическим и симпатизирующими элементам...

3 — В таком смысле присутствие в Советском Союзе французской авиационной эскадрильи будет иметь огромное не только военное, но и политическое значение.

Учитывая сложившуюся ситуацию в верховном командовании французских войск в Северной Африке, фашистском военном командовании... совершенно необходимо ускорить в войсках де Голля процесс сближения с Советским Союзом и французским народом»²⁸.

Пока Андре Марти писал свой доклад, руководство Коминтерна, несмотря на явное недоверие к де Голлю, сделало еще один шаг ему навстречу. Такое решение подсказывалось самими событиями. В ноябре 1942 г. англо-американские войска высадились в Северной Африке. В ответ немцы оккупировали всю Францию. В связи с этим Георгий Димитров ставит перед ФКП новые задачи. Его директива гласит:

«Коммунистическая партия должна добиваться сплочения всех национальных сил и действовать для их организации через посредство различных комитетов национального фронта. В этих целях коммунистическая партия должна сотрудничать с де Голлем и его сторонниками и поддерживать все другие элементы во Франции и Северной Африке, которые включаются на деле в борьбу с Гитлером»²⁹.

В оккупированной Франции компартия сразу начала действовать согласно полученным указаниям. Однако интересно, что теперь сам де Голль выступает инициатором развития отношений между «Свободной Францией (с 1942 г. — «Сражавшейся Францией») и коммунистами. Такая позиция вполне понятна. Де Голль давно понял, что для успеха своего дела он должен заручиться поддержкой внутреннего движения Сопротивления. Общеизвестно, что самую внушительную силу в нем представляли коммунисты. Поэтому глава «Сражавшейся Франции» через своих специальных агентов идет на самое широкое сотрудничество с ФКП.

Уже в первой половине ноября 1942 г. агент де Голля полковник Реми подписывает от его имени в условиях строжайшего подполья соглашение с ФКП, которую представлял известный деятель Сопротивления Жорж Бофис (подпольная кличка Жозеф). Текст этого соглашения хранится в архиве Коминтерна в двух экземплярах на французском и русском языках³⁰. Но помимо этого де Голль требует, чтобы к нему в Лондон был прислан постоянный представитель ФКП. По этому вопросу Дюкло запросил Москву и 8 декабря 1942 г. получил в ответ шифротелеграмму за подписью Димитрова, Тореза и Марти:

«Учитывая новую ситуацию, считаем необходимым, чтобы вы послали представителя в Лондон при де Голле»³¹.

Выбор на месте пал на Фернана Гренье. «Доставить» его в Лондон должен был сам полковник Реми. В канун отъезда Гренье, глава ФКП Дюкло получает еще одну шифровку из Москвы. Она датирована 31 декабря 1942 г.

«Почти полностью военное и гражданское окружение де Голля крайне подозрительно с разных сторон. Поэтому советуем вашему делегату при де Голле быть чрезвычайно осторожным со всех точек зрения: политической, организационной, связи с вами и личной. Выберите делегата умного и твердого. По приезде ваш делегат должен увидеть советского представителя при де Голле Богомолова, который даст ему полезные советы»³².

По приезде в Лондон, следуя инструкции, которая была дана Дюкло, делегат компартии посетил А.Е.Богомолова. Но здесь произошло недоразумение. Посол явно не был оповещен о приезде Гренье и поэтому с недоумением сообщил о случившемся в Москву своему куратору В.Г.Деканозову. А тот, в свою очередь, немедленно, 3 февраля 1943 г. отписал Георгию Димитрову в Коминтерн:

«В Лондоне к нашему послу тов. Богомолову явился Фердинанд Гренье, назвавшийся уполномоченным Национального Комитета Французской Коммунистической партии для связи с де Голлем. Он рассказал, что Центральный Комитет Французской

Компартии получил от де Голля предложение о создании постоянной связи. Дюкло, Торез и др. якобы решили послать его — Гренье.

По сообщению т. Богомолова, Гренье 41 год, рыжеватый, лысый, нос длинный, глаза карие, выглядит старше своих лет... Находится в Лондоне около месяца. В Национальном Комитете ему дали работу по пропаганде внутри Франции.

Просьба сообщить, что Вам известно о Гренье и о его связи с де Голлем»³³.

На следующий день Димитров незамедлительно отвечает Деканозову:

«Тов. Гренье нам хорошо известен. Он бывший депутат Компартии Франции и председатель французского общества «Друзей Советского Союза». Честный и преданный товарищ.

Он был послан ЦК Компартии Франции в качестве ее представителя при Национальном Комитете де Голля. Учитывая плохое окружение де Голля, ему было дано, с нашего согласия, поручение время от времени просить у Богомолова необходимую информацию, чтобы лучше мог ориентироваться в лондонской обстановке...»³⁴

Таким образом небольшой инцидент был быстро исчерпан.

26 февраля 1943 г. сам Гренье пишет письмо в Москву Андре Марти. В архиве Коминтерна оно сохранилось в подлиннике, написанное рукой Гренье на бланках «Сражающейся Франции»:

«...Несмотря на тридцать истекших, очень трудных месяцев и суровые лишения, со мной, как сказал доктор, ничего серьезного нет: побольше еды и все будет... х-а-р-а-ш-о! Но какая же прекрасная у нас Партия, и как хорошо держались наши мужчины перед врагом! Девять месяцев я прожил с нашими несчастными товарищами в Шатобриане, и я никогда не устану говорить о том, сколько же доброты было в них и как стойко они себя вели. Никогда еще мы так не любили нашу Партию, которая выковала из нас таких борцов, и Ленина и Сталина, сделавших из нас таких, какие мы есть...»³⁵

Вместе с письмом Марти, Гренье переслал в Москву ряд документов ФКП, которые ему дал Дюкло перед отправкой в Лондон. Среди них было и соглашение со «Сражающейся Францией», подписанное еще в ноябре полковником Реми и Жозефом. Георгий Димитров тщательно изучил его и вынес свой вердикт:

«Считаю нецелесообразным и преждевременным заключение Формального соглашения между Компартией Франции и де Голлем. Необходимо на данном этапе ограничиться взаимными декларациями о совместной борьбе коммунистов и деголлистов для изгнания оккупантов из Франции и максимального усиления этой борьбы в самой Франции»³⁶.

Пожалуй, эта записка была последним серьезным документом, отражающим мнение лидеров Коминтерна о де Голле. Нам остается лишь отметить, что к заключению Димитрова никто серьезно не прислушался. Последующие события развивались уже по собственному сценарию. Менее чем через три месяца Коминтерн был распущен. Отношения между де Голлем и французскими коммунистами продолжали крепнуть и в конце войны перешли в тесное сотрудничество, поощряемое официальной Москвой.

-
- ¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 90.
 - ² Там же. Оп. 74. Д. 518.
 - ³ Там же. Д. 1322.
 - ⁴ Там же. Оп. 10а. Д. 105.
 - ⁵ Там же. Оп. 74. Д. 522.
 - ⁶ Там же. Оп. 10а. Д. 126.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1931.
 - ⁹ Там же. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335.
 - ¹⁰ Там же. Оп. 73. Д. 109.
 - ¹¹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945. В 2-х тт. М., 1983. Т. 1. С. 46.
 - ¹² Там же. С. 51-52.
 - ¹³ РГАСПИ. Ф. 425. Оп. 73. Д. 112.
 - ¹⁴ См.: Коминтерн и вторая мировая война. Ч. II. М., 1998. С. 109.
 - ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 526.
 - ¹⁶ Там же. Д. 527.
 - ¹⁷ Там же.
 - ¹⁸ Там же.
 - ¹⁹ Там же.
 - ²⁰ АВП РФ. Ф. 06.Оп. 6. Д. 750. П. 55.
 - ²¹ Там же.
 - ²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 527.
 - ²³ Там же.
 - ²⁴ Там же.
 - ²⁵ Там же.
 - ²⁶ Там же.
 - ²⁷ Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 56.
 - ²⁸ Там же.
 - ²⁹ Там же. Ф. 495. Оп. 73. Д. 163.
 - ³⁰ Там же. Оп. 74. Д. 532.
 - ³¹ Там же. Ф. 495. Коллекция материалов.
 - ³² Там же.
 - ³³ Там же. Оп. 74. Д. 532.
 - ³⁴ Там же.
 - ³⁵ Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1969.
 - ³⁶ Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 532.

К.П. Зуева

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ

Выдающийся французский государственный деятель, генерал де Голль останется в истории Франции как одна из наиболее крупных личностей, сыгравших в судьбе этой страны исключительную роль. Вся его деятельность была направлена на возвышение Франции и укрепление ее авторитета на международной арене в качестве одной из крупнейших западных держав. Эта деятельность разворачивалась вначале на фоне трагических событий второй мировой войны, когда Франция, потерпевшая поражение в войне с Германией, превратилась впоследствии в оккупированную территорию, судьба которой могла стать непредсказуемой. Огромная заслуга генерала де Голля в том, что благодаря его незаурядному таланту военачальника, колоссальной настойчивости и целенаправленной дипломатической активности ему удалось вернуть Франции ее место великой державы, несмотря на то, что ее вклад в дело разгрома фашизма был явно несоизмерим с вкладом других союзников по антигитлеровской коалиции.

Генерал де Голль умело использовал тогда поддержку союзников, в том числе Советского Союза, в целях возрождения Франции. Под его руководством были объединены все силы сопротивления во Франции и ее колониях, в том числе и коммунисты, которых он впоследствии ввел в свое Временное правительство. Немногочисленные войска «Сражающейся Франции» принимали участие в военных операциях не только в Западной Европе, но и на советско-германском фронте. Благодаря в значительной мере поддержке Советского Союза де Голлю удалось избежать установ-

ления англо-американского оккупационного режима на освобожденной территории Франции летом 1944 г.

Предвидя неминуемый конец фашистской Германии, де Голль уже в то время всерьез задумывался о послевоенном устройстве мира и месте в нем Франции. Горький опыт взаимоотношений с Англией и Соединенными Штатами, стремившихся на протяжении всего периода войны поставить деятельность де Голля под свой контроль, дал толчок рождению замысла, который генерал пытался осуществить на протяжении последующих лет. Речь шла не только об обеспечении безопасности Франции в будущем, но и о создании нового баланса сил на Европейском континенте. Идея де Голля заключалась в том, чтобы передать Франции Рейнскую область, установить международный контроль за Руром и сделать советско-французские отношения основой системы международных отношений в Европе.

Как известно, претензии Франции на Рейнскую область имеют давнюю историю. Они выдвигались еще до первой мировой войны, во время и после нее. Французы считали, что присоединение к Франции левого берега Рейна было необходимым условием обеспечения ее национальной безопасности и предотвратило бы возможность нападения со стороны Германии. По Версальскому договору Франция участвовала вместе с другими союзниками в оккупации Рейнской области. Ей были переданы в собственность все угольные шахты Саара. Однако с крахом Версальской системы Франция утратила все свои позиции в Рейнской области.

Вопрос о разделе Германии и отделении от нее Рейнской области снова начал подниматься французами уже в начале 1944 г. Выступая на заседании Временной консультативной ассамблеи 18 марта 1944 г. де Голль впервые упомянул о Рейне, как о важной артерии группы западноевропейских стран. Вскоре после этого в беседе с заместителями министра иностранных дел СССР Декановым французский представитель Гарро заявил, что «англичане и американцы хотят захватить Рур», но что французы этого не допустят¹.

По вопросу о судьбе Германии и Рейнской области единого мнения среди французов в тот период не существовало. Так, в июньском номере алжирского политического журнала «Ренессанс» в статье, которая называлась «Немецкая проблема», содержалось предложение создать самостоятельную Прирейнскую область и отделить от Германии Баден. Контроль за ними должна была осуществлять Франция. Кроме этого данный план предусматривал создание на территории Германии Баварского, Вестфальско-Ганноверского и Прусско-Саксонского независимых государств.

Наряду с этим в аппарате представительства Французского комитета национального освобождения (ФКНО) при союзных правительствах в Лондоне был создан проект решения германской проблемы и организации безопасности в Европе, который был впоследствии передан советскому правительству. Основная идея этого документа заключалась в том, что Германия должна была быть навсегда лишена материальных средств подготовки и ведения современной войны. В первую очередь предлагалось ввести на левом берегу Рейна и части его правого берега режим постоянной оккупации французскими войсками, либо французскими, английскими, бельгийскими, нидерландскими и люксембургскими войсками с разграничением этой территории на секторы для каждой оккупационной армии. Помимо этой особой зоны должны были существовать английская, советская и американская зоны оккупации. Кроме этого предполагалось, что Рейнско-Вестфальская область будет полностью отделена от Германии в экономическом плане. Промышленность этого региона должна стать собственностю международного консорциума либо управляться международным комитетом. В соответствии с этим планом границы Германии должны были быть подвергнуты серьезным изменениям как на востоке, так и на западе, а вопрос о Сааре вновь становился открытым.

В мае 1944 г. де Голль очень подробно беседовал о необходимости франко-советского сближения с советским представителем при ФКНО Богомоловым, заявив при этом, что после войны Франция должна вернуться к союзу с СССР. Вместе с тем, де Голль прямо сказал, что Англия и Соединенные Штаты хотят ослабления Франции. Летом 1944 г. французские представители начали зондировать почву относительно переговоров о заключении франко-советского договора². А в конце сентября 1944 г. Бидо, министр иностранных дел Временного правительства Франции, которое правда еще не было признано союзниками, заявил Богомолову, что «для Франции необходимо пойти на тесное сближение с СССР и установление общей политической линии в европейских вопросах и, в частности, в вопросе о Германии»³.

В тот период де Голль еще только намечал контуры своего замысла. Первоначально он попытался наладить взаимодействие по вопросу отношения к Германии с англичанами, проведя осенью 1944 г. переговоры с Черчиллем и Иденом, которые были для него достаточно разочаровывающими, хотя французы и утверждали, что Черчиль благоприятно относился к вопросу о передвижении восточных границ Франции на Рейн. Однако английский премьер на сепаратные переговоры с де Голлем о судьбе Германии и, в

частности, Рура и Рейнской области не пошел, о чем сообщил в своей телеграмме Сталину от 16 ноября 1944 г. Именно поэтому генерал делал вначале довольно противоречивые заявления. Так, во время встречи с советским послом Богомоловым 8 ноября 1944 г. де Голль заявил, что не хочет идти на соглашение с Англией без СССР и с СССР без Англии. Не добившись согласия Англии на реализацию своих планов, генерал решил как можно быстрее обсудить их в Москве и сказал тогда же Богомолову, что сам лично и его министры хотели бы посетить Советский Союз для обсуждения взаимоотношений между обеими странами⁴. 13 ноября 1944 г. де Голлю было послано официальное приглашение посетить Советский Союз. Таким образом, поддержку своей идеи де Голль пытался найти вначале у Англии, а затем у Советского Союза.

Уже тогда французы официально заявляли, что наиболее важной проблемой для них в тот период была судьба Рейнско-Вестфальской области⁵. Французы даже обдумывали варианты обращения с немецким населением Рейнской области, которое насчитывало 7 млн. человек. Высказывалось мнение, что часть населения будет переселена в Германию, а часть останется на месте и по примеру Эльзаса и Лотарингии ассимилируется с французами⁶. Предполагая, что именно эта проблема окажется в центре предстоящих переговоров, Сталин направил в день приезда французской делегации в Москву, 2 декабря 1944 г. телеграммы Черчиллю и Рузвельту с просьбой подсказать, как ему реагировать на предложение французов о перенесении границы Франции на Рейн. В ответной телеграмме Черчилль посоветовал Сталину отложить решение этого вопроса до мирной конференции.

Записи трех опубликованных бесед Сталина с де Голлем свидетельствуют о том, что приступая к переговорам со Сталиным, генерал, по-видимому, решил для себя, что в случае благоприятного отношения советского руководства к французским планам в отношении Рейнской области и Рура, Франция в своей политике будет ориентироваться главным образом на союз с СССР. Подписание нового франко-советского договора, по замыслу де Голля, должно было закрепить эту новую расстановку сил. Уже во время первой беседы со Сталиным де Голль подробно изложил свою точку зрения по вопросу о Рейнской области и Руре, заявив, что «Рейн должен быть окончательным барьером на востоке против Германии и германской угрозы» и было бы хорошо, «если бы Рейнская область была отделена от Германии и присоединена к Франции»⁷. Убеждая своего собеседника в необходимости принять его план, де Голль сказал, что история свидетельствует о незаинтересованности англичан и американцев в установлении границы

по Рейну, поскольку они географически не связаны с этим регионом. И если возникнет опять опасность со стороны Германии, она непосредственно их не затронет. Россия же и Франция обречены быть соседями Германии и должны вместе решать проблему своей безопасности в будущем.

Предложение генерала де Голля не встретило особого энтузиазма у Сталина, который заявил, что, как ему известно, англичане рассматривают другую комбинацию, а именно: помещение Рейнско-Вестфальской области под международный контроль. Он сказал, что в современных условиях граница не является определяющим условием для защиты государства. А главное, Советский Союз не может решать этот вопрос, не считаясь с мнением своих союзников особенно в условиях, когда война приближается к концу и сплоченность и сотрудничество в рядах антигитлеровской коалиции особенно важны.

Некоторую роль в определении Сталиным своей позиции по вопросу о Рейнской области сыграла, возможно, и справка об отношении к Франции — аналитический материал, выпущенный из недр комиссии, созданной в 1944 г. в составе Майского, Сурица, Штейна и других крупных советских дипломатов старшего поколения. В ней содержался категорический вывод о том, что появление на политической карте послевоенной Европы сильной «империалистической» Франции невыгоден для Советского Союза, поскольку это нарушит баланс сил на континенте и может подтолкнуть французские правящие круги к усилению своей гегемонии, особенно если во главе ее будет находиться генерал де Голль, которого многие как в СССР, так и за рубежом считали почти законченным диктатором.

Позиция Сталина вызвала глубокое разочарование де Голля, тем более, что советская сторона использовала переговоры, чтобы добиться от французов согласия признать в качестве законного правительства Польши Польский комитет национального освобождения, сформированный при поддержке советских властей, в то время как в Лондоне находилось польское правительство в изгнании, с которым французы поддерживали дружеские связи. Де Голль особенно уязвлен был тем, что союзники решили без него вопрос о восточных границах Германии, отдав Польше земли восточнее Одера и Нейсе, а в вопросе о левом береге Рейна и Руре они, и в том числе Сталин, ссылались на необходимость решать его только вчетвером. Как писал впоследствии де Голль в своих «Военных мемуарах», Сталин в ответ на его прямой вопрос об этом «промолчал и занимался тем, что чертил палочки и кружочки»⁸. Кстати в мемуарах де Голль практически нигде не

упоминает о желании Франции присоединить левый берег Рейна, утверждая, что речь вовсе не шла об «аннексии», а только лишь об оккупации⁹. Это, вероятно, было вызвано тем, что они были изданы в 1959 г. и генерал не хотел акцентировать этот болезненный для немцев вопрос, поскольку он уже задумывался о необходимости налаживать тесные отношения с ФРГ. В последующих беседах на переговорах вопрос о судьбе Рейнской области и Рура французы почти не затрагивали. Сам де Голль в последней беседе со Сталиным заметил только, что с экономической точки зрения было бы полезно использовать Рурский бассейн под международным контролем.

В результате визита де Голля в Советский Союз 10 декабря 1944 г. был подписан Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией. Однако, по свидетельству очевидцев, после бесед со Сталиным де Голль долго колебался стоит ли его подписывать, поскольку надежды на реализацию его грандиозного замысла не оправдались. В беседе с Богомоловым, к которому де Голль испытывал искреннее расположение, он с обидой сказал, что отправляясь в Москву, французы «надеялись на взаимное понимание»¹⁰. Де Голль был неприятно удивлен и тем, что в ходе переговоров советские представители предложили ему вместо советско-французского подписать совместный англо-франко-советский договор, идею которого де Голль сразу же категорически отверг. В результате, советско-французский договор, который был задуман французами, как юридическая основа нового устройства Европы, как бы повис в воздухе. Тот же Богомолов в марте 1945 г. писал в письме Молотову: «Де Голль преувеличил наши разногласия с Англией и с США, а еще более преувеличил силу и значение Франции на ближайшие годы. Ему казалось, что он делает нам огромное историческое одолжение, подписывая пакт с нами. Де Голлю казалось, что мы пойдем даже на обострение своих отношений с Англией и с США из-за советско-французского альянса»¹¹. По приезде из Москвы де Голль произнес на заседании Временной консультативной ассамблеи блестящую речь в пользу подписанного договора. Однако после этого он ни разу не воспользовался преимуществами, которые давал Франции этот договор, а советско-французские отношения становились все более прохладными.

Поняв, что и на этот раз Франция скорее всего не сможет добиться присоединения к своей территории левого берега Рейна, французы начали зондировать почву относительно передачи им этой области в качестве оккупационной зоны. Однако они не считали, что проблема Рейнской области решена окончательно не в

пользу Франции и попытались поставить этот вопрос в Европейской консультативной комиссии, которая занималась проблемами обращения с Германией. Смысл их позиции был четко сформулирован министром иностранных дел Франции Бидо, который заявил, что «никакая система союзов, никакая организация безопасности не могут явиться достаточной гарантией, если мы оставим в центре Европы Германию, сохранившую свои прежние границы, сохранившую контроль над своими естественными богатствами и своим промышленным потенциалом»¹².

На Крымской конференции глав правительств Англии, СССР и США, куда де Голль не был приглашен, было принято решение о выделении французам зоны оккупации из английской и американской зон без конкретной географической привязки. Де Голль отреагировал на это достаточно резко, демонстративно заявив: «Рейнскую область мы оккупируем в любом случае, то есть если не теперь, то после. Этот вопрос для нас решен»¹³. В последующее время французы упорно добивались передачи им левого берега Рейна в качестве зоны оккупации. В отношении же Рура они предлагали международный контроль шести стран: СССР, Англии, США, Франции, Бельгии и Голландии¹⁴. В беседе с Деканозовым в начале марта 1945 г. посол Франции Катру вновь изложил позицию своей страны по этому вопросу, которая сводилась к следующему: Германия должна быть оккупирована на 25-30 лет, чтобы под режимом оккупации успело вырасти новое поколение. Всю территорию на левом берегу Рейна, а также Рур и Вестфалию следует отделить от Германии и превратить в автономную республику, находящуюся под контролем союзников. На территории этой республики Франция должна иметь свою зону оккупации, расположенную по берегу Рейна от Базеля до Кельна. Для выполнения целей оккупации Франция готова была выделить 10-12 дивизий. Деканозов отметил, что притязания Франции в отношении зоны оккупации значительно превосходили те наметки, о которых Черчилль говорил на Крымской конференции¹⁵.

Советский Союз в принципе не возражал против выделения Франции зоны оккупации в Рейнской области. Однако в беседе с Катру 19 марта 1945 г. Сталин заявил, что еще не знает за что высказаться: за международный контроль или за передачу этого района Франции в качестве зоны оккупации, поскольку для него этот вопрос пока не совсем ясен.

Через три месяца по решению Европейской консультативной комиссии Франция получила в качестве оккупационной зоны почти весь левый берег Рейна. Судьба Рура рассматривалась на Бер-

линской конференции в июле 1945 г. При обсуждении этого вопроса советская делегация предложила следующее решение:

«1. Установить, что Рурская промышленная область в административном отношении должна находиться под совместным контролем США, Великобритании, СССР и Франции.

2. Управление Рурской промышленной областью должно осуществляться союзным советом, состоящим из представителей Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и Франции.

3. Промышленность Рурской области используется для репарационных целей в соответствии с общим репарационным планом.

4. В целях скорейшего осуществления настоящего решения немедленно учредить временный союзный совет из представителей США, Великобритании, СССР и Франции, который в месячный срок проведет необходимую подготовительную работу и примет на себя временное управление Рурской областью»¹⁶.

Но не все участники конференции согласились, чтобы Рурская область осталась частью Германии. Английский министр иностранных дел Бевин заявил на заседании конференции, что не может согласиться на это без детального ознакомления с материалами предшествующих обсуждений и предложил передать окончательное решение этого вопроса в Совет министров иностранных дел, с чем согласились и Трумэн и Сталин.

Франция осталась недовольна таким решением Берлинской конференции. 7 августа 1945 г. французское правительство направило советскому правительству целый пакет нот, в которых подробно информировало об особенностях своей позиции по обсуждавшимся на конференции вопросам. Французы выразили сожаление, что текст «Политических принципов, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией» был выработан без их участия. Они одобрили решения конференции о разоружении и демилитаризации Германии, устранили нацизма, наказании военных преступников и других мерах, которые должны помешать возрождению германского милитаризма. Однако они выдвинули возражение против восстановления политических партий и создания «центральных административных департаментов»¹⁷. Французский посол Катру в беседе с Молотовым 24 августа 1945 г. заявил о желании французского правительства поставить Рур «под контроль четырех держав как в территориальном, так и в промышленном отношении»¹⁸. Таким образом, французская и советская позиции в этом вопросе были достаточно близки. Но Франция настаивала на полном отделении Рура от Германии.

Французское правительство вновь поставило вопрос о судьбе Рура и Рейнской области на 1-ой сессии Совета министров иностранных дел, которая проходила в сентябре-октябре 1945 г., вручив участникам сессии меморандум, содержащий окончательно сформировавшуюся французскую позицию по этому вопросу с поправкой на то, что левый берег Рейна не будет присоединен к Франции, а отдан ей в качестве оккупационной зоны. Де Голль писал в своих мемуарах, что «французская программа встретила неплохой прием на конференции», а ее концепция «франко-сарского экономического союза не вызвала никаких возражений»¹⁹. В результате обсуждения Совет министров иностранных дел решил, что эта проблема будет разрешена в дипломатическом порядке.

В конце октября 1945 г. французы провели переговоры на эту тему с англичанами, а в конце ноября — с американцами. Ни те, ни другие против французских предложений не возражали, но, выслушав французскую точку зрения, не дали никакого официального ответа, сославшись на то, что им неизвестна точка зрения Советского Союза по данному вопросу.

Именно поэтому французы подробно изложили свою позицию советскому правительству во время советско-французских переговоров о заключении торгового соглашения в декабре 1945 г. Во время беседы Молотова с главой французской делегации Альфаном, присутствовавший на ней посол Франции Катру заявил, что в случае, если Рур останется германским, то не поможет никакой контроль, и Германия сможет снова использовать его потенциал в военных целях. Именно поэтому недостаточно одного международного контроля за этой областью. Необходимо отделить ее от Германии. В этом, по мнению французского правительства, состоит гарантия безопасности Франции. Рейнская же область всегда была плацдармом нападения Германии на Францию. Ее также следует выделить из состава германской территории.

Во время беседы с Молотовым Катру и Альфан настойчиво убеждали своего собеседника в том, что именно Франция и СССР несут ответственность за безопасность в Европе, и оба государства глубоко заинтересованы в германском вопросе. И если франко-советская договоренность будет достигнута, то согласия других заинтересованных государств добиться будет легко. Однако Молотов конкретного ответа на предложение французов не дал, сославшись на то, что ему предварительно необходимо детально ознакомиться с французской позицией, изложенной в двух меморандумах, переданных ему во время беседы Альфаном²⁰.

В первом меморандуме «О будущем режиме Рейнской области и Рура» говорилось о том, что военная оккупация Германии устанавливается лишь на ограниченный период. Именно поэтому Германия должна быть лишена права свободно распоряжаться промышленностью и ресурсами Рейнско-Вестфальского района. Франция предлагала не аннексировать эти территории, а исключить их из компетенции центральных германских властей, с тем чтобы можно было использовать богатства этого района на благо общих интересов. С этой целью необходимо принять принципиальное решение о том, что эти территории будут отделены от Германии навсегда, для чего их следует изъять из компетенции Союзного контрольного совета в Берлине. Для каждой из этих территорий должен быть установлен свой особый режим.

Что касается левого берега Рейна, то он должен находиться под постоянной французской оккупацией при возможном участии в ней Бельгии или Люксембурга. Эта территория не должна входить ни в Германию, ни во Францию. Она, в зависимости от дальнейшей договоренности, может стать одним государством или быть разделена на два или три государства.

В этом меморандуме французы поставили вопрос и о Сааре, угольные шахты которого по Версальскому договору были отданы в собственность Франции, но которые Германия вернула себе в 1935 г. Французы высказались за то, чтобы они снова были им возвращены, а Саар включен в таможенный и денежный французский режим. Окончательный статут этой территории должен быть определен позднее, но там на постоянной основе должны быть размещены французские войска.

В отношении Рура французы предлагали следующую схему: этот регион должен стать независимым от Германии и иметь режим политической и экономической интернационализации. На этой территории должны быть размещены международные силы, а целостность ее обеспечат все заинтересованные державы. Экономически Рур будет открыт для торговли со всеми странами, в том числе и с Германией. Наиболее крупные промышленные предприятия и шахты Рура должны быть экспроприированы в интересах международного сообщества. В отличие от Рейнской области решение проблемы Рура является срочной по причине добываемого там угля, в котором заинтересованы многие европейские страны. Начать установление там особого режима нужно как можно быстрее, но проводиться он должен постепенно.

В меморандуме содержался также ряд уточнений в отношении режима Рура. Предполагалось, что он будет определяться четырьмя державами, оккупирующими Германию. Территория Рура, на

которую должен распространяться такой режим, не будет включать всю его территорию, а лишь угольный бассейн и основные промышленные предприятия. Жители этой территории будут иметь гражданство Рура. А те, кто захочет уехать в Германию, смогут свободно покинуть Рурскую область и получить немецкое гражданство. Управляться интернационализованный Рур будет Правительственной комиссией, над деятельностью которой необходимо установить международный контроль со стороны заинтересованных держав. Предлагался также порядок назначения председателя и членов комиссии, срок их полномочий. Правительственной комиссии доверялось выполнение политических задач в интересах поддержания международной безопасности. Кроме того в меморандуме подробно излагались полномочия комиссии, объем которых приближался к полномочиям обычного правительства. В ее распоряжении должны быть жандармерия, полиция, таможни, а также вооруженные силы численностью до 50000 человек, укомплектованные воинскими частями заинтересованных государств, которые будут содергаться на средства территории Рура. Правительственная комиссия, по мнению французов, должна защищать свои интересы и интересы своих граждан за рубежом и иметь там своих штатных консулов. Она будет ежегодно отчитываться о своей работе и о положении на территории Рура перед заинтересованными правительствами — гарантами целостности Рура и уважения его статута.

В заключении меморандума говорилось, что лишь изъятие Рура и области Рейна из-под контроля Германии помешает новому взрыву агрессивного милитаризма. В этих же целях международный контроль над этими регионами должен быть установлен на вечные времена. В остальной части Германии длительность оккупации может быть сокращена, поскольку без Рура и области Рейна Германия будет не в состоянии возродить свою военную мощь.

Другой меморандум — «О будущем экономическом и финансовом режиме Рура» подробно регламентировал экономическую жизнь этой области». Именно он, по признанию Альфана, вызвал возражения англичан и американцев. Французы считали, что к Руре должны быть применены правила экономического разоружения, действующие в отношении Германии. Военная промышленность этого региона должна полностью исчезнуть. Экономические связи его с Германией будут сохранены, но зависимость послевоенной Германии по целому ряду важной продукции от Рура, управляемого союзниками, будет способствовать экономическому разоружению бывшего рейха. Вместе с тем предусматривались меры, которые не позволили бы этому региону стать для

экономики Европы серьезным конкурентом. В меморандуме предполагалось, что вследствие уничтожения военного производства на заводах Рура там будет значительно сокращена металлургическая и машиностроительная промышленность, в том числе заводы по выплавке электростали, оборудование которых может быть передано в качестве reparаций. Французский план предусматривал снабжение Рура металлургическими полуфабрикатами, производимыми лотарингской промышленностью, и рудой из Лотарингии в обмен на поставки коксующегося угля. В связи с этим производство чугуна и стали на этой территории уменьшится. Все эти меры, естественно, были направлены на сокращение промышленной мощи Рура и как конкурента французской металлургии. Необходимую же для Франции добычу рурского угля предлагалось не только сохранить в прежнем объеме, но и увеличить, а производство электроэнергии из-за сокращения потребностей в ней промышленности — уменьшить. Особое внимание в меморандуме обращалось на необходимость уничтожения части химической промышленности Германии, которая была тесно связана с военным производством. Предполагалось также полностью прекратить в Германии производство алюминия. В связи с сокращением промышленности, как считали французы, произойдет и уменьшение потребности в рабочей силе. Однако это не вызовет серьезных затруднений в социальном плане, так как из Рура уедет большое количество иностранцев, работавших там в принудительном порядке.

В отношении режима собственности в Руре французы высказывались очень решительно: эта собственность должна быть в обязательном порядке изъята у прежних владельцев. Рурские предприятия необходимо передать в руки нового руководящего персонала, а собственниками их должны стать международные консорциумы, акции которых будут находиться у государств, несущих ответственность за руководство.

Что касается таможенного и денежного режима на территории Рура, то он должен обеспечивать ее торговлю с внешним миром насколько возможно свободно и на базе отсутствия дискриминации. Естественно, что между Руром и иностранными государствами будет установлен таможенный кордон. Но его единственная задача — строго наблюдать за осуществлением политики безопасности. Следовало бы только контролировать и ограничивать вывоз в Германию готовой продукции и рурского сырья, которые Германия могла бы использовать для восстановления своей военной промышленности. Предусматривался также выпуск денег на этой территории и создание с этой целью Эмиссионного банка.

В меморандуме изложено возражение Англии по поводу отделения Рура от Германии, которая опасалась, что в результате этого немецкое население окажется в состоянии постоянной нищеты, и в центре Европы может возникнуть сильнейшая социальная напряженность. В ответ на это авторы меморандума высказали мнение, что ресурсов Германии окажется достаточно для того, чтобы обеспечить ее население, насчитывающее в послевоенный период около 50 млн. человек, хотя и не отрицали, что в течение некоторого периода экономика Германии будет испытывать определенные трудности.

Этот сформулированный к концу 1945 г. французский план решения германской проблемы был наиболее детально разработанным документом по этому вопросу. Он отражал взгляды на нее самого генерала де Голля и определил дальнейшую политику французов в этом вопросе после ухода генерала де Голля в отставку в январе 1946 г. В конце апреля 1946 г. в меморандуме, аналогичном врученному советскому правительству в декабре 1945 г., французские власти повторили свои требования относительно Рура, Саара и Рейнской области. Ряд этих требований был союзниками удовлетворен. Французы получили в качестве зоны оккупации Южный Рейнланд, узкую полосу Гессена, южные части Бадена и Вюртемберга, а также Саар, что составляло 12% территории Германии в определенных на Потсдамской конференции границах, хотя они претендовали на большее. В Сааре французские власти установили особый режим, окружив его таможенным барьером. Следует сказать, что политика Франции на территории ее оккупационной зоны приносила ей несомненную экономическую выгоду, поскольку целые отрасли промышленности там были ориентированы на удовлетворение нужд французской экономики. В результате этого Франция смогла частично компенсировать ущерб, нанесенный ей Германией во время войны.

Основным же пунктом разногласия Франции с союзниками в последующие годы стало ее стремление любыми способами заблокировать создание центральной немецкой администрации, которое постоянно проявлялось на сессиях Совета министров иностранных дел и на заседаниях Контрольного совета. Однако англичане и американцы начали применять к французам экономические методы воздействия, уменьшая объем вывоза во Францию рурского угля. В конце концов, французы постепенно сдали свои позиции по германскому вопросу, дав согласие на образование «Тризонии», что практически вело к созданию западногерманского государства, с возникновением которого режим оккупации был отменен. Известный французский историк Гроссер считал даже,

что Франция так упорно выступала против идеи германского единства, чтобы иметь возможность обменять возможное смягчение своей позиции по этому вопросу «на экономические и стратегические выгоды»²¹. Саар вновь был включен в состав Германии. 5 июня 1956 г. было подписано соглашение, по которому Франция передавала его ФРГ. Политическое присоединение Саара к ФРГ произошло в 1957 г., а экономическое — в 1960 г., когда у власти во Франции снова находился генерал де Голль.

В результате, великий замысел де Голля, направленный на серьезное усиление Франции и превращение ее в доминирующую державу Западной Европы потерпел фиаско. В предисловии к книге Серни «Политика величия» Жобер писал, что де Голль был не только великим человеком, но он «познал также неудачи, разочарования и совершил промахи»²². Одной из таких неудач и была его попытка присоединить к Франции часть немецкой территории и превратить Германию в конгломерат нескольких независимых государств. Однако, де Голль впоследствии не жалел о том, что потерпел поражение в этом вопросе, считая, что это стало бы непреодолимым препятствием для налаживания франко-германского сотрудничества. Тем не менее, де Голль добился главного — Франция к концу войны вернула себе титул великой державы.

¹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945. Т. 2. 1944-1945. М., 1983. С. 39.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 138-139.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Там же. С. 162.

⁸ Gaulle Ch. de. *Mémoires de guerre. Le Salut. 1944-1946.*, Р., 1959. Р 80.

⁹ Ibid. Р. 62.

¹⁰ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945. Т. 2. С. 194.

¹¹ Там же. С. 523.

¹² Там же. С. 218.

¹³ Там же. С. 248-249.

¹⁴ Там же. С. 272, 276, 279, 296.

¹⁵ Там же. С. 280.

¹⁶ Там же. С. 495.

¹⁷ Там же. С. 375-376.

¹⁸ Там же. С. 495.

- ¹⁹ Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. Le Salut. 1944-1946. P. 260.
- ²⁰ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945. Т. 2. С. 452-470.
- ²¹ Grosser A. Affaires extérieures. La politique de la France. 1944-1984. P., 1984. P. 36.
- ²² Cerny Ph.G. Une politique de grandeur. P., 1986. P. 11.

ГОЛЛИСТЫ И РАДИКАЛЫ: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА. 1944-1953

Любой специалист, затронув политическую историю Франции в XX веке, непременно встретит в литературе определение Третьей республики, как республики радикалов¹, а Пятой — как республики голлистской². Между ними — историческая пропасть, созданная как разделяющими их по времени важнейшими событиями международной жизни, так и эволюцией политических и социально-экономических отношений, в том числе диаметрально противоположным государственным устройством страны³. Будучи когда-то осью партийно-политической структуры Третьей республики, радикалы сохраняли преданность идеалам республики парламентского типа и в дальнейшем. Голлистская Пятая республика возникла, как президентская, поэтому радикалы не только были элиминированы из ее политической системы, но и не смогли принять того, кто ее создал — генерала де Голля.

Изначально чуждыми были и идеологические установки голлизма и радикализма. Радикалы выступали за демократическую светскую республику, ратовали за либерализм в экономике, всячески отстаивали принцип свободы личности и превозносили свою доктрину солидаризма⁴, как доктрину третьего пути между «индивидуалистическим капитализмом и коллективистским социализмом»⁵. Воспитываясь в традиционной католической семье, де Голль, во-первых, был равнодушен к светской части программы радикалов. Во-вторых, сфокусировав свое внимание на таких идейных принципах, как величие нации, сильное государство, ассоциация труда и капитала, де Голль и голлисты руководствовались методами дирижизма в социально-экономической сфере, а авторитаризм де Голля никак не увязывался с провозглашенным радикалами тезисом о народном суверенитете⁶.

Французский историк А.Лернер подчеркивает, что имея в качестве интегрирующего начала понятие демократии, голлисты и радикалы «находились в ее разных измерениях», по-разному относились к таким ее составляющим, как государство и республика, и «дистанция между Генералом и радикалами была настолько велика, что едва ли верилось в то, что они когда-нибудь сойдутся. Реально не существовало ничего такого, что могло бы их объединить... Казалось, что политические перемены (имеется в виду об-

становка первых послевоенных лет во Франции — Г.К.) должны были еще больше усилить разрыв между ними»⁷.

Взаимное недоверие голлистов и радикалов не было преодолено даже в дни Сопротивления, когда де Голль возглавил всех французских патриотов, боровшихся против гитлеровцев⁸. Напомним, что партия радикалов прекратила свое существование в годы правительства Виши и официально не входила в движение Сопротивления. Большинство радикалов, как метко определяет А.Лернер, «если и составляло оппозицию правительству Виши, тем не менее не перешло Рубикон», т.е. не отправилось вслед за де Голлем в Лондон после июня 1940 г.⁹ Кроме того, оставаясь на территории Франции, радикалы в основном занимали выжидательные (аттантистские) позиции. Глава партии Э.Эррио довольно поздно заявил о своей солидарности с организацией «Свободная Франция», сформированной де Голлем: лишь в 1943 г. Другой патриарх партии времен Третьей республики М.Сарро, бывший главным редактором влиятельнейшей на Юго-Западе Франции газеты «Ля Депеш де Тулуз», проявил еще большее недоверие к де Голлю. Узнав о призывае де Голля от 18 июня 1940 г.¹⁰ сам Сарро отказался прокомментировать его в газете, поручив это сделать генералу Жоно, знавшему де Голля по военному Сен-Сирскому училищу. Последний резко раскритиковал действия де Голля, назвав их «самым большим позором школы Сен-Сир»¹¹. Вообще из патриархов радикализма, «перешел Рубикон» только доктор А.Кэй, отправившийся к де Голлю в Лондон в свои 59 лет в апреле 1943 г.¹², тоже довольно поздно. Впрочем, это не помешало А.Кэю стать заместителем де Голля на посту главы Временного правительства, созданного в Алжире. Один из соратников А.Кэя по партии и де Голлю по Сопротивлению Ж.-П.Давид комментирует этот факт так: «В глазах голлистов Кэй был типичным и убежденным радикалом... Но это генерал де Голль его выбрал, потому что несмотря на все свои заслуги, начиная с 1940 г., он вызывал недоверие в глазах многих людей, в том числе людей, которые окружали Рузвельта, который до последних дней не очень благоволил к де Голлю. И естественно, выдвижение человека, который играл большую роль в Третьей Республике, являлось залогом республиканизма де Голля»¹³.

Конечно, среди борцов Сопротивления присутствовали радикалы, но они вступили в него от своего собственного имени, а не как члены партии. В работах французских исследователей неоднократно встречается дихотомия «радикалы-голлисты»¹⁴. К их числу относят прежде всего тех радикалов довоенных лет, которые не

участвовали в высших эшелонах партийного руководства, например: Ж.Мулен, П.Кассен, П.Девина, П.Мендес-Франс, П.Жакоби, П.Бастид. Четверо первых примкнули к де Голлю в Лондоне, последний откликнулся на призыв де Голля к Сопротивлению на территории Франции. Кроме того, радикалами-голлистами называют тех членов партии, кто пришел в нее уже после войны, пройдя до этого через Сопротивление как беспартийные голлисты. Это — Э.Фор, Р.Мейер, М.Буржес-Монури, Ф.Гайяр. И те, и другие входили в состав Временного правительства де Голля. Министрами де Голля являлись П.Мендес-Франс, П.Жакоби, Р.Мейер (соответственно экономики, продовольствия и транспорта). Радикалы имели своих представителей и в Консультативной Ассамблее, существовавшей при Временном правительстве.

Однако голлисты и радикалы по-разному представляли миссию Сопротивления. Для «основателей Третьей республики» движение Сопротивления должно было после окончания войны закончиться восстановлением Третьей республики путем созыва прежнего, распущенного правительством Виши парламента, обе палаты которого возглавляли радикалы (Э.Эррио — Палату депутатов и Ж.Жаненэ — Сенат). М.Сарро в «Ля Депеш де Тулуз» предлагал восстановить правительство под эгидой Эррио, а де Голль «достойно вручить титул маршала и доверить ему командовать французскими войсками до Берлина»¹⁵. Де Голль же не скрывал своего презрения к Третьей республике, считая ее виновной в потере Францией своего национального достоинства в годы второй мировой войны, а ее партии и политиков, т.е. в основном радикалов, называл не иначе, как «эти люди», подчеркивая тем самым их посредственность¹⁶. Поэтому он остался равнодушен к предложению П.Кассена, сделанному ему в Алжире, о необходимости создания в послевоенной Франции промежуточной между социалистами и христианскими демократами партии¹⁷. Хотя, как отмечают отдельные исследователи, «де Голль все же не питал ненависти к старой партии и не собирался мстить радикалам»¹⁸.

После освобождения Франции в августе 1944 г. и создания на территории страны Временного режима¹⁹ диалог голлистов и радикалов стал еще более конфликтным. Радикалов слишком пугал авторитарный стиль правления де Голля, вызывавший у них ассоциации с бонапартизмом или с буланжизмом. Весьма примечательный документ в этом плане был принят нелегальным съездом радикалов, проходившем в январе 1944 г. В нем выражалась признательность нации де Голлю, воскресившему свободу, патриотизм и республику, но начинавшись документ воздаянием почести

«скромным французам», четыре года служившим родине. Тем самым генералу как бы давалось понять, кто является истинным сувереном нации²⁰.

Официально руководители партии радикалов воздавали почести де Голлю и после освобождения Франции. Например, генеральный секретарь доктор П.Мазе заявлял в газете «Монд» следующее: «Мы считаем, что только один человек может управлять Францией: генерал де Голль, к которому лично мы тяготели после его первого призыва июня 1940 г.»²¹ Ту же линию Мазе проводил на первом (малом) съезде партии в освобожденном Париже в декабре 1944 г.²² На этом съезде временный президент партии Т.Стег²³ зачитал резолюцию доверия де Голлю, но ее умеренный стиль свидетельствует о том, что принятие этой резолюции явилось скорее данью времени, чем проявлением истинного доверия²⁴.

Малоуспокоительными оказались для радикалов и два выступления де Голля: 12 сентября и 27 декабря 1944 г. — в которых генерал все же воздал почести Третьей республике и, казалось, простили депутатов ее парламента за поведение в 1940 г., приняв во внимание факт, что на тот момент «положение вещей еще не было ясным»²⁵.

Постепенно радикалы стали покидать правительство де Голля. Первым в сентябре 1944 г. ушел А.Кэй, сославшись на физическую усталость. Де Голль в своих мемуарах по достоинству оценил вклад А.Кэя в деятельность Временного правительства. Отвечая на просьбу Кэя об отставке, де Голль писал ему: «Вы служили до предела Ваших сил. Основываясь на Вашем цennом опыте и высоком патриотизме Вы помогли правительству в трудные времена без всяких оговорок»²⁶. Эта же оценка была повторена де Голлем в мемуарах: «Анри Кэй привнес в осуществляемое им руководство комиссиями все, на что он был способен, используя весь свой опыт, приобретенный в III Республике; он был для меня человеком первой важности»²⁷. Однако, по свидетельству соратников Кэя и по мнению историков, на деле эта усталость была вызвана тем, что Кэй «очень тяжело переносил свой голлизм», одновременно восхищаясь «мужеством и ясностью мысли де Голля и опасаясь его авторитаризма, близкого к режиму личной власти»²⁸.

Вслед за Кэем, в 1945 г. из состава правительства вышли П.Мендес-Франс и Р.Мейер. Затем развернулась полемика голлистов и радикалов в прессе²⁹. Например, в марте 1945 г. радикалы неоднократно советовали де Голлю «устранить амбиции на личную власть»³⁰. Одна из статей газеты «Ля Депеш де Пари» была озаглавлена «Республиканец Ришелье» и в ней говорилось: «после ухода немцев власть в стране перешла к менышинству, которое

установило феодальную власть... Мы советуем генералу де Голлю, освободителю Франции, перестать быть Ришелье — республиканским Ришелье»³¹. Голлисты тоже атаковали. В марте 1945 г. в газете «Фран Тирер» появилась статья под названием «Партия страха», где отмечалось, что партия радикалов «собрала всех, кого оставил Вермахт после себя»³². Газета «Комба» развенчивала «шапу радикализма» Э.Эррио следующим образом: «Он по-прежнему играет на мелких парламентских пакостях. Он с эмоциями говорит о генерале де Голле, позволяя в то же время своим делегатам в течение трех дней (имеется в виду августовский 1945 г. съезд радикалов — Г.К.) его резко критиковать... Мы не можем отделить Францию Эррио от периода нашего упадка»³³. Голлист Р.Капитан в «Ле Журналь д'Альзас» настаивал на том, что «радикализм — это прошлое, которого французы не хотят»³⁴.

В то же время антиголлизм радикалов был нюансирован. Левые радикалы-участники Сопротивления: П.Кот, Ж.Кейзер, А.Байе и др. — оказались в оппозиции де Голлю вместе с коммунистами. Их сближало «недоверие к нему, они начали незаметно подрывать его авторитет, избегая открытой полемики»³⁵, очень высоко отзывааясь о деятельности Эррио и надеясь на его поддержку. Но мотивы левых радикалов против де Голля были различны. Для П.Менье и Р.Шамбейрона, например, главным в критике де Голля был союз с коммунистами, П.Кот имел личную обиду на генерала после холодного приема в Лондоне³⁶. В целом левые радикалы ратовали за новый режим для освобожденной Франции и критиковали де Голля только за то, как он относился к лидерам внутреннего Сопротивления³⁷. Правые радикалы (или нео-радикалы) критиковали де Голля не только за персонализацию власти, но и за то, что тот выступает против восстановления Третьей республики. На съезде партии в августе 1945 г. они пытались представить дело таким образом, чтобы доказать, что «голлистское окружение ведет к диктатуре», и тоже стремились использовать в своих интересах Э.Эррио³⁸. По мнению А.Лернера, нетрудно заметить, что «Парижская газета радикалов «Орор», вдохновляемая П.Бастиодом, писала в той же тональности, что и «Юманите», а их парламентарии исполняли те же вариации на тему фобии персональной власти, что и крайне левые» (имеются в виду прежде всего коммунисты — Г.К.)³⁹.

Критика де Голля не помешала, однако, радикалам в ряде случаев заключать совместные списки с голлистами на муниципальных выборах апреля — мая 1945 г.⁴⁰ Но внушительные потери радикалов на этих выборах⁴¹ повергли партию в уныние и вызвали новую обиду на де Голля. Безрезультатными оказались встречи генерала с лидерами радикалов И.Дельбосом, А.Сарро, Э.Даладье

и Э.Эррио в мае 1945 г. Не увенчались успехом попытки примирения, предпринятые радикалами-соратниками де Голля по Сопротивлению П.Жакоби, Р.Мейером, П.Бастиодом. В июле 1945 г. они встретились с генералом на его вилле в Нейи, «но разошлись во взглядах по вопросам о Людовике XV и войне за австрийское наследство XVIII века»⁴². П.Бастиод после этого заключил: «Не мы отдалились от него. Это он отдалился от нас»⁴³.

Анtagонизм голлистов и радикалов возрастал. Его подтвердил съезд партии радикалов в августе 1945 г., где гораздо больше почестей было отдано Рузвельту, чем де Голлю, чье имя упоминалось лишь вскользь⁴⁴. Окончательный разрыв между голлистами и радикалами произошел в 1945 г. в процессе борьбы вокруг вопроса о конституционном устройстве Франции. Радикалы упорно добивались возврата к Третьей республике, де Голль был против и предложил французам самим решать судьбу своей страны на референдуме⁴⁵. Первым против планов де Голля от имени радикалов выступил в прессе Т.Стег, бывший временным председателем партии, пока Эррио находился в депортации. Стег предложил восстановить Конституцию Третьей республики 1875 г.⁴⁶ Де Голль ответил ему, что «текст Конституции 1875 г. отвечает режиму, не соответствующему действительности»⁴⁷. Затем огонь критики взял на себя Э.Эррио, который, как пишет А.Лернер, «повел себя как лицемер, сначала воздавая почести де Голлю в надежде на его лояльность, а затем заняв самые консервативные позиции, осуждая уже не только конституционные проекты де Голля, но и в целом его экономическую и социальную политику»⁴⁸. В конечном итоге радикалы оказались в числе тех немногих политических партий, которые голосовали на референдуме против де Голля и потерпели поражение. Большинство граждан Франции высказалось на референдуме 21 октября 1945 г. за создание новой республики, а на последовавших вслед за ним выборах в Учредительное собрание радикалы потерпели еще более сокрушительное поражение, чем на местных выборах, собрав всего 5,8% голосов и получив 45 мест. В новом правительстве, сформированном де Голлем в ноябре 1945 г., остался лишь один радикал — П.Жакоби, а радикалы, избранные в Учредительное собрание, повели там атаки на де Голля, вдохновляемые их председателем Э.Эррио.

Взаимоотношения, а вернее сказать, взаимная неприязнь де Голля и Э.Эррио составляют особую страницу в анналах истории. Возвращение патриарха радикалов из Германии широко комментировалось в «Ля Депеш де Пари». Его называли «воплощением французской демократии», человеком «чести и высокой граждан-

ской ответственности за судьбы родины»⁴⁹. 22 мая 1945 г. состоялась встреча двух лидеров, которая не принесла удовлетворения обоим. Между ними сразу же начались трения, проистекавшие из их диаметрально противоположных представлений о механизме функционирования институтов политической власти. Это проявилось, например, в процедуре размещения парламента. Эррио, считавший себя все еще председателем Палаты депутатов попросил согласия де Голля на переезд его в традиционное со времен Третьей республики место — отель Лассэй. Де Голль отказал в просьбе Эррио, давая тем самым ясно понять, что намерен порвать со старым режимом. В своих мемуарах генерал напишет впоследствии: «Эррио не вынес уроков из периода Виши и хотел простого восстановления Третьей республики»⁵⁰. Вспоминает де Голль также и о том, как неприятно был поражен изменениями послевоенных лет Эррио: «В итоге, Эррио раздражали изменения. Он мне с горечью рассказал о том безразличии, с которым его встретили в Москве, что совсем не вязалось с прежними приемами. Он не скрывал соожалений по поводу того, как его встретили в Лионе»⁵¹ — тоже без энтузиазма»⁵². Де Голль еще попытался сделать шаг навстречу Эррио и предложил ему войти во Временное правительство в качестве министра по делам ООН, но последний после некоторых колебаний отказался. «Я его попросил помочь в восстановлении Франции, а он мне заявил, что займется восстановлением партии радикалов», — писал с явным осуждением де Голль, не забыв, впрочем, упомянуть и об отсутствии энтузиазма у Эррио по отношению к нему как к лидеру Сопротивления⁵³.

Хотя прессы радикалов с восторгом писала о встрече де Голля и Эррио, Ж.-П. Давид свидетельствует обратное. «Эррио нам рассказал в негативных тонах о встрече с Генералом. И мы почувствовали, что произошел разрыв не между де Голлем и партией радикалов, а между де Голлем и Эррио. Стало очевидно, что Генерал предпочел Л. Блюма»⁵⁴, и это сразу же проявилось при формировании Временного правительства»⁵⁵. Эррио был очень рассержен тем, как де Голль вернул ему Крест кавалера Ордена Почетного легиона, который Эррио отоспал Петэну во время войны в знак протеста против коллаборационизма Вишистского правительства. «Де Голль быстро приколол Крест к груди Эррио, без всяких торжественных речей»⁵⁶.

Пик вражды де Голля и Эррио приходится на время кампании по подготовке октября 1945 г. референдума о конституционном устройстве страны, на момент выборов в первое Учредительное собрание и первые месяцы разработки проекта конституции Четвертой республики, когда де Голль был главой Временного

правительства. Лидер радикалов назвал де Голля «генералом разногласий, поглощенным демонстрацией своего величия, которое еще надо доказать»⁵⁷. Все речи Эррио этого периода содержали призыв «Нет авантюризму!» В «Ля Депеш де Пари» он писал о том, что «очень компрометируют де Голля его министры»⁵⁸. 16 января 1945 г. произошло первое открытое столкновение де Голля и Эррио в Учредительном собрании. Эррио, во-первых, упрекал де Голля в чрезмерном желании во что бы то ни стало догнать союзников в области вооружений и призывал генерала «доказать величие Франции, а не прокламировать его повсюду». Во-вторых, Эррио глубоко задел де Голля едкой критикой по поводу человеческих жертв во время боевых действий в Мерс-эль-Кебире⁵⁹. Де Голль очень резко ответил Эррио, подчеркнув, что, в отличие от него, «не вел переговоров и не завтракал с Лавалем и Абетцем и вообще не имел никаких дел с Виши»⁶⁰. Как исследователи, так и соратники де Голля единодушны в выводе о том, что эта стычка де Голля и Эррио окончательно убедила генерала уйти в отставку с поста главы Временного правительства 20 января 1946 г., так как он почувствовал, что в политическую жизнь страны возвращаются традиции старого парламентского режима. Г.Палевски, например, пишет: «Я как сейчас вижу заседание 16 января 1946 г..., когда Эррио возродил прежний дух парламентской борьбы и напал на генерала де Голля... Для этого, действительно, надо было иметь мозг, зараженный фибрками парламентаризма»⁶¹.

Подводя итог взаимоотношениям голлистов и радикалов до начала 1946 г., можно назвать их несложившимися. Для де Голля радикализм представлял собой малосущественный элемент в соотношении политических сил Франции после Освобождения. Для радикалов голлизм в худшем случае оказался врагом, в лучшем — чем-то инородным. Однако отставка де Голля существенно повлияла на положение партии радикалов и соответственно на их отношение к голлистам. По сути голлисты и радикалы оказались вместе в оппозиции к правящей трехпартийной коалиции, состоявшей из коммунистов (ФКП), социалистов (СФИО) и народных республиканцев (МРП), их сближали ант коммунизм и борьба против проектов конституции, разрабатываемых Учредительными собраниями в мае и октябре 1946 г. Антиголлизм радикалов ослабел, а неудачи на выборах заставили их искать союзников, одновременно решая вопрос об отношениях между голлистами и радикалами.

Апрель 1946 г. стал поворотным моментом в истории партии радикалов, когда столкнулись две позиции ее обновления. В этот

период радикалы окончательно порвали с левым крылом партии, тяготевшим к союзу с коммунистами, против де Голля⁶². Во время Лионского съезда радикалов в апреле 1946 г. вся их враждебность перекинулась от де Голля к П.Коту, одному из авторов проекта первой Конституции, выступавшему главным докладчиком во время ее обсуждения в Учредительном собрании⁶³. Обвиняя партийное руководство в заигрывании с голлистами, Ж.Кейзер, в частности, писал: «Я, который в Лондоне, как и в Париже, по праву был одним из твердых «голлистов» среди радикалов, теперь не перестаю удивляться, когда вижу ярых антиголлистов периода Лондона, Алжира и Парижа объединяющимися с наиболее последовательными соратниками де Голля»⁶⁴.

После того, как первый проект Конституции был отклонен на референдуме 5 мая 1946 г. и на июнь были назначены выборы в новое Учредительное собрание, радикалы уже не вели кампании против де Голля, сместив акцент своей пропаганды на защиту республиканских свобод. Главным врагом республиканских свобод они считали теперь только правящую трехпартийную коалицию. Вновь созданный центральный печатный орган партии радикалов газета «Информасьон радикаль-социалист» подчеркивала: «Очевидно, что эта коалиция мечтает об абсолютном господстве, стремится подавить оппозицию в парламенте и превратиться фактически в единую партию. Она провозглашает и сознательно или нет идет к диктатуре»⁶⁵. Административный директор партии неорадикал Л.Мартино-Депла доказывал, что у де Голля вполне республиканские намерения: «Проявив себя, как республиканец, де Голль рассеял все сомнения. Его позиция по вопросу о политической власти скорее приближает его к нам, чем отдаляет. Ему помогают также его прошлые заслуги и его лояльность. Мы можем быть время от времени его союзниками и его противниками»⁶⁶.

Реальные перспективы сближения голлистов и радикалов открывались после того, как и те, и другие выступили против второго проекта Конституции, судьбу которого решал референдум 13 октября 1946 г.⁶⁷ В ходе дебатов по проекту второй Конституции в Учредительном собрании от имени радикалов борьбу «против всевластной Ассамблеи» вел Ж.-П.Бастид. Его поддерживал Э.Эррио, обвиняя три партии: ФКП, СФИО и МРП — в том, что они «стремятся навязать стране режим всевластия Ассамблеи», но подчеркивая при этом, однако, что он не желает и режима, за который ратует де Голль, (т.е. президентского режима — Г.К.). Эррио настаивал на том, что «источник власти должен заключаться не в персоне, а в парламенте»⁶⁸. Он в это время защищал также идею федерального устройства Французского союза, которая была

одобрена де Голлем. Обстоятельство это отметили в штаб-квартире партии радикалов на пл. Валуа как первый акт признания генералом позиции радикалов, хотя имя Эррио им так и не было произнесено⁶⁹. Тем не менее накануне референдума по Конституции, на съезде радикалов в сентябре 1946 г. Эррио уже не нападал на де Голля, надеясь заручиться и дальше поддержкой генерала в голосовании «нет» против Конституции. Правда, делегаты съезда всячески подчеркивали стремление сохранить независимость партии и заявляли, что не собираются блокироваться с де Голлем⁷⁰. Он все же оставался для них человеком, который спровоцировал голосование «за» на референдуме 21 октября 1945 г. В «Ля Депеш де Пари» радикалы писали, что «теперь де Голль осознал свою ошибку», но вместе с тем призывали своих избирателей «хранить республиканскую бдительность»⁷¹. В газете «Опора» они заявляли: «Мы ни голлисты, ни антиголлисты. Мы тоже говорим «нет»... с генералом или без него и до него»⁷². Накануне референдума Э.Эррио поместил в «Информасьон радикаль-социалист» статью под названием «Почему я голосую нет». Подчеркнув в ней, что «радикалы часто говорят ему, что он им дает такие же директивы, как и де Голль своим», Эррио пояснял, что «он не изменился с 1945 г., когда тоже был за «нет», и если де Голль сам пришел к некоторым идеям радикалов, то это его личное дело»⁷³. По свидетельствам очевидцев, «А.Кэй, друг обоих великих фигур (имеются в виду де Голль и Эррио — Г.К.), все добивался их встречи. И хотя примирения не произошло, он достиг их согласия на нейтралитет по отношению друг к другу»⁷⁴. Ж.-П.Давид считает, что сближению де Голля и Эррио серьезно препятствовало окружение последнего, представленное радикалами Юго-Запада (Ж.Байле, М.Сарро и др.) и обиженное на генерала за закрытие «Ля Депеш де Тулуз»⁷⁵.

Нежелание радикалов сближаться с де Голлем во время конституционных баталий 1946 г. однако не относилось к их сближению с голлистами. Сближение это выразилось в двух формах. Во-первых, партия радикалов и Демократический и социалистический союз Сопротивления (ЮДСР), всячески афишировавший свою связь с де Голлем, составили ядро блока Объединение левых республиканцев (РЖР); во-вторых, в семью радикалов влились «исторические» голлисты Ж.Шабан-Дельмас и М.Дебре. Это последнее обстоятельство радикалы довольно часто используют для усиления своей общественной значимости, особенно в последнее время⁷⁶.

РЖР возникло в апреле 1946 г., накануне июньских выборов во второе Учредительное собрание. Состояло оно из шести партий, но осью его служили партия радикалов и ЮДСР, которых толкнули на союз вражда с трехпартийной коалицией и стремление выжить на политической сцене. Как пишет Э.Дюамель, «РЖР родилось из объединения двух разочарованных выборами» и представляло собой «единение голлистского меньшинства и большинства радикалов»⁷⁷. Среди членов ЮДСР он выделяет «голлистов железных» (Кригер, Сустель, Мальбран, Вольф, Кюэн, Ролен-Лабурер, Вандру) и «голлистов сентиментальных» (Плевен, Шевалье, Клюдиус-Пети)⁷⁸. Состав комитета по объединению РЖР свидетельствовал о возможности диалога между голлистами и радикалами, так как от радикалов там были П.Жакоби и П.Бастид, а от ЮДСР — Ж.Сустель, А.Кригер, Р.Мальбран.

На выборах во второе Учредительное собрание РЖР оказалось перед испытанием на прочность связей радикалов и голлистов. Трения между ними возникали при составлении списков, при выработке программы. Например, Сустель не прошел из-за отсутствия поддержки со стороны радикалов; в свою очередь голлисты из ЮДСР отказались поддержать радикала А.Мориса, так как он сотрудничал с Виши⁷⁹. В конечном итоге, благодаря активной согласительной работе А.Кэя, П.Жакоби и Ж.Сустеля, удалось достичь компромисса. Выборы в Учредительное собрание 2 июня 1946 г. оказались успешными для РЖР, принесли ему 11,5% голосов, что больше, чем имели в сумме радикалы и ЮДСР в 1945 г.⁸⁰ Из примкнувших к радикалам — М.Вьолет, А.Варен, А.Форсиналь — перешли в ЮДСР, а партия радикалов отказалась участвовать в правительстве Ж.Бидо, сформированном 23 июня 1946 г. Это событие свидетельствовало о том, что радикалы пытаются использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы забыть свой антиголлизм и обновить собственную политику. Обнадеживающими знаками являлись и молчание де Голля по поводу создания РЖР, и отказ генерала вступить в созданный Р.Капитаном накануне июньских выборов Голлистский союз, и разрыв с де Голлем партии МРП, которая тоже претендовала одно время на статус голлистской.

Согласие радикалов и голлистов из ЮДСР (Л.Лопез считает, что РЖР было именно согласием, а не союзом⁸¹) усилилось в момент совместной борьбы против второго проекта Конституции. Если в июле 1946 г. Э.Эррио, одобряя создание РЖР, все же настаивал на полной автономии партии радикалов в новом объединении и выражал некоторые сомнения по его поводу⁸², то в сентябре, на съезде, он наконец-то признал РЖР. «Я должен заметить, — заявил

патриарх радикалов, — что Объединение левых функционировало и функционирует так, что я не могу не оценить этого. Вначале было несколько неурядиц, но теперь я прошу, чтобы объединение французских демократов, республиканцев, патриотов распространяло свое влияние в стране»⁸³. Чтобы голлисты из РЖР не объединились с Голлистским союзом Р.Капитана, радикалы всячески критиковали его. П.Бастид, в частности, писал: «Эти люди представляют сегодня меньшинство (имеется в виду Голлистский союз — Г.К.), и хорошо было бы, чтобы кто-нибудь решительно развенчал их перед колеблющимися». Радикалы призывали голлистов из этого союза войти в РЖР, чтобы бороться «за идею Франции, а не одного человека»⁸⁴.

Поражение сторонников «нет» на референдуме 13 октября 1946 г. не привело в отчаяние радикалов. Они стали надеяться на ревизию Конституции, на провал трехпартийной коалиции и потому стали активно готовиться к выборам в Национальное собрание Четвертой республики, назначенным на 10 ноября 1946 г. 19 октября радикалы призывали всех сторонников «нет» составить единые списки на предстоящих выборах. Л.Мартино-Депла писал, что «радикалы оценили позицию де Голля, призвавшего голосовать против трехпартийной коалиции на выборах в парламент» и сожалел, «что де Голль еще в 1944 г. не понял, кто является истинным защитником республиканских свобод»⁸⁵. При составлении избирательных списков для партий РЖР не существовало особых требований к их наименованию. Радикалы предпочитали сохранять название РЖР, тогда как некоторые лидеры ЮДСР называли свои списки «Социально-республиканский голлистский список» или «Голлистское республиканское и демократическое объединение». Шабан-Дельмас, например, выступая под вывеской РЖР в Жиронде, изобразил на своей афише трубку и фуражку, чтобы понравиться и де Голлю, и Эррио, но это не понравилось обоим⁸⁶. Были и столкновения списков. Так, в Мозеле радикалы и ЮДСР участвовали в разных союзах. Особенно иллюстративно «дело» Р.Капитана-П.Бастида. Оба они выставили свои кандидатуры во втором округе Сены в Париже, под одной — голлистской — окраской, но Капитан от Голлистского союза, а Бастид — от РЖР. Из-за этого Капитана исключили из ЮДСР, и в партии 28 октября было принято решение запретить двойную принадлежность во время выборов, если она противоречит ее интересам⁸⁷. Радикалы тоже обвинили Р.Капитана в том, что он собирался стать их конкурентом во втором округе Сены⁸⁸.

Вступление Ж.Шабан-Дельмаса и М.Дебре в партию радикалов в 1946 г. относится тоже ко времени борьбы голлистов против

трехпартийной коалиции и Конституции, когда сам генерал дистанцировался от партийно-политической борьбы и не высказывал намерения создать собственную партию. Шабан-Дельмас называет свой приход к радикалам «женитьбой по расчету». Он пишет: «Ни-какая страсть не владела мной.. Я вошел в политику по зову дол-га». Вспоминая, как обратился за советом в выборе партии к де Голлю, Шабан-Дельмас приводит такой ответ генерала: «Идите в партию радикалов. Там Вы найдете последние остатки государственного здравомыслия»⁸⁹. Несколько позднее, в интервью Л.Лопезу он подчеркнул также, что «участие в ЮДСР, которая имела в своем названии слово «Сопротивление», казалось для него немыслимым, «ибо Сопротивление — это автономное от партий движение»⁹⁰. Присоединение Шабан-Дельмаса к партии радикалов, конечно, было обусловлено ненавистью к трехпартийной коалиции и антикоммунизмом, но немаловажную роль в таком выборе играли и его темперамент, и корни (Шабан-Дельмас выходец с Юго-Запада). А.Лернер характеризует Шабан-Дельмаса, как «радикала по духу и по природе»⁹¹. У Шабан-Дельмаса были сложные отношения с Эррио. Тот, с одной стороны, расходился с Шабан-Дельмасом в общечеловеческих представлениях, так как они представляли разные типы и поколения людей, но, с другой стороны, Эррио был горд тем, что в партию пришел «исторический» голлист. «Мой голлизм, — сообщает Шабан-Дельмас, — радикалам мешал... Намерение быть их кандидатом и назвать себя от имени их партии шокировало некоторых»⁹². Однако самому ему очень импонировал «дух терпимости», царящий среди радикалов.

Свой выбор партии радикалов в октябре 1946 г. М.Дебре про-комментировал в интервью с Э.Дюамелем⁹³ следующим образом: «Хочу напомнить, что после Освобождения я не собирался заниматься политикой, тем более, что Генерал мне отсоветовал становиться кандидатом первого Учредительного собрания. Уход Генерала, который меня не удивил, был для меня сигналом деградации общественных дел. В июне 1946 г. я еще не был готов к прыжку. Решающий момент в выборе наступил для меня после желания покинуть государственную службу. Так как я колебался между МРП и социалистами, я поехал в Коломбэ повидать Генерала. И он мне сказал: «Делайте, как Буржес! Делайте, как Шабан! Почему бы Вам не вступить в партию радикалов?»... У меня был шок, но Генерал мне объяснил, что Эррио выступил против Конституции, и это главное... Проблема институтов власти была определяющей для меня, и я рассматривал мое вхождение в политику, как участие в Сопротивлении»⁹⁴. М.Дебре был не очень лестного мнения о лидерах радикалов. «Эррио и Даладье казались мне стариками, кото-

рые привели Францию к катастрофе. Даладье, в частности, остался для меня человеком Мюнхена, важнейшего события, глубоко повлиявшего на всю мою оставшуюся жизнь», — вспоминает он⁹⁵. В то же время Дебре тепло отзыается о своих отношениях с радикалами департамента Индр-и-Луара, которые, как он полагает, «видели в нем надежду на обновление» и избрали его в 1948 г. своим сенатором⁹⁶.

Таким образом, весной — осенью 1946 г. в отношениях голлистов и радикалов наметилось потепление. Несмотря на то, что оно не затронуло существенным образом двух антиподов — де Голля и Эрио — согласие голлистов и радикалов в РЖР, несомненно, помогло партии радикалов выжить в горниле политической борьбы. Однако сближение голлистов и радикалов оказалось кратковременным. В 1947 г. на смену ему пришла новая конфронтация, завершившаяся окончательным расхождением голлистов и радикалов. Эта конфронтация последовала за тремя событиями: втягиванием партии радикалов в правительство Четвертой республики, нашедшим свой логический конец в формировании в 1947 г. коалиции третьей силы из социалистов, народных республиканцев и радикалов; созданием в апреле 1947 г. голлистской партии Объединение французского народа (РПФ); проведением правительством А.Кэя избирательной реформы в 1951 г.

Курс на участие в правительстве стал прослеживаться у руководства партии радикалов вскоре после выборов в Национальное собрание Четвертой республики. 26 ноября 1946 г. Л.Мартинодепла в «Ля Депеш де Пари» написал: «Час кадров настал». Радикалы голосовали 16 января 1947 г. за избрание первым президентом республики социалиста В.Ориоля. Затем последовала череда довольно благоприятных для радикалов событий. 21 января Э.Эррио был избран председателем Национального собрания, и нижняя палата парламента вернулась в отель Лассэй; 18 марта радикал Г.Моннервиль возглавил Совет республики — вторую палату парламента. Вскоре между РЖР и трехпартийной коалицией было заключено «общее соглашение» о том, что последняя не собирается отказываться от наследия Третьей республики⁹⁷. Наконец, правительство социалиста П.Рамадье, сформированное 28 января 1947 г., включило в свой состав 3 радикалов (И.Дельбоса, А.Мари, А.Марозелли) и двух членов ЮДСР (П.Бурдана и Ф.Миттерана).

Голлисты и некоторые радикалы из РЖР выступали против участия в правительствах. Шабан-Дельмас, например, 10 ноября 1946 г., т.е. в день парламентских выборов, пытался убедить радикалов не входить в правительство⁹⁸. П.Бастид критиковал партий-

ное руководство за «очень уж скорое втягивание в правительство» на страницах «Опор»⁹⁹. 6 марта 1947 г. состоялся малый съезд партии радикалов, на котором противники участия в правительстве остались в меньшинстве, так как в итоговой резолюции было принято решение сохранить министров в правительстве при условии, что «не будет ни дирижизма, ни национализации, ни оставления Французского союза»¹⁰⁰.

Инициативу создания де Голлем партии РПФ, в котором активное участие принимали радикалы-голлисты Ж.Шабан-Дельмас и П.Жакоби, радикалы восприняли довольно осторожно. Первоначально, по свидетельствам Ж.-П.Давида и Ж.Шабан-Дельмаса, «в партии было некоторое колебание в сторону слияния с РПФ, но, конечно, против выступил Э.Эррио, а его позиции были еще сильные», и сразу же резко отрицательную позицию занял Ж.Байле¹⁰¹. Газета «Опор», опубликовала по этому поводу статью П.Бастида под названием: «Много эмоций и загадок». В ней Бастид проводил мысль о том, что «создание партии на базе Сопротивления — напрасная затея»¹⁰². Войдя в коалицию правительства третьей силы, радикалы вынуждены были присоединиться к ее курсу на борьбу против опасности Четвертой республике с двух сторон: со стороны коммунистов и голлистов. Однако, их выпады против голлистов были гораздо сдержаннее, чем против коммунистов. Более того, были известны случаи, когда радикалы во время муниципальных выборов 1947 г. поддерживали голлистов¹⁰³. На следующий день после создания РПФ собралось заседание руководящего комитета РЖР, где Жакоби очень высоко отозвался об инициативе де Голля, подчеркнув, что «интересы Объединения и нашей партии (имеется в виду партия радикалов — Г.К.) во многом совпадают, в частности, в вопросах защиты Французского союза, возвращения к экономическим свободам, изменения пропорциональной системы выборов». Жакоби предложил также разрешить двойную принадлежность к партиям: к партии радикалов и к РПФ¹⁰⁴.

Создание РПФ подтвердило однородность голлизма, поэтому многие голлисты из ЮДСР сразу же откликнулись на призыв генерала и ушли в его партию¹⁰⁵. С начала 50-х гг. наступила новая фаза в отношениях голлистов и радикалов. Многих радикалов, сохранивших двойное членство в РПФ и в партии радикалов, благодаря традиционной внутрипартийной терпимости, не устраивал авторитарный стиль руководства де Голля. В ноябре 1948 г. радикалы от федерации Сена заявили о выходе из РПФ, «возмущенный нетерпимостью генерала с болью в душе РПФ покинул П.Жакоби»¹⁰⁶. В результате — съезд партии радикалов в 1951 г. одним из вопросов своей повестки поставил вопрос о принципе двойной

принадлежности к партиям¹⁰⁷. Фактически ст.4 устава партии запрещала радикалам двойное членство в партиях, но для РПФ первоначально было сделано исключение, потому что де Голль провозглашал его как «Ассоциацию французов и француженок»¹⁰⁸. Однако постепенное укрепление организационной структуры РПФ в сторону авторитаризма, его политический курс, а также участие радикалов в правительствах, боровшихся против голлистов, стали вызывать у большинства радикалов недовольство пребыванием в их рядах голлистов, с одной стороны, а также участием радикалов в РПФ — с другой. Накануне съезда, 13 марта 1951 г., исполком партии 548 голосами из 148 высказался за запрещение двойного членства¹⁰⁹. Поводом для принятия такого решения послужила «provocation» Шабан-Дельмаса против Эррио, как было заявлено на заседании исполкома. Дело было в том, что 12 ноября 1950 г. Шабан-Дельмас принял участие в банкете партии РПФ в Лионе, где бессменным мэром был Эррио. На банкете Шабан-Дельмас горячо поддерживал Ж.Сустеля, лидера РПФ и противника Эррио в борьбе за кресло мэра. Эррио таким выпадом со стороны члена своей партии оскорбился и подал 15 февраля прошение об освобождении его с поста председателя партии. Этой акцией Эррио, как он сам об этом писал в «Информасьон радикаль-социалист», хотел призвать своих соратников по партии занять, наконец, четкую позицию в отношении к двойному членству¹¹⁰. На съезде, где докладчиком по этому вопросу выступал нео-радикал Ж.Лафарг, решение исполкома было одобрено большинством голосов¹¹¹. Недовольные этим решением голлисты (в том числе М.Дебре и Шабан-Дельмас) покинули партию радикалов. Радикалы с этого момента стали занимать открыто враждебную позицию по отношению к де Голлю и РПФ, что не замедлило отразиться на страницах их центральной газеты. Теперь радикалы писали, что «голлизм представляет даже большую угрозу республике, чем коммунизм»¹¹². Их газета использовала в борьбе против голлистов такой прием, как публикацию мнений с мест, из федераций. Так, представитель федерации Алье разоблачал «угрозу военной диктатуры де Голля, допустившего после войны к власти коммунистов и ведущего такую же избирательную политику, как и московские лидеры»¹¹³ (имеется в виду борьба де Голля против режима Четвертой республики, в стремлении к свержению которой радикалы обвиняли и коммунистов, заявляя, что ФКП следует указаниям на это из СССР). В Дордони И. Дельбос обвинял де Голля в «политической лжи», в Верхней Гаронне — М.Буржес-Монури в «авантюризме», в Лот и Гаронне — А.Кайяве видел в голлистской идее ассоциации труда и капитала «коммунистические лозунги»¹¹⁴.

Однако вторая волна открытой враждебности радикалов в отношении де Голля продолжалась недолго — с 1951 и до 1952 г., когда голлисты-диссиденты постепенно начали интегрироваться в правительства правоцентристской коалиции¹¹⁵. В конечном итоге именно благодаря поддержке голлистов радикал Р.Мейер был избран премьер-министром в 1953 г.

Последним штрихом, довершившим окончательный разрыв голлистов и радикалов, послужил такой на первый взгляд, может быть, и не существенный, но весьма важный для голлистов, эпизод, как проведение правительством А.Кэя избирательной реформы в 1951 г. По крайней мере, на это указывает М.Дебре¹¹⁶. Голлисты и радикалы единодушно выступали против пропорциональной системы выборов, в два тура, учрежденной в Четвертой республике, объявляя себя сторонниками мажоритарной системы, в два тура. Интегрировавшись в правительство третьей силы, радикалы были вынуждены несколько смирить свою ненависть к пропорциональному представительству, хотя и не отказались от своих замыслов по изменению избирательной системы. Став премьер-министром, А.Кэй в мае 1951 г. добился принятия в Национальном Собрании «закона об аппарантизации», который сохранил пропорциональную систему, но дополнил ее предоставлением партиям права объединять свои списки накануне выборов¹¹⁷. Реформа Кэя не могла не вызвать раздражения голлистов, потому, что она поставила РПФ перед дилеммой: или партия отказывается блокироваться, остается в изоляции и терпит поражение; или она участвует в объединении списков и таким образом делает решительный шаг навстречу Четвертой республике. Де Голль выбрал первый вариант. В результате РПФ не достигла на очередных парламентских выборах, проходивших по новым правилам в 1951 г., ожидаемых результатов, среди голлистов появились диссиденты, которые предпочли второй вариант, и таким образом, можно утверждать, что радикалы создали немало трудностей для голлизма в период Четвертой республики.

Голлизм и радикализм первых послевоенных лет — это как бы встреча двух Франций, стремившихся к национальному согласию и борьбе против трехпартийной коалиции и конституции Четвертой республики. Однако идеологические посылки голлистов и радикалов зачастую были враждебны по отношению друг к другу. Их столкновение явилось столкновением новаторских и старых методов в политике, а также свидетельством сложных поисков консенсуса в процессе обновления и восстановления политической жизни Франции. Во взаимоотношениях голлистов и радикалов в начале Четвертой

республики можно выделить три этапа. На каждом из них они в той или иной степени и последовательности проходили через недоверие, сближение и конфронтацию. В 1944-45 гг. голлисты и радикалы вначале присматривались друг к другу, а потом перешли к резкой взаимной критике. 1946-47 гг. отмечены не только взаимной терпимостью, но и совместными действиями. Наконец, 1947-51 гг. стали временем перехода от колебаний в сторону союза к обоюдному неприятию и окончательному разрыву. Нельзя сбрасывать со щитов и такой препятствующий успешному диалогу голлистов и радикалов факт, как личное соперничество двух лидеров — де Голля и Эррио. Тем не менее непродолжительное сближение принесло им определенные выгоды. Голлистам, состоявшим в РЖР и в партии радикалов, оно предоставило возможность войти в политику. Радикалы, благодаря РЖР, смогли усилить свои позиции в стране. Однако устойчивости связей между голлистами и радикалами серьезно препятствовали их идеологические расхождения, стремление радикалов интегрироваться в правительство и однородность голлизма.

-
- ¹ В рассматриваемый период радикалами называли для краткости членов республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, организационно оформленвшейся во Франции в 1901 году (подробнее о послевоенной истории радикалов см.: Канинская Г.Н. Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. М., 1999).
 - ² Подробнее см. об этом, например: Гурвич С.Н. Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX века. М., 1976; Berstein S. *Histoire du parti radical*. V.1-2. Р., 1982; Nicolet C. *Le radicalisme*. Р., 1983; Baal G. *Histoire du radicalisme*. Р., 1994; Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., 1990; Touchard J. *Le gaullisme*. 1940-1969. Р., 1978; Rudelle O. *Mai 1958, de Gaulle et la République*. Р., 1988; Lerner H. *De Gaulle et la Gauche*. Р., 1994 и др.
 - ³ Третья республика существовала во Франции с 1875 по 1940 год и по своему конституционному устройству была парламентской. Парламент, особенно его нижняя палата, обладал широкими полномочиями исполнительной власти, поэтому Третью республику часто называли республикой депутатов. Кроме того, большую роль играли царствовавшие в парламенте политические партии и их лидеры, имена которых мелькали в разных качествах в составе почти всех правительств. Радикалы стояли у истоков создания Третьей республики, их парламентская фракция оставалась на всем ее протяжении одной из самых многочисленных. Лидеры радикалов: Э.Эррио, Э.Даладье, А.Кэй и др. часто занимали ключевые посты в органах власти и тем самым переносили на партию в целом ответственность за все промахи и ошибки

Третьей республики. В глазах французов эта республика и ее руководители были виновны за позорное поражение Франции во второй мировой войне и предоставление власти маршалу Петэну, сформировавшему коллаборационистское правительство Виши и положившему тем самым конец Третьей республике. Более того, радикалы были сильно скомпрометированы в глазах французской общественности из-за своего слабого участия в движении Сопротивления, признанным вождем которого являлся генерал де Голль. Будучи главой Временного правительства Франции, действовавшего вначале на территории Алжира, а после освобождения — в годы Временного режима (1944-1946 гг.) — на территории страны, де Голль ясно давал понять, что для себя он не мыслит возвращения послевоенной Франции к режиму Третьей республики и что он будет добиваться создания во Франции новой системы политического управления, основанной на сильной исполнительной власти главы государства. Эта мечта де Голля была реализована лишь некоторое время спустя, в 1958 году, после создания им Пятой республики, которая по конституции является республикой президентской. Исторически созданию Пятой республики предшествовали не только Временный режим, но и режим Четвертой республики. Возникновение этой последней, ставшей, как и Третья, парламентской республикой, сыграло немаловажную роль во взаимоотношениях голлистов и радикалов, пути которых неоднократно перекрецивались в калейдоскопе бурных политических событий того времени, прежде чем разойтись окончательно.

⁴ Эта доктрина была разработана одним из теоретиков радикализма Л.Буржуа в конце XIX века.

⁵ См. об этом, например: Soulle M. De Ledru-Rollin a JJSS: le parti radical entre son passé et son avenir. P., 1971.

⁶ См. об этом, например: Наумова Н.Н. Голлизм в оппозиции. М., 1991; Новиков Г.Н. Голлизм после де Голля. М., 1984; Winock M. La France politique. XIX-XX siècle. P., 1999.

⁷ In: La reconstruction du parti radical. 1944-1948. Actes du colloques 11 et 12 avril 1991. P., 1993. P. 55,65; Ruby M. Les radicaux dans la guerre (1936-1946). Lyon, 1995. P.72, 89.

⁸ Об истории французского Сопротивления см.: Смирнов В.П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974.

⁹ La Reconstruction...P.61; Ruby M. Op.cit...P.81.

¹⁰ Имеется в виду известный призыв де Голля из Лондона к французам и француженкам об организации Сопротивления врагу.

¹¹ Цит.по: La Reconstruction...P.61; Ruby M. Op.cit. P.82.

¹² Henri Queuille et la République. Actes du Colloque de Paris — Senat — 25-26 octobre 1984. Limoges, 1987. P. 163-187.

¹³ Текст интервью с Ж.-П.Давидом содержится в: Lopez L. Les rapports entre le radicalisme et le gaullisme de la Libération jusqu'à la création du

- 13 Rrassemblement du peuple français (1944-1947). Mémoire de Sc. Po. P., 1995.
- 14 См., например: *La reconstruction du parti radical...; Les radicaux dans la guerre...; Henri Queuille et la République...; Lopez L. Op.cit.*
- 15 *La Dépêche de Midi*, 13 nov. 1943.
- 16 Pompidou G. *Le Noeud gordien*. P., 1974. P. 85.
- 17 *La Reconstruction...P.62; Ruby M. Op. cit. P. 83.*
- 18 Lopez L.Op.cit. P.11.
- 19 Временный режим во Франции просуществовал с 1944 по 1946 гг.
- 20 *La Reconsrtuction... P. 25-26.*
- 21 *Le Monde*, 19 dec. 1944.
- 22 *Parti républicain radical et radical-socialiste: Rapport moral de Monsieur Pierre Maze au petit congres de decembre 1944. P., 1944. P. 3.*
- 23 Председатель партии Э.Эрио в это время находился в депортации в Германии.
- 24 Архив партии радикалов. Документы в нем классифицированы по шестнадцати разделам, содержащим каждый несколько папок, листы в которых не пронумерованы, поэтому мы будем указывать сокращенно название архива, как АПР, далее — номер раздела римской цифрой, название раздела (в переводе на русский язык) и соответствующий номер папки. В данном случае: АПР. II. Партия радикалов. №11.
- 25 *La Reconstruction... P. 63; Ruby M. Op. cit. P. 86.*
- 26 Цит. по: *Henri Queuille et la République... P. 185.*
- 27 *Gaulle Ch.de Mémoires de guerre. V. 3. P., 1959. P. 212.*
- 28 См. об этом подробнее: *Henri Queuille et la République... P. 163-202.*
- 29 Следует подчеркнуть, что после войны у радикалов возникли трудности с собственной прессой. Их газета «Ля Депеш де Тулуз» была закрыта согласно декретам Временного правительства о прекращении деятельности прессы, выхodившей в годы оккупации. Ее владельцу — Ж.Байле — удалось возродить газету под другим названием: в ноябре 1945 г. она возродилась под названием «Демократия», а с ноября 1947 г. стала называться «Ля Депеш де Миди». Однако влияние этой газеты было заметно слабее в регионе, и вся история с прессой спровоцировала вражду радикалов Юго-Запада и Центра, представлявших республиканские и светские традиции и защищавших институты Третьей республики, по отношению к де Голлю.
- 30 *La Dépêche de Paris*, 19 mars 1945.
- 31 *La Dépêche de Paris*, 16 mars 1945.
- 32 *Franc-Tireur*, 19 mars 1945.
- 33 *Combat*, 27 aout 1945.
- 34 *Le Journal d'Alsace*, 2 oct. 1945.
- 35 Lerner H. *De Gaulle et la Gauche... P. 73.*
- 36 *La Reconstruction... P. 150.*
- 37 Lopez L. Op. cit. P. 59.
- 38 АПР. II. Партия радикалов. № 12.
- 39 *La Reconstruction... P. 64; Ruby M. Op. cit. P. 87.*

- ⁴⁰ Lopez L. Op. cit. P. 11.
- ⁴¹ Радикалы потеряли треть своих муниципалитетов по сравнению с 1935 годом.
- ⁴² Soulie M. Op. cit. P. 525.
- ⁴³ Aurore, 22 juillet 1945.
- ⁴⁴ АПР.П. Партия радикалов. № 14.
- ⁴⁵ Подробнее об этом см., например: Наринский М.М. Борьба классов и партий во Франции в годы Четвертой республики. М., 1983.
- ⁴⁶ La Dépêche de Midi, 18 juin 1945.
- ⁴⁷ Combat, 12 juillet 1945.
- ⁴⁸ La Reconstruction... P. 64, Ruby M. Op. cit. P. 87-88.
- ⁴⁹ La Dépêche de Paris, 17, 19, 27 mai 1945.
- ⁵⁰ De Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. V. 3. P. 304.
- ⁵¹ Эррио был до войны бессменным мэром Лионна.
- ⁵² Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. V. 3. P. 304.
- ⁵³ Ibid. P. 303; 304.
- ⁵⁴ Председатель Социалистической партии (СФИО).
- ⁵⁵ Цит. по: Lopez L. Op. cit. P. 50.
- ⁵⁶ Soulie M. Op. cit. P. 525.
- ⁵⁷ La Reconstruction... P. 65; Ruby M. Op. cit. P. 88-89.
- ⁵⁸ La Depeche de Paris, 5 oct.1945.
- ⁵⁹ Annales de l'Assemblée nationale constituante. Elue le 21 Octobre 1945. Débats., P. 1946. V. 1, P. 541.
- ⁶⁰ Ibid. P. 553.
- ⁶¹ Palevsky G. Mémoires d'action. 1924-1974. P., 1988. P. 244.
- ⁶² Левые радикалы были исключены из партии весной- летом 1946 года.
- ⁶³ АПР. Партия радикалов. № 16.
- ⁶⁴ Архив Фонда Политических наук Парижа (далее: АФПН), дело Ж.Кейзера, 465/AP 7 2 KA 6dr.8sdr.c.
- ⁶⁵ IRS, 2 aout 1946.
- ⁶⁶ La Dépêche de Paris, 20 sept. 1946.
- ⁶⁷ Большинство французов поддержало второй проект Конституции, после чего в ноябре 1946 г. состоялись выборы в Национальное Собрание, в декабре — в Совет Республики, а в январе 1947 г. — президента Четвертой республики.
- ⁶⁸ Journal officiele. Assemblée Constituante. 1946. P. 431.
- ⁶⁹ АР. II. Партия радикалов, № 12.
- ⁷⁰ Там же, № 14.
- ⁷¹ La Dépêche de Paris, 18 juin 1946.
- ⁷² L'Aurore, 20 sept. 1946.
- ⁷³ IRS, 11 oct. 1946.
- ⁷⁴ Priouret R. La République des partis. P., 1947. P. 105.
- ⁷⁵ См.: Lopez L. Op. cit. P. 171; 179.
- ⁷⁶ Автору данной статьи неоднократно приходилось слышать утверждения радикалов о том, что де Голль все же ценил их, так как сразу же после войны даже посоветовал Ж.-Ж. Шабан-Дельмасу и М. Дебре

вступить в партию радикалов: например, в интервью с М.Руби; на заседаниях Общества истории радикализма; на апрельском 1991 года коллоквиуме по истории восстановления партии радикалов в 1944-48 гг.; на съезде партии радикалов в январе 1994 г.

- 77 Duhamel E. *L'Union Démocratique et sociale de la Résistance*. Doctorat de l'Université de Paris-Sorbonne (Paris IV). 1993. P. 235; 241.
- 78 Ibid. P. 235.
- 79 La Reconstruction du parti radical... P. 141.
- 80 Goguel F. *Chroniques électorales*. V. 1. *La Quatrième République*. P., 1981. P. 197.
- 81 Lopez L. Op. cit. P. 101.
- 82 IRS, 8 juillet 1946.
- 83 АПР. II. Партия радикалов, № 15.
- 84 L'Aurore, 19 sept., 2 oct., 20 oct. 1946.
- 85 La Dépêche de Paris, 2 nov. 1946.
- 86 Lopez L. Op. cit. P. 132-133.
- 87 Duhamel E. Op. cit. P. 206-207.
- 88 L'Aurore, 22 oct. 1946.
- 89 Chaban-Delmas J. *L'ardeur*. P., 1975. P. 137-139.
- 90 Lopez L. Op. cit. P. 47.
- 91 Lerner H. Op. cit. P. 271.
- 92 Chaban-Delmas J. Op. cit. P. 146.
- 93 Текст интервью приводится в Приложении в: *La Reconstrucion du parti radical...*
- 94 La Reconstruction du Parti radical... P. 239-240.
- 95 Ibid. P. 240.
- 96 Ibid. P. 241.
- 97 Lopez L. Op. cit. P. 141.
- 98 IRS, 10 nov. 1946.
- 99 L'Aurore, 6 fev. 1947.
- 100 АПР. II. Партия радикалов. № 16.
- 101 Lopez L. Op. cit. 178, 182.
- 102 L'Aurore, 1 avril 1947.
- 103 Например, в департаментах Юра, Коррез, в Парижском бассейне и др. См.: АПР. I. Выборы. № 3.
- 104 АПР. II. Партия радикалов, № 17.
- 105 Duhamel E. Op. cit. P. 209.
- 106 Baal G. Op. cit. P. 43.
- 107 АПР. II. Партия радикалов, № 21.
- 108 См., например, об этом: Новиков Г.Н. Ук. соч. С. 27.
- 109 АПР. II. Партия радикалов, № 21.
- 110 IRS, 15 fév. 1951.
- 111 АПР. II. Партия радикалов, № 21.
- 112 IRS, 5 mars; 18 avril; 3 mai 1951.
- 113 IRS, 23 mars 1951.
- 114 IRS, 7 avril 1951.

¹¹⁵ В 1952 г. 27 голлистов проголосовали в поддержку кандидатуры первого премьер-министра правоцентристской коалиции А.Пинэ, после чего они были исключены из РПФ и создали группу Республиканское и социальное действие (АРС), которая сблизилась с «умеренными». В 1953 г. голлисты из РПФ проголосовали за кандидатуру Р.Мейера, и после этого де Голль в мае 1953 г. объявил о распуске РПФ. В итоге — голлисты-депутаты от РПФ изменили название своей фракции на «Республиканский союз социального действия».

¹¹⁶ La Reconstruction du Parti radical. P. 241.

¹¹⁷ Подробнее см. об этом: Berstein S., Milza P. Histoire de la France au XX siècle. Bruxelles, 1995. P. 695.

М.Ц. Арзаканян

ОБРАЗОВАНИЕ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Образование Пятой республики в 1958 г. явилось одним из важнейших политических событий в истории послевоенной Франции. В стране была введена новая конституция, которая в корне изменила существующий политический режим, были сформированы новые государственные институты.

Разумеется, такие большие перемены на политической арене страны привлекли внимание многих историков, юристов, политологов, журналистов. Процесс образования Пятой республики в той или иной степени затронут в работах французских ученых, посвященных политической истории Франции¹. Так как в большинстве своем это книги обобщающего характера, в них нет анализа интересующего нас процесса. О политическом режиме Пятой республики и функционировании ее государственного механизма писали преимущественно правоведы². Поэтому и исследовать их труды надлежит, скорее, юристу, а не историку. Мы же в своей статье обратимся к работам французских политических деятелей и политологов, которые оказались в какой-то мере участниками событий или же их прямыми очевидцами и kommentаторами, словом к произведениям французской политической публицистики, в которой образование Пятой республики рассмотрено с отчетливых позиций. Но прежде чем перейти к авторам, остановимся на самом процессе рождения республики.

* * *

1 июня 1958 г. генерал де Голль вернулся к власти. Национальное собрание большинством голосов утвердило его в качестве премьер-министра Франции. В кабинет де Голля вошли представи-

тели всех правых и реформистских партий страны: голлистов (представленных пока небольшой партией «социальных республиканцев»), Национального центра независимых и крестьян («независимых»). Народно-республиканского движения (МРП), радикалов, Социалистической партии (СФИО).

Первым долгом правительство занялось разработкой новой конституции. Составление ее проекта было возложено на группу высокопоставленных чиновников — членов Государственного совета во главе с министром юстиции, виднейшим деятелем голлистского движения Мишелем Дебре.

Государственный совет начал свою работу 12 июня. Разработанный им проект по частям обсуждался Правительственным комитетом под председательством де Голля. Кроме главы правительства в комитет входили государственные министры Молле, Уфуэ-Буани, Жакино, Пфлимен и два члена Государственного совета Кассен и Жано.

К концу июля текст конституции был составлен, одобрен Правительственным комитетом и передан на рассмотрение так называемому Конституционному консультативному комитету. В него вошло около сорока человек. Это были в основном депутаты бывшего Национального собрания, голосовавшие за инвеституру де Голля. Они представляли все правые и реформистские партии страны. Председателем комитета стал «независимый» Поль Рейно.

Конституционный консультативный комитет заседал около полумесяца. Он внес поправки и дополнения в проект. Во второй половине августа проект обсуждался в правительстве, был им одобрен и 4 сентября обнародован. На 28 сентября был назначен всеобщий референдум, на котором французский народ должен был высказаться «за» или «против» новой конституции.

Основное отличие новой конституции от предыдущей Конституции 1946 г. заключается в значительном расширении ею прерогатив президента страны (исполнительной власти) за счет парламента (законодательной власти)³.

По конституции Четвертой республики право издавать любые законы всецело закреплялось за Национальным собранием (ст.13)⁴. По новой конституции Национальное собрание сохраняет исключительную компетенцию лишь в отношении законов, определяющих осуществление гражданских прав, гражданское и уголовное законодательство, судоустройство, налоговую систему, порядок выборов, статут государственных служащих и национализации (ст. 34)⁵. В таких важнейших областях как оборона, организация и доходы органов местного самоуправления, образование, трудовое право, статут профсоюзов, Национальному собранию надлежит

определить лишь «общие принципы» (ст. 34)⁶. Все остальные вопросы решаются правительством и администрацией в порядке осуществления распорядительной власти (ст. 37)⁷.

По Конституции 1946 г. кандидат на пост премьер-министра намечался президентом республики. Он избирал членов своего кабинета и доводил его список до сведения Национального собрания. От Национального собрания кандидат в премьеры должен был получить «доверие» по программе и политике, которую он намеревался проводить. «Доверие» выражалось публичным голосованием и простым большинством голосов (ст. 45)⁸. Вопрос о «доверии» существующему правительству мог быть поставлен в Национальном собрании премьер-министром. Кабинету могло быть отказано в «доверии» абсолютным большинством голосов депутатов (ст. 49)⁹.

Согласно Конституции 1958 г. отказ в «доверии» правительству может иметь место либо в случае постановки самим премьером в Национальном собрании вопроса об ответственности правительства, т.е. о доверии по его программе или по заявлению по общей политике, либо в случае внесения, по крайней мере, одной десятой частью депутатов резолюции порицания. В обоих случаях правительству может быть отказано в «доверии» лишь абсолютным большинством голосов. Если резолюция порицания не собирает требуемого абсолютного большинства, то ее авторы лишаются права вносить новую в течение данной парламентской сессии (ст. 49)¹⁰.

Новая конституция предоставила очень большие полномочия президенту республики¹¹.

В период Четвертой республики президент страны не играл значительной роли в политической жизни Франции. Он намечал кандидата на пост премьера (ст.45)¹², публиковал законы в пределах 10 дней, которые следовали за передачей правительству окончательных вариантов законов, утвержденных Национальным собранием. В случае если президент республики не публиковал закон, то это делал председатель Национального собрания (ст. 36)¹³.

По новой конституции президент республики имеет право назначать премьер-министра и по его предложению остальных министров, возвращать принятые парламентом законопроекты на новое обсуждение, передавать на референдум по предложению правительства или обеих палат любой законопроект, касающийся организаций государственной власти или одобрения международных соглашений, способных затронуть деятельность государственных институтов. Президент мог распускать (после консультатив-

ции с премьер-министром и председателями палат) Национальное собрание и назначать новые выборы (ст.8-12)¹⁴.

Ст. 16 новой конституции давала право президенту республики в чрезвычайных обстоятельствах брать всю полноту власти в свои руки. Она гласит: «Когда институты республики, независимость нации, целостность ее территории или выполнение международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных органов государственной власти нарушено, президент республики принимает меры, которые диктуются данными обстоятельствами. Для этого достаточна простая консультация с премьер-министром, председателями палат парламента и Конституционным советом. Парламент собирается в таком случае по собственному праву и не может быть распущен»¹⁵.

В Конституции 1958 г. нашли свое логическое завершение основные положения голлистской доктрины государства, которые формировались на протяжении многих лет и высказывались как самим де Голлем (в его многочисленных речах и Военных мемуарах), так и его сторонниками. В свою очередь, Конституция 1958 г. стала основой нового режима — Пятой республики.

В течение лета 1958 г. все политические партии страны готовились к предстоящему референдуму.

Первой определила свою позицию Французская коммунистическая партия (ФКП). На Национальной конференции ФКП 17-18 июля выступил генеральный секретарь партии Морис Торез. Он охарактеризовал устанавливающуюся новую политическую систему Франции как «режим единоличной военной диктатуры, навязанный силой и угрозами», который «опирается на самые реакционные, самые шовинистические» самые колониалистские элементы крупной буржуазии и открывает дорогу фашизму»¹⁶. Затем коммунисты единодушно решили голосовать против новой конституции¹⁷.

В начале сентября руководство Национального центра независимых и крестьян и Народно-республиканского движения приняли решение призвать своих избирателей дать положительный ответ на предстоящем референдуме¹⁸.

Партия радикалов и Социалистическая партия раскололись.

На чрезвычайном съезде СФИО 11-14 сентября большинством голосов было решено дать положительный ответ. Но социалисты, голосовавшие на съезде против этого решения, отказались подчиниться большинству¹⁹.

На 55-ом съезде партии радикалов в начале сентября также большинством голосов было принято решение ответить «да» на

референдуме. Но группа депутатов во главе с Пьером Мендес-Франсем осудила положительное отношение к референдуму и заявила о своем намерении дать отрицательный ответ²⁰.

Самым активным образом ответить «да» на предстоящем референдуме призывали, естественно, голлисты. И они добились своей цели. 28 сентября 79,25% голосовавших ответили «да» новой конституции и лишь 20,75% — «нет»²¹.

Сразу после референдума, 1 октября 1958 г. голлисты объединились в новую партию Союз за новую республику (ЮНР). Целью ЮНР была провозглашена безоговорочная поддержка действий генерала де Голля²². Создание голлистской партии явилось одной из главных вех в процессе образования Пятой республики, так как она стала основной опорой устанавливающегося режима и послужила толчком для перестройки всей существующей французской партийно-политической системы в целом.

В ноябре 1958 г. прошли первые парламентские выборы Пятой республики. Первый тур принес два непредвиденных результата. Во-первых, значительный урон понесла ФКП. По сравнению с выборами 1956 г. она потеряла 1,5 млн. голосов. Во-вторых, очень большого успеха добилась ЮНР. Она получила 3,6 млн. голосов и 17,6% от общего числа избирателей²³.

Второй тур подтвердил и расширил результаты первого. ЮНР собрала 5,2 млн. голосов (28,1%). Она вышла на первое место и получила 188 мандатов в Национальное собрание. «Независимые» собрали 19,9% голосов и получили 133 мандата. Социалистическая партия, Народно-республикансое движение и радикалы набрали вместе 37,5% голосов. Социалисты получили 40 мест, МРП — 44 и радикалы — 13 мест. ФКП набрала 18,8% голосов, но по причине введения новым правительством мажоритарной системы выборов получила всего 10 мандатов²⁴. Председателем нового Национального собрания стал голлист Жак Шабан-Дельмас.

21 декабря генерал де Голль был избран президентом республики. Он назначил на пост премьера Мишеля Дебре. Министерские портфели получили еще несколько голлистов. Кроме того, в правительство Дебре вошли представители других правых партий — «независимых» и МРП, а также несколько высокопоставленных чиновников, давних соратников генерала де Голля. На этом закончилось формирование политических институтов Пятой республики, завершился период ее образования.

* * *

Самой резкой критике образование Пятой республики и установление нового режима подвергли французские коммунисты, которые сразу откликнулись на происшедшие перемены.

Уже в конце 1958 г. вышла небольшая брошюра историка-коммуниста Мориса Муйо «Мистификация с 13 мая по 28 сентября»²⁵. Название книги очень четко отражает ее содержание. Автор пишет, что с 13 мая (начало антиправительственного мятежа в Алжире, который, в конечном счете, привел к падению Четвертой и установлению Пятой республики) по 28 сентября (день принятия новой конституции) голлистская пропаганда постоянно твердила о заслугах генерала де Голля перед Францией, и каждый из французов возлагал на него свои собственные надежды. Поэтому, как утверждает М.Муйо, на референдуме 28 сентября французы проголосовали за человека, а не за конституцию, которую он выдвинул на их рассмотрение²⁶. Саму конституцию, наделившую огромными прерогативами президента республики, автор характеризует как «открывающую путь к диктатуре»²⁷.

В 1961 г. появилась книга журналиста и экономиста Анри Клода «Голлизм и крупный капитал»²⁸. Этот ученый-коммунист проанализировал связи де Голля и членов его правительства с крупными монополиями Франции. Помимо того, он обстоятельно охарактеризовал установленный де Голлем политический режим. «Голлистский режим — это своеобразная форма диктатуры крупного капитала, порвавшая с традиционной буржуазной демократией, но это и не фашизм. Его сущность состоит в том, чтобы обеспечить реальную власть генералу де Голлю. Это режим личной власти»²⁹, — пишет автор. Далее он делает вывод. Установление такой формы правления буржуазного государства, когда финансовый капитал осуществляет прямое управление страной, а роль парламента становится второстепенной, является необходимым для французской буржуазии вступившей на путь государственно-монополистического капитализма. Поэтому голлистский режим «является продуктом эволюции французского капитализма после второй мировой войны»³⁰. А.Клод подчеркивает также, что одним из необходимых условий действия режима Пятой республики стало существование голлистской партии ЮНР, которая всецело поддерживает генерала де Голля и имеет почти 200 мандатов в Национальном собрании³¹.

Наконец, установлению и сущности нового режима несколько публицистических работ посвятил виднейший деятель французского и международного коммунистического движения, генеральный секретарь Французской коммунистической партии Жак Дюкло³².

«Установив режим личной власти, — пишет лидер ФКП, — де Голль нанес тяжелый удар по демократическим свободам, и под его

покровительством все было введено в действие, чтобы ослабить гражданское сознание народных масс, насадить аполитические течения в их рядах и идею о том, что будущее страны зависит от «человека-чудотворца», от «верховного спасителя», т.е. самого де Голля»³³.

Конституцию 1958 г. автор считает более всего схожей с бонапартистской. «Новая конституция, бонапартистская по своей сути, сконцентрировала все управление страной в руках исполнительной власти»³⁴. Сама же исполнительная власть — это только президент республики. Что же касается премьер-министра, то его роль, в конечном счете, сводится к «ограждению президента от ответственности перед народным представительством» (имеется в виду Национальное собрание. — *M.A.*)³⁵. Новая конституция «уничтожила парламентскую систему», лишив Национальное собрание его «традиционных прерогатив», — пишет Ж. Дюкло³⁶. Под предлогом обеспечения правительственной стабильности «Национальное собрание под страхом роспуска не может свергнуть существующий кабинет, потому что падение правительства позволяет президенту республики объявить и о роспуске Национального собрания»³⁷.

В книге «От Наполеона III до де Голля» Ж.Дюкло, подчеркивая в самом начале, что история не повторяется дважды точь в точь, находит сходство в поведении и способах действий у Наполеона III и де Голля. Он пишет, что двум этим политическим деятелям Франции свойственна одинаковая жажда власти, одинаковая надменность, одинаковый эгоцентризм³⁸.

Не обошли молчанием период образования Пятой республики и социалисты: Ги Молле и Франсуа Миттеран.

Ги Молле, генеральный секретарь Социалистической партии, одним из первых обратил свои взоры к де Голлю во время майского антиправительственного мятежа. Затем он стал государственным министром в кабинете де Голля (июнь — декабрь 1958 г.). Но после первых парламентских выборов Пятой республики социалисты, во главе со своим лидером, не согласные с социально-экономической политикой правительства де Голля, решили перейти в оппозицию.

Генеральный секретарь СФИО в своей небольшой книге «13 мая 1958 — 13 мая 1962»³⁹ комментирует первую легислатуру Пятой республики. В его публицистическом произведении совершенно отчетливо прослеживается нота оправдания. Автор подчеркивает, что не жалеет о своем призывае к де Голлю во время майского мятежа⁴⁰. Но генерал не оправдал надежд как его собственных, так и его партии.

Ги Молле утверждает, что когда он был государственным министром и принимал участие в разработке новой конституции, то

пытался внести в проект много дополнений и поправок»⁴¹. Но ему этого не удалось. В результате конституция слишком урезала права парламента и слишком большие полномочия предоставила президенту республики. А установленная практика только закрепила и даже утилизировала такое положение вещей, на что Социалистическая партия, имеющая давние демократические традиции, никак не рассчитывала⁴².

Совершенно в другом ключе об установленном де Голлем режиме пишет в работе «Непрерывный государственный переворот»⁴³ Франсуа Миттеран. В конце 50-х — начале 60-х гг. он возглавлял небольшую левую партию Демократический и социалистический союз Сопротивления (ЮДСР). Будучи депутатом от своей партии он голосовал против инвестиции де Голля 1 июня 1958 г. в Национальном собрании, а затем призвал своих избирателей ответить «нет» на всеобщем референдуме. Словом, лидер ЮДСР сразу определил свою отрицательную позицию к происходящим во Франции политическим переменам.

Он выдвинул свое четкое определение новой республике. «Что такое Пятая республика? Это сосредоточение власти в руках одного человека... Я считаю, что голлистский режим это диктатура, ибо только на диктатуру похож он более всего, потому что он неизбежно ведет только к усилению личной власти и уже не в состоянии изменить свой курс»⁴⁴.

Против режима Пятой республики выступил также радикал Пьер Мендес-Франс, отказавшийся, так же как и Ф.Миттеран, голосовать за избрание де Голля на пост премьера и за представленную им новую конституцию. В книге «Современная республика»⁴⁵ он отстаивает парламентский тип управления Францией.

В период Четвертой республики, — пишет автор, — «не существовало достойного правительства». Министров нельзя было назвать людьми, располагающими властью. «Они не могли ничего решить, предпринять, завершить, руководствуясь своими собственными идеями»⁴⁶. В Пятой республике все то же самое, только в обратном смысле слова. «На этот раз глава государства, не довольствуясь своей исполнительной властью... присваивает себе также и часть законодательной власти, ограничив роль парламента до минимума»⁴⁷. «Если во времена Четвертой республики, — утверждает П.Мендес-Франс, — правительство было, как бы растворено в Национальном собрании, то сегодня оно как бы растворено в личности главы государства»⁴⁸.

Автор также твердо выступает против персонализации власти де Голлем. Отмечая, что политика всегда была и остается персонализированной, так как она делается живыми людьми, он заявляет,

что в период Пятой республики персонализация власти приобрела слишком большие размеры⁴⁹.

В 1964 г. вышла работа «независимого» Поля Рейно «Что же дальше?»⁵⁰ Этот известный политический деятель Франции приветствовал приход к власти генерала де Голля, но в начале 60-х гг. он не сошелся с ним во взглядах по некоторым вопросам французской внутренней и внешней политики, став одним из лидеров правой оппозиции режиму. Поэтому в своей книге он предстает в качестве критика Конституции 1958 г., а точнее статей конституции, касающихся полномочий президента республики.

«Вредными» статьями П.Рейно считает ту, которая предоставляет президенту право распустить Национальное собрание, и ту, которая гласит о выборах президента всеобщим прямым голосованием (была введена в конституционный свод после утверждения ее на всеобщем референдуме 1962 г.). Он выступает также против права главы государства выносить отдельные политические вопросы на всеобщий референдум и вводить в стране чрезвычайное положение⁵¹.

Референдум автор считает «прекрасным способом для того, чтобы избежать дебатов в парламенте, где компетентные люди могут доказать вредность или уязвимость правительственного проекта и предложить поправки»⁵². В заключении П.Рейно пишет, что режим, существующий сейчас во Франции, никак нельзя назвать парламентским⁵³.

Таковы оценки образования Пятой республики и установления новых государственных институтов французских политических деятелей, находившихся в оппозиции к режиму. Совсем иную картину представляют работы голлистов.

Сам де Голль посвятил характеристике установленного им режима несколько страниц в своих «Мемуарах надежды»⁵⁴. Прежде всего генерал отметил, что Франции необходимо такое политическое устройство, которое при уважении всех существующих демократических свобод «способно действовать и нести ответственность за свои действия». Стране нужно такое правительство, которое «хочет и может эффективно разрешать поставленные перед ним задачи»⁵⁵. Именно такой режим он и дал Франции. «В качестве президента республики, — пишет далее де Голль, — я несу на себе функцию управления исполнительной властью, поддерживаю законодательную власть... и гарантирую независимость и достоинство юридической власти»⁵⁶. Разумеется, еще есть «правительство, определяющее политику нации», «парламент, одна из палат которого следит за деятельностью министров»⁵⁷.

Первый премьер-министр Пятой республики Мишель Дебре, один из основных авторов конституции, в книге «Переделать демократию, государство, власть»⁵⁸, вышедшей летом 1958 г., дал краткие пояснения по поводу устанавливающегося режима.

«Президент республики — это выражение национальной законности, парламент — демократии. И еще правительство. Оно осуществляет власть»⁵⁹.

Далее М.Дебре пишет, что новая конституция предусматривает утверждение во Франции не президентской, а другой формы парламентского режима. «Президентский режим, — утверждает автор, — лишает парламент настоящей политической власти»⁶⁰. Парламентский же режим, который будет установлен в стране — это «режим, осуществляющий власть при сотрудничестве двух независимых друг от друга органов управления (имеются в виду исполнительная и законодательная власти. — *M.A.*), которые несут на себе одинаковую ответственность»⁶¹.

Образование Пятой республики привлекло внимание левых голлистов Лео Амона и Рене Капитана. В период Четвертой республики они входили в состав деголлевского Объединения французского народа (РПФ). В Союз за новую республику они решили не вступать. Однако новой конституции и новому режиму дали вполне положительную оценку.

В конце 1958 г. увидела свет работа Лео Амона «Де Голль и республика»⁶². Большое достижение новой конституции автор видит в том, что она сделала «исполнительную власть республики независимой от политических партий и избавленной от их влияния»⁶³. В факте усиления исполнительной власти страны Л.Амон видит не только приспособление ее к современным условиям и прогресс на пути разделения властей, но, что самое главное, утверждение внепартийных и не зависимых от партий сил на политической арене Франции»⁶⁴.

В заключении автор подчеркивает, что «несмотря на значительное ограничение власти парламента, Конституция 1958 г., бесспорно, утверждает парламентский режим, т.е. режим, при котором «последнее, решающее слово остается за парламентским представительством»⁶⁵.

Другой известный левый голлист Рене Капитан написал предисловие к книге Лео Амона, представляющее собой самостоятельное большое исследование нового режима. Автор утверждает, что Конституция 1958 г. не установила в стране личную власть. Таковыми во Франции были лишь режимы двух Бонапартов. «Они действительно имели в своих руках всю полноту власти и не довольствовались ролью арбитров. Они не оставляли за премьер-минист-

ром права руководить деятельностью правительства» неся ответственность перед Национальным собранием»⁶⁶. Саму конституцию Р.Капитан называет либеральной. Она не стремится сконцентрировать власть в руках одной партии или одного диктатора. Она, наоборот, стремится к разделению властей»⁶⁷.

Теперь остановимся на книгах трех очень известных французских политологов, которые сразу же после образования Пятой республики дали свои комментарии происшедшему. Это Морис Дюверже, Раймон Арон и Пьер Вианссон-Понте.

Труд Мориса Дюверже «Пятая республика»⁶⁸ целиком посвящен разбору Конституции 1958 г. В самом начале он отмечает, что новая конституция «сохраняет фундаментальный принцип парламентского режима: ответственность правительства перед парламентом. Но в своеобразной форме». Режим Пятой республики, как утверждает далее автор, «далек от классического парламентаризма»⁶⁹.

Своеобразие установленной де Голлем республики М.Дюверже видит в следующих чертах. 1. Благодаря огромной роли, отведенной конституцией президенту страны, нынешняя республика приобрела орлеанистские черты, т.е. она более всего походит на Июльскую монархию, основанную в 1830 г.⁷⁰ 2. Второстепенная роль парламента по сравнению с ролью правительства⁷¹. 3. Разделение исполнительной и законодательной властей, следствием чего является строгое разграничение их функций и изоляция друг от друга⁷².

Цель книги Раймона Арона «Неизменная и меняющаяся»⁷³ заключалась в том, чтобы показать политическую ситуацию во Франции в период крушения Четвертой и образования Пятой республики. Конечно же, он не мог не дать своей оценки режиму, установленному де Голлем.

Автор подчеркивает, что Пятая республика внесла три перемены в политическую жизнь Франции. Это — новая конституция, замена пропорциональной системы парламентских выборов мажоритарной и новая крупная голлистская партия ЮНР, во всем поддерживающая действия своего вождя⁷⁴.

Генерала де Голля Р.Арон сравнивает с королем «конституционной монархии прошлого века или с принцем-президентом бонапартистской республики»⁷⁵. Когда же в исключительных случаях президент берет на себя всю полноту власти (ст. 16 Конституции), то он «в силу собственного решения становится диктатором в римском смысле слова»⁷⁶. Поэтому саму Пятую республику автор сравнивает с «парламентской империей»⁷⁷.

Свое мнение о переменах, возникших во Франции в результате установления новой республики, высказал и Пьер Вианссон-Понте

в небольшой книге «Риск и шансы Пятой республики»⁷⁸. Прежде всего он заявил, что во Франции настало время роялизма. «В Елисейском дворце, который решает, в правительстве, которое исполняет и управляет, в административных учреждениях, которые руководят... в парламенте, где доминирует одна партия, повсюду пришла пора победоносного голлизма»⁷⁹. Что касается генерала де Голля, то его автор называет царствующим президентом⁸⁰. Сам же режим, по мнению П. Вианссона-Понте, не поддается определению. «Невозможно сказать, — пишет он, — находимся ли мы в конце Стальных дней Наполеона, у истоков Второй республики или же, накануне государственного переворота 2 декабря»⁸¹.

* * *

Итак, мы рассмотрели произведения французской политической публицистики, отразившие перемены, которые принесла с собой Пятая республика. Как мы смогли убедиться, многие политические деятели Франции, как правые, так и левые, и известные политологи, дали режиму новой республики весьма отрицательную оценку. Чем это было вызвано? Скорее всего просто необычностью такого политического режима для Франции, в которой почти век до этого существовала республика парламентского типа.

Сейчас, когда Пятая республика существует уже более сорока лет, оценки, данные ей в конце 50-х — начале 60-х гг., кажутся, безусловно, слишком резкими. Все последователи генерала де Голля — голлист Жорж Помпиду, представитель Национального центра независимых республиканцев Валери Жискар д'Эстен, социалист Франсуа Миттеран и неоголлист Жак Ширак в полной мере использовали все прерогативы президента республики. Это значит, что установленный де Голлем президентско-парламентский режим выдержал испытание временем и оказался вполне приемлемым для современной Франции.

¹ См., например: Aubier J. *La République du général de Gaulle*. P., 1973; Chapsal J. *La vie politique en France depuis 1940*. P., 1966. Chevallier J. *Histoire des institutions et de régimes de la France de 1789 à nos jours*. P., 1972; Pétot J. *Les grands étapes du régime républicain français*. 1792-1969. P., 1970.

² См., например: Avril P. *Le régime politique de la Ve République*. P., 1967; Chatelain J. *La nouvelle constitution et le régime politique de la France*. P., 1959; Gicquel J. *Essai sur la pratique de la Ve République*. P., 1968; Hauriou A. *Droit Constituonnel et institutions politiques*. P., 1967; Lavroff Dm.-G. *Le système politique français. La Ve République*. P., 1975; Prélot H. *Pour comprendre la nouvelle constitution*. P., 1958; Tay H. *Le régime*

- présidentiel et la France. P., 1967; Vedel G. Droit constitutionnel et institutions politiques. P., 1961.
- ³ Ср.: Кругоголов М.А. Государственный строй современной Франции. М., 1958 и Кругоголов М.А. Государственный строй Франции по Конституции 1958 г. М., 1960.
- ⁴ Конституция 1946 г. — «Конституция и законодательные акты Французской республики». М., 1958. С. 23.
- ⁵ Constitution de la Ve République // L'Année politique 1958. P., 1959. P. 555-556.
- ⁶ Ibid. P. 556.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Конституция 1946 г. С. 30.
- ⁹ Там же. С. 31.
- ¹⁰ Constitution de la Ve République. P. 557.
- ¹¹ См.: Кругоголов М.А. Президент Французской республики. М., 1980.
- ¹² Конституция 1946 г. С. 28.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Constitution de la Ve République. P. 554.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Thorez M. Rapport à la Conference National du Parti Communiste Français. Montreuil (17-18 juillet). P., 1958. P. 3.
- ¹⁷ L'Établissement de la Cinquième République. Le référendum de septembre et les élections de novembre 1958. P., 1960. P. 6.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid. P. 7.
- ²¹ L'Année politique 1958. P. 75.
- ²² L'Établissement de la Cinquième République. P. 17.
- ²³ История Франции. Т. 3. Отв.ред. А.З.Манфред. М., 1973. С. 423.
- ²⁴ Там же. С. 423-424.
- ²⁵ Mouillaud M. La Mystification du 13 mai au 28 septembre. P., 1958.
- ²⁶ Ibid. P. 58.
- ²⁷ Ibid. P. 137.
- ²⁸ Claude H. Gaullisme et grand capital. P., 1961.
- ²⁹ Ibid. P. 208.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid. P. 12.
- ³² Duclos J. L'Avenir de la démocratie. P., 1962; Duclos J. Gaullisme, technocratie, corporativisme. P., 1963; Duclos J. De Napoleon III à de Gaulle. P., 1964.
- ³³ Duclos J. L'Avenir de la démocratie. P. 10.
- ³⁴ Ibid. P. 12.
- ³⁵ Duclos J. Gaullisme, technocratie, corporativisme. P. 8.
- ³⁶ Duclos J. L'Avenir de la démocratie. P. 16.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Duclos J. De Napoléon III à de Gaulle. P. 9.

- ³⁹ Mollet G. 13 mai 1958 — 13 mai 1962. P., 1962.
- ⁴⁰ Ibid. P. 3.
- ⁴¹ Ibid. P. 15-22.
- ⁴² Ibid. P. 3-22.
- ⁴³ Mitterrand F. *Le coup d'État permanent*. P., 1964.
- ⁴⁴ Ibid. P. 85.
- ⁴⁵ Mendès-France P. *La république moderne*. P., 1962.
- ⁴⁶ Ibid. P. 85.
- ⁴⁷ Ibid. P. 85.
- ⁴⁸ Ibid. P. 85.
- ⁴⁹ Ibid. P. 64-65.
- ⁵⁰ Reynaud P. *Et après?* P., 1964.
- ⁵¹ Ibid. P. 68-77.
- ⁵² Ibid. P. 69.
- ⁵³ Ibid. P. 77.
- ⁵⁴ Gaulle Ch. de. *Mémoires d'Espoir*. V. 1. *Le Renouveau*. P., 1970.
- ⁵⁵ Ibid. P. 37.
- ⁵⁶ Ibid. P. 297.
- ⁵⁷ Ibid. P. 294.
- ⁵⁸ Debré M. *Refaire une démocratie, un État, un pouvoir*. P., 1958.
- ⁵⁹ Ibid. P. 29.
- ⁶⁰ Ibid. P. 73.
- ⁶¹ Ibid. P. 75.
- ⁶² Hamon H. *De Gaulle dans la République*. P., 1958.
- ⁶³ Ibid. P. 115.
- ⁶⁴ Ibid. P. 116.
- ⁶⁵ Ibid. P. 144.
- ⁶⁶ Ibid. P. XXI.
- ⁶⁷ Ibid. P. XXII.
- ⁶⁸ Duverger M. *La Ve République*. P., 1959.
- ⁶⁹ Ibid. P. 17.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Ibid. P. 19.
- ⁷² Ibid. P. 19.
- ⁷³ Aron R. *Immobile et changeante. De la IVe à la Ve République*. P., 1959.
- ⁷⁴ Ibid. P. 82.
- ⁷⁵ Ibid. P. 193.
- ⁷⁶ Ibid. P. 199.
- ⁷⁷ Ibid. P. 83.
- ⁷⁸ Viansson-Ponté P. *Risques et chances de la Ve République*. P., 1959.
- ⁷⁹ Ibid. P. 6.
- ⁸⁰ Ibid. P. 1.
- ⁸¹ Ibid. P. 3.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕ ГОЛЛЯ К ВЛАСТИ: СОВЕТСКИЕ ОЦЕНКИ

Политические события 1958 г. во Франции трактовались советской пропагандой как борьба французского народа за свободу и демократию против реакции. С точки зрения советских журналистов возвращение генерала де Голля к власти являлось попыткой установления авторитарного режима, тесно связанного с капиталистическими монополиями. Вот характерные заголовки статей газеты «Правда»: «Французский народ полон решимости защищать свободу и демократию»; «Новый этап борьбы за республику»; «Борьба против происков реакции во Франции»¹. 11 июня 1958 г. газета писала: «Перед лицом возросшей опасности республиканские силы Франции теснее сплачивают свои ряды»².

Советская пропаганда во многом ориентировалась на позиции Французской коммунистической партии и поддерживала ее. Московская пресса цитировала заявления Политбюро ЦК ФКП и выступления лидеров партии.

Советская пропагандистская кампания стала еще более жесткой во время подготовки к референдуму по проекту новой конституции. Эта конституция представлялась советской публике как инструмент формирования авторитарного режима в стране. Корреспондент газеты «Правда» Г. Ратиани писал о попытке группы крупнейших монополий Франции «укрепить свою власть методами открытой политической диктатуры и насилия»³. Известный специалист по французским конституционным проблемам М. Крутоголов подчеркивал: «Парламентскую республику во Франции хотят сделать по существу конституционной монархией»⁴.

Некоторым нарочитым диссонансом в антиголлистской кампании прозвучала статья писателя Ильи Эренбурга «Мысли о Франции». Он отмечал: «Мне кажется, что вопрос идет не о достоинствах или недостатках генерала де Голля. Люди, даже крупные, подчинены логике событий. Я также не считаю генерала де Голля фашистом». По мнению Эренбурга, сущность предстоявшего опроса правильнее было бы свести к основной проблеме: за мир или за войну в Алжире. И далее известный писатель оптимистически утверждал: «Франции еще суждено сыграть большую роль в жизни Европы и человечества»⁵.

Апогеем советской пропагандистской кампании против одобрения конституции Пятой республики стала публикация ответов Н.С. Хрущева на вопросы редакции газеты «Правда» о событиях во Франции. В заявлении советского лидера чувствуется и его собственная импульсивность, и почерк международного отдела ЦК КПСС. Хрущев подчеркнул: «Установление фашистских порядков французская реакция хотела бы осуществить под флагом легальности и используя авторитет генерала де Голля»⁶.

После убедительной победы де Голля на референдуме тон публикаций советской прессы о положении во Франции стал более спокойным и взвешенным. Смена корреспондента «Правды» в Париже также была весьма показательна: слишком заангажированного Ратиани сменил более уравновешенный П. Ефимов. Советская пресса в основном ограничивалась публикацией резюме документов руководства ФКП и изложения выступлений ее лидеров. Вместе с тем в ежегодном отчете советского посольства за 1958 г. о его работе и о положении во Франции содержалась некоторая критика позиции компартии в ходе подготовки референдума. «Компартия, по-видимому, недооценила значение настроений широких масс в пользу изменения существующих форм парламентского режима», — отмечалось в отчете⁷.

К сожалению, большинство официальных советских документов по рассматриваемой проблеме недоступно для исследователей, ибо они не рассекречены. Тем не менее благодаря любезной помощи руководителей соответствующих архивов (Н.Г. Томилиной и Е.В. Белевич) автору удалось изучить два весьма интересных документа, содержащих характеристики и оценки эволюции политической ситуации во Франции в 1958 г. Первый из них — развернутое политическое письмо советского посольства в Париже министру иностранных дел СССР А.А. Громыко от 22 октября 1958 г. «О положении во Франции и политике правительства де Голля». Очевидно, это письмо было подготовлено по поручению Громыко в связи с работой над материалами к XXV съезду КПСС. В ноябре оно было передано министром в ЦК КПСС. Этот документ сейчас хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории, а ранее находился в Центре хранения современной документации. Второй документ — это уже цитировавшийся ежегодный отчет «Политическое положение во Франции и работа посольства», подготовка которого была завершена в начале января 1959 г. Доклад был обсужден и в основном одобрен на заседании коллегии МИД СССР. В настоящее время этот документ хранится в Архиве внешней политики Российской Федерации.

Как правило, советские дипломаты давали более глубокий и нюансированный анализ положения во Франции, чем пропагандисты и журналисты. Посольство СССР в Париже информировало Москву о кризисе Четвертой республики и успехе «реакционных сил» в мае-июне 1958 г. Режим Четвертой республики был дискредитирован политической нестабильностью, иммобилизмом, неспособностью решить назревшие проблемы, утратой Францией ее роли в международных делах. «Майский военно-фашистский мятеж и приход к власти де Голля явились следствием усилившегося размежевания политических сил в стране, — говорилось в отчете посольства. — В то же время сами эти события ускорили этот процесс размежевания и поляризации политических сил во Франции»⁸. Де Голлю удалось объединить различные фракции французской буржуазии для противодействия левым. Политика генерала де Голля в различных областях соответствовала интересам руководящих групп промышленной и финансовой буржуазии. В контексте подобных советских подходов основной целью генерала де Голля являлось установление в стране «режима авторитарной диктатуры».

Советские дипломаты подчеркивали личную роль генерала де Голля в событиях 1958 г.: «Не будет преувеличением отметить, что де Голль являлся истинной находкой для реакционной французской буржуазии, ибо никто, кроме него, не смог бы легальным и бескровным путем провести антиреспубликанский переворот во Франции»⁹. Де Голль использовал свою большую популярность, престиж героя Освобождения, свою репутацию демократа и деятеля, стоявшего вне политических интриг Четвертой республики, в период ее падения.

Следующим важным этапом политической борьбы во Франции стал референдум по проекту новой конституции. По мнению советского посольства в Париже, имелось несколько факторов успеха сторонников новой конституции: личный престиж генерала де Голля, массированная пропагандистская кампания, страх перед возможной гражданской войной и раскол левых сил. Все советские документы подчеркивали негативную роль руководства социалистической партии – предательство СФИО. Пропаганда за положительный ответ на референдуме подчеркивала, что его провал означает угрозу гражданской войны во Франции, что трудности страны проистекали из плохого функционирования институтов Четвертой республики, что де Голль оставался единственным лидером, способным преградить дорогу фашизму. В этой ситуации победа сторонников «да» на референдуме была вполне предсказуемой. Советское посольство констатировало, что успех на референдуме

стал чрезвычайно важным шагом в реализации голлистской программы, «направленной на ликвидацию политической неустойчивости в стране через установление режима личной диктатуры»¹⁰. Победа на референдуме заметно усилила позиции главы правительства и осложнила положение его политических противников, в первую очередь Французской компартии.

На этом этапе де Голль широко использовал демагогию о возрождении величия Франции, об общих интересах всех французов, о единой судьбе метрополии и ее заморских территорий — вся эта пропаганда велась без уточнения его политической программы¹¹.

Успех сторонников генерала был закреплен результатами парламентских выборов в ноябре 1958 г., на которых голлистская партия ЮНР одержала убедительную победу. По мнению советских дипломатов, эти результаты стали успехом шовинистических и националистических сил и усилили угрозу фашизации страны. В целом к концу 1958 г. де Голлю удалось «закончить оформление своего авторитарного режима и подвести под него определенную массовую базу, прежде всего, в форме Союза за новую республику (ЮНР)»¹².

Характеризуя экономические проблемы Франции, советские представители акцентировали внимание на замедлении экономического развития и на начале уменьшения объема промышленного производства. В этой ситуации три основные задачи голлистского правительства включали прекращение падения промышленного производства, улучшение финансовой ситуации страны, укрепление позиций французской экономики в связи с первым этапом формирования Общего рынка. Решения французского правительства в декабре 1958 г. (девальвация франка, введение новых прямых и косвенных налогов) трактовались советским посольством как единый комплекс мер в русле основной ориентации экономической политики генерала де Голля: «усиление капиталовложений в промышленность и развитие промышленности в интересах крупной буржуазии путем прямого понижения жизненного уровня трудящихся; в области внешнеэкономической политики — сохранение протекционизма»¹³.

Много внимания уделялось рассмотрению политики генерала де Голля в Алжире. Советское посольство отмечало, что с устранением военных из политической сферы Алжира в октябре 1958 г. генерал де Голль усилил в этом заморском департаменте свои собственные позиции. Его действия стали убедительным доказательством стремления главы правительства устраниć фашистскую угрозу и не реализовывать в Алжире концепции ультраколониалистов. Проблема Алжира все более и более обострялась, но де

Голль уклонялся от ясного изложения своего плана ее политического решения¹⁴.

Действия обеих сторон (французского правительства и Фронта национального освобождения Алжира) создали условия для установления контактов между представителями генерала де Голля и ФНО. Началось обсуждение возможности решить проблему Алжира на путях предоставления ему некоторой ограниченной автономии. По советским оценкам, в подобной ситуации де Голль мог «пожертвовать интересами мелких алжирских колонов, принеся их в угоду интересам крупной монополистической и финансовой буржуазии Франции»¹⁵. Но ФНО допустил серьезную тактическую ошибку во время подготовки референдума — он организовал кампанию террора на территории метрополии. Эти акции ФНО вызвали резко негативную реакцию французской общественности¹⁶.

В ежегодном отчете советского посольства повторялось, что де Голль предпочитал маневрировать, избегал открыто поддерживать концепции ультраколониалистов. Действия де Голля характеризовались как синтез следующих устремлений: нанести поражение силам Фронта национального освобождения в ходе военных действий; отделить ФНО от общественности Алжира; изолировать Фронт от стран Северной Африки: Туниса, Марокко¹⁷.

В советских документах отмечалось, что политическая линия генерала де Голля не открывала перспектив для решения алжирской проблемы и фактически означала желание сохранить статус кво и продолжать войну в Алжире¹⁸. Французская крупная буржуазия рассматривала Алжир как ключевую позицию с политической и экономической точки зрения.

Что касается африканских колоний Франции, то там референдум по новой конституции был организован в обстановке шантажа, фальсификаций и коррупции племенных вождей. Позитивный результат референдума означал сохранение господства французской буржуазии в Африке. Франко-африканское сообщество стало новой формой этого господства. Но Гвинея в результате референдума приобрела независимость и стала важным фактором активизации движения за национальное освобождение¹⁹.

По мнению советских дипломатов, одной из главных тенденций во внешней политике генерала де Голля было окрашенное националистическим духом стремление укрепить роль Франции в атлантическом блоке, добиться ведущего положения страны в Западной Европе и усилить ее влияние на решение важных международных вопросов. «Крайний национализм является базой политической линии де Голля во всех вопросах», — утверждалось в отчете посольства²⁰. В своем стремлении играть более активную роль в

блоке западных держав правительство де Голля пыталось использовать три главных фактора: производство собственной атомной бомбы, создание франко-африканского сообщества и наличие наиболее сильной армии по сравнению с другими континентальными странами Западной Европы.

Генерал де Голль добивался усиления политических и военных позиций Франции в НАТО. В рамках реализации этого курса французское правительство выдвинуло конкретные предложения о реорганизации НАТО и о создании в рамках Атлантического альянса руководящего триумвириата в составе США, Великобритании и Франции²¹. Однако реакция французских партнеров на это предложение была отрицательной.

Другой важной проблемой международной жизни стала для французского правительства экономическая и политическая интеграция Европы. До возвращения де Голля к власти он имел репутацию скорее противника «европейского строительства», но уже в октябре 1958 г. советские дипломаты констатировали, что генерал проявил себя его сторонником²².

Попытки генерала де Голля стать лидером всей объединенной Европы при ведущей роли Франции в развитии европейской интеграции стали причиной напряженности между Францией, с одной стороны, Великобританией и Федеративной Республикой Германии, с другой. Эти напряженности трансформировались в борьбу между тремя названными государствами за политическую и экономическую гегемонию в Европе.

Советские официальные лица придавали особое внимание проблеме франко-германских отношений. Встреча генерала де Голля с канцлером Аденауэром 14 сентября была охарактеризована как демонстрация сотрудничества между двумя странами во всех областях: политической, военной и других. Результаты франко-германских переговоров подтвердили основополагающую базу французской внешней политики: формирование тесного сотрудничества с ФРГ, европейское строительство, необходимость укрепления Атлантического пакта, приверженность Франции политике атлантизма²³. В то же время советское посольство подчеркивало наличие глубоких экономических и политических противоречий между Францией и ФРГ.

Советский отчет, подготовленный в декабре, зафиксировал улучшение франко-германских отношений. Впрочем, встреча Шарля де Голля с Конрадом Аденауэром 24 ноября не оправдала ожиданий Парижа. Французский лидер не смог убедить Аденауэра поддержать претензии Франции на особую роль в НАТО²⁴. Но в целом развитие отношений между Францией и Федеративной Рес-

публикой Германии было позитивным. Де Голль солидаризировался с позицией Аденауэра по берлинскому вопросу. Руководители Франции и ФРГ обсудили проблемы двустороннего военного сотрудничества. «Все эти факты свидетельствуют о том, что правящие круги Франции в своем стремлении создать западноевропейский политический блок вновь вступили на путь франко-германского сближения как основы такого блока», — говорилось в отчете²⁵.

С советской точки зрения перспективы развития франко-германского сотрудничества внушали серьезную тревогу. В конце марта 1959 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, отвечая на вопросы французского еженедельника «Франс Нуэль», отмечал: «Речь идет о сотрудничестве Франции с наиболее реакционными силами в Европе, превратившимися в наши дни в главное препятствие на пути мирного урегулирования назревших международных проблем и ослабления напряженности во всем мире — германскими реваншистами и милитаристами. И мне думается, совершенно правы те, кто усматривает в этом сближении серьезную опасность — и в первую очередь для самой же Франции»²⁶.

Союзники СССР также испытывали весьма серьезные озабоченности в связи со сближением Франции с ФРГ. Заведующий 4-м Европейским отделом МИД СССР А.И. Горчаков записал беседу с послом Польши в Москве Т. Гедэ 11 апреля 1959 г. Беседа проходила на обеде у посла и касалась публикации в СССР сборника документов о советско-французских отношениях во время Великой Отечественной войны. Польский посол подчеркнул: «Именно сейчас, когда де Голль идет на явный сговор с Аденауэром и решительно на 180° отступил от позиции по германскому вопросу, которую он занимал в период войны и в первые послевоенные годы, важно разоблачить его подлинное лицо...»²⁷.

Советские дипломаты приходили к выводу, что внешнеполитическая линия французского правительства после прихода де Голля к власти не претерпела серьезных изменений. Ее основные составляющие продолжали внешнеполитические ориентации предшествующих правительств. Однако де Голль не упускал из виду задачу укрепления позиций Франции в международной жизни. Эта политическая линия голлистского руководства стала потенциальной причиной будущего углубления противоречий между Францией и ее партнерами по Западному блоку. Подобное развитие событий могло подтолкнуть генерала де Голля к сближению с Советским Союзом. Де Голль мог использовать шаги в сторону СССР, чтобы, играя на противоречиях между Советским Союзом и США, добиваться достижения своих великодержавных целей. «Эти шаги мо-

гут быть использованы де Голлем и для воздействия на Западную Германию»²⁸.

С другой стороны, Франция рассматриваемого периода, по советским оценкам, не была заинтересована в прекращении холодной войны. Сохранение международной напряженности в какой-то мере облегчало Франции продолжение войны в Алжире, которую она пытаясь выдавать за защиту африканского фланга Запада от проникновения СССР. Вместе с тем климат холодной войны создавал благоприятную обстановку для подготовки де Голлем французских ядерных испытаний. Создание собственного ядерного оружия являлось важным ингредиентом деголлевской концепции возрождения величия Франции²⁹.

Вполне понятно, что советские дипломаты обращали особое внимание на развитие отношений между СССР и Францией.

Политическое письмо посольства, подготовленное в октябре, отмечало, что с момента своего прихода к власти правительство де Голля пыталось использовать существующие во французском народе чувства симпатии и дружбы в отношении Советского Союза, чтобы завоевать себе поддержку со стороны широких народных масс. Вместе с тем «в действительности правительством де Голля практически ничего не было сделано в области улучшения франко-советских отношений»³⁰.

Основополагающей линией французской внешней политики оставался курс на укрепление связей Парижа с НАТО и с ФРГ. Подобные внешнеполитические ориентации де Голля продолжали международную политику его предшественников и создавали объективные препятствия для улучшения франко-советских отношений.

Другим фактором, негативно влиявшим на развитие отношений между Францией и СССР, стала антикоммунистическая пропагандистская кампания, развернутая во французских средствах массовой информации. При этом в борьбе против ФКП использовались пропагандистские штампы о «советской угрозе», о «золоте Москвы». Однако, как подчеркивали советские дипломаты, ни сам генерал де Голль, ни члены его правительства в своих официальных выступлениях не допускали прямых антисоветских заявлений. Более того, официальные круги в Париже предпочитали оставлять без ответа выпады в адрес нового французского политического режима со стороны советской печати и радио. Подобную же позицию французское правительство заняло в отношении уже упоминавшегося скандального интервью Н.С. Хрущева газете «Правда» в период подготовки референдума³¹.

В этот же период французское правительство осуществило некоторые позитивные меры для оживления контактов с Советским

Союзом: было дано согласие на поездку в СССР группы французских журналистов, на обмен визитами военных кораблей, на организацию радиопереклички детей двух стран и т. п.³²

Политическое письмо посольства отмечало перспективы продолжения тактической линии генерала де Голля в вопросах внешней политики на некоторый период вплоть до урегулирования ключевых внутриполитических проблем. Французское правительство было готово сохранять нормальные отношения с Советским Союзом, но не предпринимало серьезных инициатив для их улучшения. Советское посольство предлагало не только поддерживать эти нормальные отношения, но и время от времени делать Франции предложения по интересующим обе страны политическим и экономическим вопросам с целью давления на генерала де Голля и одновременно его разоблачения в глазах демократической французской общественности в случае отклонения советских инициатив. «Такая наша позиция в сочетании с объективной критикой всякого рода уступок де Голля США и ФРГ в нашей печати будет нашим вкладом в борьбу ФКП и прогрессивных сил по постепенному развенчанию де Голля и всей системы авторитарной диктатуры в глазах французского народа», — писал посол С. Виноградов³³.

В политическом отчете советского посольства отмечались инициативы правительства СССР, направленные на развитие советско-французских отношений и формирование сотрудничества между двумя странами в интересах разрешения сложных международных проблем. Посол Виноградов подчеркивал важную роль Франции в международной жизни и большое значение потенциального советско-французского сотрудничества для укрепления мира и международной безопасности во время своих бесед с генералом де Голлем в июне и июле 1958 г. Де Голлю было заявлено также о готовности Советского правительства развивать экономические связи с Францией, и в частности, о желательности приобретения Советским Союзом во Франции оборудования для химической промышленности³⁴. С учетом хороших личных отношений Виноградова с де Голлем некоторые зарубежные исследователи ставят вопрос о возможности предложений Москвы в той или иной форме возобновить советско-французский союз. Однако доступные документы и свидетельства участников событий позволяют ответить на этот вопрос отрицательно. В ходе бесед с советским послом летом 1958 г. де Голль занял весьма сдержанную позицию³⁵.

Вместе с тем голлистская пропаганда использовала любые знания внимания к генералу с советской стороны: послание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева по случаю вступле-

ния де Голля на пост главы французского правительства, издание его мемуаров в СССР и т.п. «Де Голль широко афишировал свои контакты с советским послом и о каждой встрече давал развернутую публикацию в печати», — отмечал Виноградов³⁶.

Однако с точки зрения реальной политики возможное улучшение франко-советских отношений находилось в зависимости от основополагающего внешнеполитического курса генерала де Голля, ориентированного в тот период на усиление роли Франции в Атлантическом альянсе и в европейском строительстве, на сохранение французской колониальной империи. Война в Алжире также оказывала негативное воздействие на отношения между Францией и СССР. В то время близкие к де Голлю деятели, сотрудники его кабинета Бёгнер и Гишар, как и некоторые высшие чиновники Кэ д'Орсе в беседах с сотрудниками советского посольства прямо заявляли, что не следует питать иллюзий в отношении какого-либо значительного улучшения политических отношений между Францией и СССР, по крайней мере в ближайшей перспективе³⁷.

Анализ консультаций Франции с ее ведущими партнерами по НАТО, встреч де Голля с Аденауэром, Макмилланом и Даллесом подводил советских дипломатов к выводу: «Неизменной и по существу враждебной СССР осталась позиция французского правительства в германском вопросе»³⁸. Особое беспокойство советской стороны вызывали попытки «сговора» Парижа с ФРГ и разработки общих подходов с правительством Аденауэра.

Другим фактором, препятствовавшим улучшению советско-французских отношений, оставалась война в Алжире. Правительство де Голля проявляло особую настороженность в отношении позиции СССР по алжирскому вопросу³⁹.

Тем не менее, посольство СССР отмечало стремление де Голля предпринять в последние месяцы 1958 г. некоторые реальные шаги для поддержания и развития двусторонних отношений. Так, посол С. Виноградов особо отметил полученное им от генерала де Голля приглашение на завтрак 30 декабря. Вместе с тем, по мнению советских дипломатов, и беседа с послом за этим завтраком, и другие подобные контакты призваны были, не внося принципиальных изменений в отношения Франции с СССР, оказать пропагандистское воздействие на прогрессивные круги французской общественности и в то же время произвести выгодное Парижу впечатление на французских партнеров по НАТО⁴⁰.

Советские дипломаты информировали Москву о дальнейшем развитии правительством де Голля торговых и культурных связей с Советским Союзом. Оно завершило переговоры о новом долгосрочном торговом соглашении между двумя странами. Это согла-

шение предусматривало увеличение товарооборота — в 1958 г. он составил 730 млн. рублей⁴¹. Французские деловые круги проявляли большой интерес к торговле с СССР.

Правительство генерала де Голля подписало соглашение об организации прямого воздушного соглашения между Парижем и Москвой. Оно активно участвовало в подготовке переговоров относительно нового протокола о культурных обменах. Как отмечало советское посольство, «1958 год был годом дальнейшего расширения культурных и научных связей СССР с Францией»⁴².

Обобщая смысл политических событий, произошедших во Франции в 1958 г., советское посольство отмечало «установление авторитарной диктатуры и законодательное оформление диктаторского режима со значительным усилением роли крайне правых сил в органах власти, в государственном аппарате и в целом в политической жизни страны»⁴³. Это явление стало важным негативным фактором эволюции политической ситуации в Европе и развития советско-французских отношений. Но вместе с тем сохранялись и возможности улучшения отношений между СССР и Францией в рамках проведения де Голлем его националистического курса в области внешней политики. Такой вариант развития событий мог бы иметь место «перед лицом угрозы внешнеполитической изоляции Франции, а также в случае внутренних потрясений»⁴⁴.

Можно отметить некоторую очень осторожную эволюцию советских подходов к голлистскому режиму. Так, послание Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилова генералу де Голлю от 23 декабря по случаю его избрания Президентом Французской Республики было выдержано в более позитивном тоне. Ворошилов писал: «Я хотел бы надеяться, что традиционная дружба, объединяющая наши народы, с Вашим вступлением на пост Президента получит свое развитие и будет укрепляться на благо народов СССР и Франции, в интересах обеспечения мира в Европе и во всем мире. Со стороны Советского Союза не будет недостатка в усилиях в этом направлении»⁴⁵.

В заключении можно сделать вывод, что советские официальные представления о событиях во Франции 1958 г. формировались под влиянием догматических установок КПСС и концепций руководства ФКП. Не только советская пропаганда, но и закрытые официальные документы основывались на упрощенных оценках «установления авторитарной диктатуры», «власти французских монополий и крупной буржуазии» и т.п. В сложившихся условиях объективный анализ политики и действий генерала де Голля был чрезвычайно затруднен. Тем не менее, информация советского посольства во Франции, направлявшаяся в Москву, содержала

реалистические элементы и верные наблюдения. К сожалению, все эти здравые суждения рассматривались через искаженную оптику кривых зеркал.

И последнее замечание. Все официальные советские документы той поры написаны суконным бюрократическим языком (*langue du bois*). Для него характерны пропагандистские клише, повторения догматических формул, устоявшихся идеологизированных стереотипов. Всё это читатель смог почувствовать в тексте, представленном его вниманию.

- ¹ Правда. 1958. 21 мая, 8 июня, 16 июня.
- ² Правда. 1958. 11 июня.
- ³ Правда. 1958. 1 сентября.
- ⁴ Правда. 1958. 17 сентября.
- ⁵ Правда. 1958. 18 сентября.
- ⁶ Правда. 1958. 22 сентября.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 12.
- ⁸ АВПРФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 22.
- ⁹ АВПРФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 8.
- ¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 186.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 193.
- ¹² АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 18.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 47.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 201.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 208.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 204.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 50-51.
- ¹⁸ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 63.
- ¹⁹ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 64-69.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 78.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 80.
- ²² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 223.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 222- 223.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 92.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 94.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 136. Оп. 43. П. 79. Д. 170. Л. 9.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 146. Л. 41-42.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 108.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 108.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 218.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 119.
- ³² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 220-221.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 59. Л. 233-234.

- ³⁴ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 112-113.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 113.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 111.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 111.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 116.
- ³⁹ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 116.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 120.
- ⁴¹ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 117,124..
- ⁴² АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 126.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 134.
- ⁴⁴ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 49. П. 280. Д. 8. Л. 135-136
- ⁴⁵ Правда. 1959. 2 января.

ПРИХОД ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ К ВЛАСТИ: ВЗГЛЯД ИЗ ПОСОЛЬСТВА В ПАРИЖЕ¹

Безусловно, самым важным политическим событием в период нашего пребывания во Франции явился приход генерала де Голля к власти в 1958 году. 13 мая в Алжире произошел военный путч, поползли тревожные слухи о возможности высадки десанта и фашистского переворота в Париже. IV республика, расшатанная вконец частыми сменами кабинетов министров, проявила полное бессилие против нагнетающейся угрозы. Генерал де Голль был призван к власти в качестве спасителя Франции.

Так представлялась внешняя сторона вещей, на подлинности которой настаивали сторонники генерала и примерно так толковали события французские официальные источники, не склонные связывать имени де Голля с происшедшим в Алжире путчем. Так, в частности, заявлял видный французский историк академик Андрэ Зигфрид, допускавший, однако, что в числе подстрекателей событий в Алжире были сторонники де Голля, но действовали они не от его имени, по крайней мере, открыто. Как видим, академик оставлял легкую тень сомнения.

Зато известный американский журналист и писатель Дэвид Шенбрун, проживший во Франции много лет и находившийся в разгар событий в Париже, в своей книге «Три жизни Шарля де Голля» прямо называет «заговорщиками» таких близких генералу людей, как Мишель Дебре, Роже Фрей и Леон Дельбек. Последний действовал в центре разворачивающихся событий. Шенбрун с уверенностью заявляет, что генерал не мог не знать о действиях близких ему людей, прокладывавших ему путь к власти.

О том, что голлисты задолго начали готовить вторичный приход де Голля к власти, пишет в своей книге и советский биограф де Голля Н.Молчанов.

В поддержку двух последних мнений осмелюсь добавить и свои скромные наблюдения. В конце 1957-го — первой половине 1958 года произошла внезапная интенсификация контактов голлистов с сотрудниками советского посольства. Слишком заметно вдруг всплыли на нашем посольском горизонте такие «заговорщи-

¹ Настоящая статья — часть известной книги Г.Н.Ерофеевой «Нескучный сад» (М., 1998). Печатается с разрешения автора.

ки», как Мишель Дебре, Роже Фрей или верный приверженец де Голля Жак Шабан-Дельмас, бывший военным министром в последнем кабинете IV республики, возглавляемом Гайяром. Когда я писала обзор советско-французских отношений конца пятидесятых годов, мне невольно бросились в глаза многочисленные записи бесед с голлистами посла, советников и других работников посольства. Голлисты явно «работали» с советскими представителями.

При этом мне вспомнилась почти непрерывная череда завтраков и обедов, на которых присутствовали указанные выше самые видные голлисты. То они приглашали посла с женой и нас с мужем к кому-либо на квартиру или в ресторан, то посол устраивал для них ответные приемы в посольстве. У голлистов был свой посредник для связи с посольством, который организовывал такие встречи. Это был Макс Брюссе, депутат Национального собрания.

Мне представляется, что Макс Брюссе был избран для этой цели по двум причинам. Во-первых, это был человек вполне состоятельный, которому не представляло особого труда принимать у себя за столом обширную компанию (далеко не все голлисты обладали в то время достаточными средствами, как, например, Роже Фрей, не имевший никакого состояния). Нас с мужем чета Брюссе пригласила как-то в свой загородный дом, и мы, к огромному удивлению, увидели настоящий дворец. Да и двухэтажная квартира Брюссе на бульваре Распай говорила о достатке его обитателей. К тому же дом Брюссе был как бы нейтральной территорией, сам он не принадлежал к узкому кругу голлистов, которые составляли «теневой кабинет», вскоре ставший подлинным. Ну и, конечно, близость с такими людьми должна была льстить честолюбию человека, не обладавшего столь яркими качествами, как его высокие друзья.

Эти встречи позволили составить некоторое впечатление о людях, которые вскоре заняли самые высокие посты в государстве и стали почти недосягаемыми.

На вид весьма скромный, мило улыбавшийся Роже Фрей со всем не выглядел «заговорщиком» — так легко заливалось его лицо румянцем смущения. Зато Мишель Дебре был в спорах настолько неистов и агрессивен, что казался фанатиком своих идей. Не зря академик Зигфрид называет его «*l'enfant terrible*» голлизма. Но самым блестящим в этой компании был, бесспорно, светский красавец, мэр города Бордо Шабан-Дельмас. Вспоминается, как однажды на обеде в доме Брюссе на бульваре Распай, где первый и второй этажи квартиры соединялись винтовой лестницей, декорированной под клетку, полную ярких птиц, Шабан-Дельмас проявил свой удивительный талант пародиста, превратив довольно

скучный обед в театр одного актера. Он то важно и гнусаво говорил за генерала Катру, постоянно прикладывая правую руку к глазу, как это делал генерал, то начинал беспечно щебетать на манер супруги генерала, известной своей экстравагантностью. Потом рассказал фантастическую историю заочных похорон генерала Корнильона-Мулинье, которого считали погившим, но который превосходно здравствовал в момент рассказа. И, наконец, поведал совершенно трогательную историю о том, как он, военный министр, вручал орден Почетного легиона человеку, умиравшему от рака. Тут у него даже навернулись на глаза слезы. Я уходила после проведенного в его компании вечера под впечатлением исключительного обаяния этого человека.

И надо же, буквально через несколько дней я прочла в газетах о бомбардировке тунисской деревни Сакьет, в ходе которой погибли маленькие дети, сидевшие в школе за своими партами. Левая пресса писала, что эта операция, «покрывшая позором Францию», была совершена с ведома нашего милого собеседника.

Как только де Голль пришел к власти и его верные соратники заняли министерские посты, эта своего рода «ярмарка тщеславия» для нас закончилась.

Работая над обзором и читая материалы того периода, я невольно задумывалась над тем, что заставило голлистов так активно заниматься советским посольством, какие цели они преследовали. Полагаю, что им хотелось подготовить благоприятное отношение советской стороны к приходу де Голля к власти. Во всяком случае, — обеспечить нейтралитет, что, вероятно, по их расчетам, должно было оказаться и на позиции компартии Франции (ведь встала же она в 1939-1940 гг. на сторону СССР, заключившему пакт с фашистской Германией).

Однако получилось наоборот: первая реакция французской компартии, а под ее влиянием и советского правительства на приход де Голля к власти оказалась крайне отрицательной — вплоть до оценки его как фашистского переворота. Но тонкий политик, генерал де Голль сумел переломить неблагоприятное к нему отношение со стороны СССР довольно скоро рядом умелых дипломатических ходов.

Меня во всей этой истории удивило одно обстоятельство: советский посол, которого до сих пор считают одним из наиболее успешных, не задумался над тем, отчего вдруг так вются вокруг него голлисты, что они при этом затевають. Во всяком случае, он никаких сигналов по этому поводу в Москву не подал.

В.И. Ерофеев

ВСТРЕЧИ С ДЕ ГОЛЛЕМ

У генерала Шарля де Голля, который эмигрировал после разгрома Франции в Англию и был приговорен вишистским режимом к смертной казни, на первых порах не было ничего, кроме небольшой группы сторонников. Начинал де Голль, как говорится, с нуля. Но с молодых лет в нем жила фанатичная вера в свое особое предназначение, в то, что он избран судьбой служить Франции, вести ее к вершинам славы и величия. Во имя достижения этих целей он, человек в личном плане скромный и честный, на политической арене порой не гнушался прибегать, если обстановка, по его мнению, требовала этого, к интригам и даже шантажу.

Он был энергичным, реалистически мыслящим государственным и военным деятелем, возводившим здание своей политики, тщательно отбирая необходимый строительный материал и отбрасывая непригодный, искусно маневрируя и играя на противоречиях.

Начиная с 18 июня 1940 г., когда де Голль призывал всех французов объединиться вокруг него в борьбе за спасение Франции, за восстановление ее свободы и независимости, он решительно отстаивал свое право быть полновластным военно-политическим руководителем страны как в период войны, так и сразу после освобождения. А когда в 1944-1946 гг. опять стали возрождаться обычай и нравы прежнего режима партий Четвертой республики, ограничивавшие его власть, де Голль повел против этого непримиримую борьбу. «Режим партий, — говорил он в 1945 г., — злопреден. Он препятствует проведению большой внешней политики и нарушает стабильность и внутреннее спокойствие». Но, оказавшись не в силах одолеть неприемлемый, с его точки зрения, порядок вещей, де Голль неожиданно для всех хлопнул дверью и в январе 1946 г. отошел от государственной деятельности.

Более двенадцати лет провел он в своем небольшом поместье в Коломб-ле-дёз-Эглиз, где писал старомодным стилем военные мемуары и, погруженный в думы, бродил по тенистому парку. Этот период его жизни сторонники генерала называли «переходом через пустыню». Как он рассказывал впоследствии, за эти годы он прошагал расстояние, равное длине окружности Земли. Мне вначале не поверилось, но генерал предложил простой расчет: девять километров, помноженные на 4500 дней, что он провел в уединении, действительно составляют 40 с небольшим тысяч километров, или чуть больше длины экватора.

Правда, в первые годы своей добровольной отставки он предпринимал отдельные попытки вновь включиться в политическую жизнь, в частности с помощью созданной им «надпартийной» организации «Объединение французского народа» (РПФ), но это были бесперспективные шаги, плохо вязавшиеся с его основными мировоззренческими установками. А тем временем де Голль продолжал зорко следить за развитием событий, ожидая, по собственному признанию, «когда во мраке блеснет луч надежды».

Он твердо верил, что его час наступит. Почти каждую неделю де Голль негласно наведывался в Париж, где на тихой улице Сольферино в административном центре города, на левом берегу Сены, он располагал небольшой квартирой, служившей ему канцелярией. Там в начале февраля 1958 г. мне и довелось с ним впервые встретиться.

Наш посол С. А. Виноградов, регулярно навещавший в те годы де Голля, однажды взял с собой и меня, работавшего тогда советником посольства СССР во Франции. У де Голля с Виноградовым сложились, я бы сказал, дружеские отношения. Генералу, по-видимому, нравились добрый нрав Виноградова, его осведомленность в текущих делах, искренность и оптимизм. Как военному человеку, ему импонировало и то, что советский посол слыл лучшим стрелком в дипломатическом корпусе Парижа и всегда отличался на охоте, которую власти время от времени устраивали для иностранных дипломатов. Но главным, конечно, было то, что генерал, находившийся в то время не у дел, ценил внимание со стороны советского посла, представителя великой державы, к которой де Голль питал чувство глубокой благодарности за неизменную поддержку в трудные военные годы.

Когда я увидел де Голля в первый раз, он показался мне гораздо массивнее и грузнее, чем на фотографиях. Его, на первый взгляд, нескладная, почти двухметровая фигура походила на пирамиду, которую увенчивала непропорционально маленькая голова с крупными чертами бледного одутловатого лица. Он был удобной

мишенью для карикатуристов всех мастей, охотно утюрировавших его и без того крупный нос, широкие уши и небольшие глаза под мохнатыми бровями. Но вместе с тем, когда он пребывал в добром расположении духа, от всего его облика исходило своеобразное обаяние и он, несомненно, умелым образом пользовался.

На окружавших сильно действовали его темпераментная, несколько неуклюжая жестикуляция и высокий тембр голоса при бурных вспышках гнева, которые бывали то искренними, а то и разыгранными, когда это требовалось по разработанному им сценарию при выступлениях с трибуны или на пресс-конференциях. В такие минуты он чем-то напоминал раскапризничавшегося ребенка. По природе де Голль был человеком эмоциональным, но умел сдерживать себя, когда это было нужно, выглядеть недоступным и суровым, одним словом, был незаурядным актером.

Первая моя встреча с ним запомнилась тем, что генерал, увидев нас на пороге своего скромного кабинета, поднялся из-за небольшого письменного стола в углу комнаты и, поздоровавшись, с улыбкой произнес: «Как удачно вы пришли сегодня, я только что закончил главу своих мемуаров, посвященную моей поездке в Москву в декабре 1944 г. Если вы располагаете временем, то я бы очень просил вас прочесть ее и высказать мне свои замечания». Взяв со стола пачку машинописных листов, он подал их Виноградову и пригласил нас пройти в соседнюю гостиную. Часа полтора мы изучали переданный нам текст, который был напечатан крупным шрифтом, так как зрение у де Голля, особенно на один глаз, было неважным, что, кстати, заставляло его заучивать наизусть свои нередко длинные выступления.

Вернувшись в кабинет, мы застали генерала погруженным в работу. Сняв массивные очки, которые, заботясь о своем внешнем виде, он обычно не носил на публике, де Голль спросил: «Ну, что, какие у вас замечания?». У нас было несколько поправок чисто фактологического свойства, касавшихся его описаний Москвы, Кремля и т.п. Он принял их все без возражений. Затем после небольшой паузы де Голль сказал:

«Это ваше, конечно, дело, но, честно говоря, мне не понятно, почему вы так поступили со Сталиным, умаляете его заслуги, отрицаете его роль. Это, по-моему, был выдающийся человек, и он много сделал для общей победы, для возвышения России». Виноградов ответил, что роль Сталина, особенно в войне с гитлеровской Германией, никем не оспаривается, но во внутреннем плане он совершил такие ошибки, которые дорого обошлись нашему народу. Де Голль задумался, а потом заметил: «Ну что ж, господин посол, ведь мелкие людишки делают маленькие ошибки, а великие люди — громадные».

Думается, что в этом высказывании проявились характерные черты натуры самого де Голля: его мания величия наряду с присущими ему пренебрежением к повседневным заботам простых людей, идеализацией сильных по характеру деятелей, руководителей твердой руки и железной воли, даже если формы и методы, применяемые такими людьми, для него лично были неприемлемы.

Произнося эту сентенцию, де Голль явно думал прежде всего о себе, о своем месте в мировой истории, о том, как будут судить грядущие поколения о его деяниях. Он вообще любил смотреть на себя со стороны. В беседах он часто говорил о себе в третьем лице: «генерал де Голль считал...», «генерал де Голль решил...» и т.п. Нередко он, ничтоже сумняшися, допускал и такого рода высказывания: «У Франции в ее истории бывали тяжелые времена. Но она всегда находила выход из положения, ибо в критические моменты у нее оказывались Жанна д'Арк и Людовик XIV, Клемансо и Шарль де Голль».

С такой меркой, видимо, подходил де Голль и к Сталину, который в его глазах персонифицировал «вечную Россию», все достижения и победы советского народа. Естественно, он знал Сталина с одной лишь внешней стороны, да и то весьма приблизительно. Ему были неизвестны, как практически и всем тогда, не только размеры преступлений Сталина и чудовищность его произвола, но и сам факт их совершения.

Случалось, де Голль бывал очень жестким, но никогда он не был жестоким. Непреклонный в достижении поставленных целей, он даже в самые острые моменты не прибегал к репрессиям и убийствам ни своих многочисленных политических противников, ни открытых врагов. После того, как группа террористов обстреляла в августе 1962 г. из автоматов автомобиль, в котором де Голль ехал со своей супругой, он подтвердил смертный приговор лишь одному, главарю банды полковнику Бастьян-Тьери. Рассказывали, что, приказав привести его к себе, он объявил ему, что отклонил поданное им ходатайство о помиловании не потому, что тот стрелял в него, а потому, что он, офицер французской армии, стрелять не умеет.

Когда разговор заходил о покушениях на его жизнь, а их в общей сложности было пятнадцать, де Голль, усмехаясь, говорил: «Лучше умереть от пули, чем от инфаркта в ватерклозете». Он был мужественным человеком, не страшился пули ни в первой мировой войне, когда был тяжело ранен под Верденом, ни в годы второй, ни в дни Освобождения, когда возглавляемый им кортеж попал под пулеметный обстрел с крыш в центре Парижа, ни, наконец, когда стоял один перед разъяренной толпой мятежных ультраколониалистов в Алжире.

Своих внутренних противников де Голль решительно сметал с пути, но делал это не столько силовыми приемами, сколько политическими средствами, сталкивая их лбами между собой либо нейтрализуя угрозой разоблачить их преступления и грязные махинации. Так он поступил, например, в конце 1958 г. со скандальным делом проходимца Лаказа, в котором были замешаны многие видные политические и военные деятели, нагревшие себе руки на незаконной перепродаже американцам свинцово-цинковых рудников в Марокко. Под страхом начать судебный процесс по этому делу де Голль умело держал в узде группу враждебных ему деятелей, в том числе маршала Жюэна, лидера правых Ж.Бидо и других.

Свойственной ему манерой поведения были преисполненная значимости замкнутость, скрытность, отгороженность от людей. Всемирно известный физик, председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри рассказывал мне, что, назначая его на пост Верховного комиссара по атомной энергии, де Голль сказал ему: «Я знаю, Жолио, что Вы — член ЦК Французской компартии, но меня Ваши партийные взгляды не касаются. Главное, что Вы — крупнейший ученый в этой важной области».

«Однажды, — продолжал Жолио-Кюри, — в подчиненном мне национальном атомном центре вспыхнула забастовка. Я оказался в весьма деликатном положении. В самом деле, коммунист, член руководства партии должен уламывать стачечный комитет, профсоюз, рабочих, настаивая на возобновлении работы. После долгих переговоров, проходивших в товарищеской обстановке, и дружеских бесед с персоналом все же удалось достичь взаимоприемлемого компромисса, забастовка была прекращена. На другой день вызывает меня де Голль: «Я слышал, Жолио, что у Вас была забастовка. И хорошо, что она закончилась. Но вот Вам мой совет — не будьте так близки с людьми, держите их на расстоянии, тогда они будут Вас уважать, подчиняться и не распускаться».

Естественно, что Жолио-Кюри с иронией воспринял такую рекомендацию, но сам де Голль твердо следовал этому правилу, вошедшему в его плоть и кровь. Еще в 1932 г. в своей книге «На острие шпаги», описывая качества, необходимые сильному руководителю, он подчеркивал: «...престиж не может сохраняться без таинственности, ибо то, что слишком хорошо известно, не побуждает к преклонению. Необходимо, чтобы в замыслах, манерах, в проявлениях ума содержалось нечто непонятное для других. То, что их интригует, волнует, — держит в напряжении. Подобная сдержанность души обычно невозможна без сдержанности в жестах и словах. Может быть, это всего лишь видимость, но именно на основании этой видимости множество людей составляют свое мнение».

Заботясь о соблюдении дистанции, де Голль сохранял вокруг себя «зону отчуждения» и, в сущности, оставался одиноким среди людей. В то же время он не был кабинетным работником. Он любил окунаться в людское море и чувствовал себя после этого, как он говорил, «обновленным». Но это было скорее не общение с народом, а «явление себя» ему. Де Голль много ездил и выступал перед массовыми аудиториями. За первые шесть лет своего президентства он посетил почти все 90 департаментов страны, произнес 600 речей, представил перед 15 миллионами французов.

Порой утверждают: де Голль любил Францию, но не французский народ. Вряд ли это верно, хотя отношение к народу у него было своеобразным. Он видел в нем прежде всего материал для сотворения величия Франции. Кого он презирал, так это буржуазные партии, их постоянную грызню из-за узкоэгоистических интересов, их лидеров, депутатов, мэров, журналистов, считая их бесприципными, мелкими и продажными.

Генералу импонировал авторитарный стиль руководства. Обладая исключительной полнотой власти, он действовал, однако, в рамках республиканской законности, сохранял демократические права в стране и соблюдал конституцию, скроенную по его мерке, но утвержденную на общенациональном референдуме. Недаром его называли «республиканским монархом».

Еще во время войны, в 1943 г., касаясь будущего государственного устройства Франции, де Голль рассуждал: «...надо, чтобы глава государства по самой системе его избрания, по его правам и прерогативам мог выполнять обязанности арбитра нации». Установления своей единоличной власти он целеустремленно и настойчиво добивался, по существу, организовав государственный переворот и ликвидировав Четвертую республику. Де Голль не видел иного пути вывести страну из тупика, который возник к концу 50-х гг. из-за неспособности часто сменявших друг друга слабых правительств найти решение алжирской проблемы и спрятаться с политическим, экономическим и финансовым кризисом, порожденным колониальной войной и вассальной подчиненностью Франции США и НАТО.

Незаурядное политическое мастерство де Голля выражалось в том, что он сумел сфокусировать на своей личности надежды и чаяния самых различных, часто противоборствующих слоев французского народа, представить себя единственным возможным избавителем от бед, обрушившихся на Францию. «Я, — убеждал генерал, — одинокий человек, который не смешивает себя ни с одной партией, ни с одной организацией... Я — человек, который не принадлежит никому и принадлежит всем».

Свой выход на сцену он готовил по всем правилам военного искусства, ведя операции по двум главным направлениям: во Франции и в Алжире, где назревал мятеж военной верхушки, тесно спаявшейся с «ультра». Во Франции он активно налаживал контакты с представителями различных партий и групп. В начале 1957 г. депутаты от социалистов, радикалов, правобуржуазной МРП, «независимый» В.Жискар д'Эстен и другие деятели посетили президента Р.Коти и поставили вопрос о том, чтобы обратиться к де Голлю, призывая его прийти к власти. Коти ответил, что готов уступить ему свое место, но от предложенной генералом встречи тогда уклонился.

Общественное мнение вокруг имени де Голля складывалось такое, что даже Морис Торез в начале февраля 1958 г., говорил нам, что разрешению алжирского вопроса мог бы в серьезной степени содействовать генерал, которого он охарактеризовал как государственного деятеля, сохранившего понимание национальных интересов Франции. Разумеется, Торез имел в виду, что де Голль должен действовать в рамках законного правительства.

Готовя почву для своего возвращения к власти, де Голль не забыл и про нас. В марте 1958 г. на завтраке у одного сенатора мне представили бывшего французского посла в Марокко Гранвала, подавшего в отставку из-за своего несогласия с политикой правительства в Северной Африке. Гранваль сблизился с де Голлем еще во время войны, когда командовал партизанским отрядом в Лотарингии. Давая понять, что действует по указанию де Голля, он сообщил нам в беседе, что генерал приступил к практической подготовке своего прихода к власти. Гранваль изложил нам и политическую программу, которой де Голль намеревался руководствоваться, встав во главе Франции. Она предусматривала, в частности, решение алжирской проблемы путем переговоров с целью создания федерации, разрыв Франции с НАТО и высвобождение ее из-под американской политической и экономической зависимости, расширение экономического сотрудничества с Востоком, прежде всего с СССР и КНР, сотрудничество с левыми силами и привлечение компартии к более активному участию в государственных делах, но без включения на первом этапе ее представителей в правительство. По поступавшим сведениям, де Голль действительно искал контактов с руководством Французской компартии, однако коммунисты на них не шли.

На алжирском направлении генерал через своих посредников налаживал связи с будущими мятежниками. И хотя он уклонялся от обещаний возглавить мятеж, не желая выступать, как он говорил, в роли «второго Франко» против республиканского строя,

перспектива использовать военный путч как таран, чтобы разрушить устои Четвертой республики, представлялась ему заманчивой. Загодя посланные им в Алжир верные люди создали там фактический штаб под названием «Антенна» как для регулярного информирования генерала, так и для поддержания постоянных контактов с организаторами мятежа.

В операции прихода к власти отчетливо проявились острое политическое чутье де Голля, умение выждать момент, а когда он наступил, то действовать без промедления и со всей решительностью. Как только грянул путч 13 мая, де Голль на его волне и в обстановке переполоха в стране, порожденного внезапным выступлением военных, вышел на авансцену. Создав у лидеров буржуазных партий и в правых кругах впечатление, что никто кроме него не может спасти Францию от гражданской войны, он склонил их к согласию на формирование своего правительства и взял в свои руки власть. Оформив ее затем конституционным путем, он «скрутил головы» путчистам, невзирая на все их крики об измене и предательстве, разгромил их открытую и тайную сеть, подавил все попытки их новых выступлений.

Установление нового режима, наряду с личной склонностью генерала к подобным методам государственного управления, имело и некоторое объективное обоснование в специфических условиях, существовавших тогда во Франции: в расстановке ее внутриполитических сил, а также важном значении проблем, которые предстояло решить стране. Без всего этого де Голль вряд ли сумел бы отбиться от помех, чинимых правыми партиями, преодолеть сопротивление отдельных фракций французской буржуазии, перестроить экономику на базе развития наиболее передовых отраслей и внести коренные изменения во внешнюю политику Франции.

Придя в июне 1958 г. к власти, де Голль с ходу взялся за решение насущных проблем, доставшихся Франции после крушения ее обширной колониальной империи. Их неурегулированность тяжким грузом давила на любые усилия по нормализации жизни в стране и разработке французской внешней политики. Первым делом встала задача прекращения войны в Алжире и перевода на новые рельсы отношений с этой страной, равно как и с другими африканскими государствами — бывшими французскими колониями. Пытаясь спасти все, что еще казалось возможным, из прежних военных, политических и экономических позиций Франции в этих странах, де Голль сколачивал так называемое Французское сообщество. В Алжире он искал такого урегулирования, которое сохраняло бы тесные связи с Францией, ее доступ к источникам нефти в Сахаре и другим природным богатствам.

Операция по урегулированию алжирской проблемы, растянувшаяся на долгих четыре года, выяснила многие важные черты, характерные для стратегии и тактики де Голля. Это, прежде всего, приоритет интересов нации перед всеми иными соображениями. Де Голль исходил из того, что перед лицом своих важнейших задач нация обязана быть единой, тогда как классы, партии и экономические кланы — суть элементы, которые разобщают ее, и их междоусобная борьба не должна влиять на его суверенные решения.

Из взгляда де Голля на нацию как на общность традиций, психологии и чувств людей вытекала и другая его установка — на привлечение к поддержке провозглашенных им целей большинства французского народа — от левого до правого его крыла. И, как правило, ему удавалось этого достичь. Так, на референдуме в сентябре 1958 г. по конституции, апробирующую, по сути дела, принцип единовластия президента, необходимость которого он мотивировал сложностью проблем страны, за конституцию высказалось необычно большое число избирателей — 79% всех принявших участие в голосовании, в том числе многие коммунисты и их сторонники. М. Торез в частной беседе признавал, что такой результат был для компартии неожиданным, ибо она недоучла те доверие и симпатии, которые продолжали питать в народе к де Голлю, а также стремление к «обновлению», охватившее многих французов.

Способность генерала объединять вокруг своей политики большинство французского народа во многом объяснялась тем, что он умел так формулировать конкретные задачи, что это находило поддержку различных слоев общественности. Даже Французская компартия, наиболее последовательно боровшаяся против режима личной власти, не могла выступать против таких мероприятий де Голля, как, например, вопросы мира в Алжире, выхода Франции из военной организации НАТО, разрядки международной напряженности, сближения с Советским Союзом, осуждения войны США во Вьетнаме и др.

М. Торез рассказывал, что осенью 1959 г. ему по возвращении из отпуска пришлось поправлять некоторых товарищей из руководства ФКП, которые настолько увлеклись критикой де Голля, что на первых порах даже отвергли его заявление от 16 сентября о готовности предоставить Алжиру право на самоопределение, сразу же положительно встреченное алжирским Фронтом национального освобождения (ФНО).

Вместе с тем высказывания де Голля нередко отличались двусмысленностью и были столь хитроумны, что сбивали с толку тех, кого он хотел обвести вокруг пальца. Яркий пример тому — его выступление перед беснующейся толпой французских «ультра» в

городе Алжире, который де Голль посетил в первые дни своего прихода к власти 4 июня 1958 г. Ревущая толпа, готовая растерзать любого, кто проявит хотя бы малейшее несогласие с ее лозунгами «Алжир французский!» и «Спасите Алжир!», ожидала немедленного ответа от генерала, представшего перед ней на балконе одного из зданий. И де Голль сказал: «Я вас понял». Толпа буквально завыла от восторга, услышав в этих словах то, чего в них на деле вовсе не было. Сказать так, чтобы каждый мог трактовать услышанное в угодном для него смысле, было излюбленным приемом де Голля.

Действуя подобным образом, он долго водил за нос как «атлантистов», уверовавших в то, что он хочет укреплять НАТО, так и «европеистов», надеявшихся на его поддержку идей наднациональной интеграции, и других своих противников. Этот прием входил в концепцию политического деятеля, обрисованного де Голлем еще в 30-х гг. в книге «На острие шпаги», как человека, который «пускает в ход все свое мастерство, для того чтобы соблазнить толпу, скрывая до поры до времени свои истинные цели и обнаруживая их лишь в подходящий момент».

Настойчиво проводя намеченную линию, ловко маневрируя, де Голль выжимал из каждого очередного этапа максимум достижимого. Убежденный иногда в невозможности решить задачу тем путем, в пользу которого были настроены многие, де Голль до поры до времени продолжал идти по нему, чтобы как можно полнее раскрыть его нереальность и создать предпосылки для перехода к другому, более перспективному, по его мнению, курсу. Так, в августе 1958 г. за сохранение Алжира в составе Франции выступало больше половины (52 %) населения страны. Де Голль же с момента своего прихода к власти не сомневался в бесперспективности военного решения алжирского вопроса и неизбежности предоставления независимости Алжиру.

«Я понимаю, что колониализм отжил свой век, — говорил он в одной из бесед с нами. — Поэтому я и предоставил независимость тринадцати африканским странам — бывшим колониям Франции. Я надеюсь решить и алжирский вопрос на основе принципа самоопределения». Продолжая вести войну, он в то же время осуществлял постепенную смену политических вех. В надежде найти в Алжире более приемлемого для себя собеседника, нежели ФНО, твердого выразителя воли борющегося алжирского народа, де Голль переходил от туманных лозунгов о «франко-мусульманском братстве» и «мире храбрых» к выдвижению планов экономического развития Алжира, от привлечения алжирцев к выборам в Национальное собрание до заявлений об «алжирском Алжире», ассоциированном с Францией.

«Я продвигался вперед по этапам», — сказал де Голль, завершив алжирскую операцию признанием права Алжира на самоопределение и подписанием в марте 1962 г. в Эвиане соглашений о прекращении огня, об условиях передачи суверенитета, о дальнейших отношениях между Францией и независимым Алжиром. «Политика — это искусство, основанное на реальностях» — так прокомментировал он это событие. На общегосударственном референдуме 8 апреля 1962 г. Эвианские соглашения были одобрены 91% французских избирателей.

По мнению известного исследователя политической жизни Франции Жака Фовэ и некоторых других историков, внешняя политика Пятой республики началась не в 1958 году, а в 1962-1963 гг., т.е. после окончания алжирской войны. Возможно, не в том объеме, как ему бы хотелось, но очень напористо де Голль приступил к осуществлению намеченной им программы восстановления независимости и величия Франции с первых же дней своего возвращения к власти в июне 1958 г.

Отдавая себе отчет в том, что Францию того периода нельзя было сравнивать по военно-политическому значению и экономическому весу с другими крупными натовскими государствами, де Голль рассчитывал осуществить свои планы возвращения ей ранга великой мировой державы на путях строительства единой Европы, находящейся под ее морально-политическим влиянием. Но для этого Франции надо было сначала выйти из состояния военного, политического и экономического подчинения США и НАТО и проявить себя, проводя самостоятельную независимую внешнюю политику.

Свои усилия он сосредоточил на четырех приоритетных направлениях: США и НАТО, ФРГ и Англия, «Общий рынок» и «малая» Европа, СССР и «большая» Европа. То наращивая давление в одной области и перенося его затем на другие, то действуя одновременно на всех или на нескольких из них, де Голль вел свою большую политическую и дипломатическую игру.

В беседах с нами де Голль подчеркивал опасность тогдашней международной обстановки, при которой Франция и Советский Союз даже без всякого столкновения их национальных интересов могли быть вовлечеными в войну. Еще в начале 1958 г., в пору наших неофициальных встреч на улице Сольферино, де Голль говорил: «...не всегда Франция останется связанный с США. Причины, которые вызывают такое положение, со временем отпадут, и тогда, — заключал он, — все хорошее, что вы делаете сейчас для Франции, окупится».

Став главой французского правительства, де Голль сразу приступает к делу. При встречах с приехавшими в Париж английским премьер-министром Г.Макмилланом и государственным секретарем США Дж.Даллесом де Голль в лоб поставил вопрос о необходимости реорганизации Североатлантического союза и всей системы франко-американского сотрудничества, с тем чтобы Франция могла играть роль державы с мировой ответственностью. Это требование прозвучало как гром среди ясного неба. Американцы и связанные с ними особыми отношениями англичане были уверены, что Франция смирилась с отведенным ей второстепенным местом в НАТО.

За устным демаршем последовал письменный. 17 сентября 1958 г. де Голль обратился к Эйзенхауэру с меморандумом, предлагающим создать в НАТО трехсторонний директорат с участием США, Англии и Франции для обсуждения и принятия совместных решений по мировым проблемам и для разработки стратегии. Излагая его суть, Куб де Миорвиль писал: «Либо Франция будет тесно связана с США и, конечно, Великобританией в вопросах безопасности, начиная с проблемы использования стратегического оружия, либо она будет вынуждена пересмотреть свои позиции и, в частности, участие в НАТО, которое обязывало ее следовать за Америкой без подлинных консультаций и, возможно, даже без ее согласия».

«Никто не строил иллюзий, — отмечал французский министр, — насчет приема, который мог ожидать меморандум в Вашингтоне, но он ясно очерчивал ту политику, которая в последующие годы, а поскольку иного выхода не было, и далее должна была оставаться политикой Франции в отношении НАТО, учитывая требования ее коренных национальных интересов...».

Не получив удовлетворения своих требований, которые де Голль продолжал наращивать, демонстрируя невозможность достичь договоренности с США и Англией, он делает крутой поворот и берет курс на выход Франции из военной организации НАТО.

В марте 1966 г. он сообщает президенту США Л.Джонсону и информирует правительства 14 стран — членов НАТО о решении Франции прекратить свое участие в интегрированном командовании и не передавать свои вооруженные силы в распоряжение блока. Обстановка, в которой был заключен Североатлантический договор, поясняет де Голль, претерпела существенные изменения, НАТО не отвечает новым условиям. Европа перестала быть центром международных кризисов, США утратили былую атомную монополию.

В соответствующей ноте французского МИД устанавливались конкретные сроки вывода натовских штабов и американских войск с территории Франции, и де Голль твердо настаивал на их соблюдении, несмотря на неоднократные просьбы американской стороны продлить их. К осени 1967 г. было окончательно завершено отделение Франции от военной организации НАТО. Рухнула основная опора натовской инфраструктуры в Европе.

Возвращение полного контроля над всеми французскими вооруженными силами де Голль сопроводил созданием собственных ядерных сил страны. Еще в октябре 1958 г. он заявлял: «Когда мы станем ядерной державой, мы сможем еще ощутимее заставить почувствовать нашу деятельность в тех областях, которые представляются нам наиболее важными и необходимыми для всех людей».

Не ограничиваясь вызволением Франции из сетей зависимости от США и НАТО, укреплением ее самостоятельности в военно-политической сфере, де Голль стал во всеуслышание осуждать опасные милитаристские акции США, предупреждая, чем грозит слепое подчинение их политике.

Особенно упорно преследовал де Голль washingtonскую администрацию за войну во Вьетнаме. Еще в 1961 г. он убеждал президента Дж.Кеннеди не ввязываться в эту войну: никто не сможет выбраться из ее трясины, предостерегал генерал. Позже он изобличал «отвратительную» войну США во Вьетнаме в столь резких выражениях, что это привело к серьезному обострению франко-американских отношений. Выступая в Пномпене в сентябре 1966 г. де Голль потребовал прекратить бомбардировки и вывести американские войска из Вьетнама.

Совершая турне по Латинской Америке в 1964 г., де Голль во всех 16 странах, что он посетил, клеймил политику США. Негодование американцев вызвало и то, что он не нашел времени заехать в США, хотя президент Джонсон ожидал встречи с ним. В Вашингтоне были сильно раздражены и посещением им провинции Квебек в Канаде, где перед ликующей толпой канадских французов он выкрикнул лозунг: «Да здравствует свободный Квебек!». Это привело к грандиозному скандалу в Канаде, а в США было воспринято как возмутительное вторжение де Голля в их вотчину. Морально-политический ущерб, который причиняли США подобные эскапады французского президента, был огромным.

В ходе своей конфронтации с Соединенными Штатами из-за НАТО де Голль стремился выступать от лица Западной Европы, а вернее — «шестерки» государств—членов «Общего рынка». Между тем реальное верховенство Франции в Западной Европе отнюдь

не было обеспечено, да и практически не имело шансов осуществляться без отстранения Англии и тесного сотрудничества Франции с Западной Германией. Де Голль исходил из того, что лишь в условиях изоляции Англии — троянского коня США — от «Общего рынка» и европейского политического строительства Франция может рассчитывать на лидерство в Европе. Экономически вдвое слабее ФРГ, она имела перед ней политические преимущества, будучи державой-победительницей, а также военные, поскольку обладала собственным ядерным оружием.

В сентябре 1958 г. де Голль, не мешкая, пригласил для переговоров в Коломбэ канцлера ФРГ Конрада Аденауэра. Во главу угла переговоров с западногерманским канцлером де Голль поставил вопрос о совместной политике в Европе, в частности о согласованных действиях по выработке планов объединения Европы. Аденауэр был не менее заинтересован в сотрудничестве с Францией, связывая с ним возможность постепенного восстановления позиций Западной Германии в Европе не только в политической, но и в военной области, некоторой ее реабилитации в глазах европейской общественности.

Кроме того, он хотел опереться на поддержку Франции в отношении претензий ФРГ в германском и берлинском вопросах. Что же касается лидерства в Западной Европе, то в перспективе ФРГ и сама была не прочь померяться силами с Францией в борьбе за него, но это — в перспективе, а пока Аденауэр был вполне расположен дружить с де Голлем. Уже на первом свидании они быстро нашли общий язык.

Менее чем за четыре года де Голль и Аденауэр встречались 15 раз и провели за совместными беседами более ста часов. Аденауэр настолько поддался чарам де Голля, что в ноябре 1958 г. в Бад-Крайцнахе пообещал даже помочь ему в вопросе о перестройке НАТО. И в дальнейшем он не раз стоял за его спиной, когда французский президент выступал с планами создания «малой Европы», добивался признания интересов сельского хозяйства Франции в «Общем рынке» или отбивал настойчивые попытки Англии вступить в ЕЭС. Летом 1959 г. Аденауэр заявил даже: «Эти бритты должны, наконец, понять, что не могут больше занимать руководящего положения в Европе. Отныне Франция и Германия будут руководить континентом».

Однако де Голлю приходилось дорогой ценой оплачивать аденауэровскую поддержку: ослаблением ограничений в области вооружений, наложенных на Западную Германию по Парижским соглашениям, предоставлением французской территории для складов и учебных баз бундесвера и т.п. В угоду Аденауэру де Голль с

1958 г. в течение четырех лет занимал самую неуступчивую позицию по берлинскому и германскому вопросам, а в 1962 г. еще и по проблемам разоружения.

Под знаменем примирения двух стран де Голль устраивал крупные манифестации, пышные приемы «своему другу» Аденауэру, всячески превозносил его в своих высокопарных речах, награждал и обнимал. Осенью 1962 г. де Голль совершил турне по Западной Германии, где на не любимом им немецком языке выступал перед толпами, восхваляя на все лады дружбу и кровное родство между галлами и германцами.

Между тем надо было совсем не знать генерала, чтобы верить в искренность подобных заверений и помпезных церемоний. Его трезвый ум готовил основную акцию, ставшую апофеозом франко-западногерманского примирения, — Договор о сотрудничестве, подписанный в Елисейском дворце 22 января 1963 г. Он предусматривал регулярные консультации правительств двух стран по всем важным проблемам внешней политики, согласованную деятельность по вопросам военной стратегии и тактики и т.д.

Почти в каждой беседе с нами де Голль по своей инициативе оправдывал взятую им линию на развитие связей с ФРГ. Свои отношения с ФРГ он объяснял главным образом соображениями экономического порядка, в частности эволюцией ЕЭС. Не отрицая, что в Западной Германии существуют реваншистские силы, он утверждал, что они незначительны. Он постоянно подчеркивал, что является противником возрождения Германии как военной силы, опасной для дела мира, категорически выступает против укрепления германского милитаризма и немедленно обратился бы к нам, если бы только почувствовал опасность с этой стороны.

Нередко де Голль напоминал, что в конце войны он предлагал расчленить Германию. По его словам, он тогда хотел заключить со Сталиным соглашение, которое помогло бы сделать Францию сильной и приблизить ее к Советскому Союзу в географическом и политическом отношении. Если бы Франции, пояснял он, позволили тогда занять Рейнскую область, как он просил Сталина, «то не было бы и франко-западногерманского сближения, поскольку Аденауэр не был бы на его стороне».

«Если бы я сегодня был в Кёльне, — рассуждал де Голль, — как вы находитесь в Кенигсберге, то Аденауэр, вероятно, был бы не только против вас, но и против меня. Сталин, однако, не пожелал заключить со мной такое соглашение, более того, даже договор, который был подписан в Москве в 1944 г. на случай германской агрессии, был сочен впоследствии не нужным».

Прибегал генерал и к такой аргументации: поскольку Франция — миролюбивая страна, никогда не собиралась и не собирается нападать на СССР, то ее сближение с Западной Германией угрозы не представляет. Другое дело, если бы Аденауэр сомкнулся с США; это было бы действительно опасно. Де Голль давал понять, что, укрепляя франко-западногерманские связи, он оттягивает ФРГ от США, не дает им объединиться. Он подчеркивал, что хорошо знает немцев, немало пострадал от них и не хочет допустить, чтобы ими командовали американцы.

Его излюбленным конъюком были рассуждения в том духе, что, опираясь на ФРГ, он сможет укрепить позиции Франции в Западной Европе, создать равновесие между западной и восточной частями европейского континента и тогда вступить в тесное сотрудничество с СССР.

Став президентом Франции, де Голль устроил 22 января 1959 г. большой прием для дипломатического корпуса. С.А.Виноградов был в тот момент в Москве, и я выполнял обязанности поверенного в делах.

С двумя моими товарищами из посольства мы стояли в затылок друг к другу в большом зале Елисейского дворца рядом с нашими иностранными коллегами. Обойдя строй и поздоровавшись с каждым из глав посольств, де Голль выступил с краткой речью, сделав в ней упор на согласие и сотрудничество государств. По окончании ее все смешались и разошлись по залу, а сам де Голль стал прохаживаться среди толпы дипломатов по живому коридору сначала с американским послом, потом с английским. Но вот подошедший ко мне шеф протокола передал, что президент приглашает подойти к нему побеседовать. Чинно прогуливаясь по залу, де Голль спросил, понравилась ли мне его речь, и, получив утвердительный ответ, сказал, что, произнося ее, он думал о нас.

Без всякого перехода он добавил затем в доверительном тоне: «Остерегайтесь китайцев, не верьте им». Я осталబенел от удивления, тем более что это была пора советско-китайской дружбы, песни «Москва—Пекин» и т. д. и ничто, казалось бы, не предвещало никаких перемен. «Что Вы, мой генерал, — возразил я, используя обращение, которое обычно применял Виноградов, — с чего Вы это взяли? Вы же знаете наши дружественные отношения с Китайской Народной Республикой». «Они дружественные только внешне, — заметил де Голль, — ибо в китайском руководстве расстет враждебный к вам настрой и он скоро проявится, поверьте мне». На все мои возражения де Голль отвечал лишь, что располагает сведениями из надежных источников и хотел предупредить нас. Завершая разговор, он сказал: «Когда-нибудь мы с вами ока-

жемся в одной лодке, в общей, европейской. Европейцы должны быть едины».

Еще в декабре 1958 г. де Голль говорил, что его очень интересует вопрос о создании объединенной «большой Европы». «Европе необходимо единство, она имеет свои особые, отличные от Америки и Азии, вопросы и свои интересы». Генерал подчеркивал, что он отдает себе отчет в том, что «нельзя создать Европу без Советского Союза, и если европейские страны хотят сохранить мир, то они должны быть вместе с СССР, страной, которая может быть гарантом мира, так как она сейчас сильнее всех». Позже, в мае 1968 г. он заявит в одном из своих публичных выступлений: «Значение и мощь Советского Союза делают его опорой континента».

Многие свои замыслы де Голлю не довелось претворить в жизнь. Не хватило времени, недостало здоровья, не позволили объективные обстоятельства. Он умел доводить любое задуманное им дело до максимально возможной степени реализации, далее которой не давали продвигаться не созревшие еще условия. Чутко улавливая их, он не тратил зря времени на сражения с ними, вопреки нередким обвинениям его в донкихотстве. Трезвомыслящий государственный деятель, он был вместе с тем бунтарем, разрушившим немало канонов внутренней и международной жизни Франции, расшатавшим систему военно-политических союзов капиталистического мира. Но при этом де Голль никогда не отступал от главной цели своей жизни — восстановить величие Франции на путях обеспечения ее независимости, защиты национальных интересов, возведения ее на уровень державы с мировой ответственностью.

Свои «Мемуары надежды» де Голль завершает словами: «На склоне, по которому движется Франция, моя миссия всегда состоит в том, чтобы вести ее наверх, в то время как все голоса снизу без конца призывают ее вновь спуститься. Предпочтя еще раз выслушать меня, она выбралась из маразма и только что вступила в этап обновления. Но с этого момента я, как и вчера, не могу ей указывать иной цели, кроме вершины, и иного пути, кроме усилий».

ДЕ ГОЛЛЬ И РЕФОРМА ФРАНЦУЗСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Беспрецедентный социально-политический кризис, до основания потрясший Пятую республику в мае 1968 г. в ее десятилетнюю годовщину, оказался совершенно неожиданным для ее создателя генерала де Голля, впрочем, как и для всех других политических деятелей страны. Вместе с тем данный кризис наглядно продемонстрировал способность генерала решительно перестраиваться под давлением обстоятельств, принимать неординарные решения на основе глубокого проникновения в сущность происходящих событий. Яркий пример тому — его отношение к студенческому бунту в мае-июне 1968 г. и последовавшая вскоре за этим реформа университета.

Следует отметить, что необходимость серьезных перемен в высшей школе, как и в образовании в целом, начала осознаваться во Франции еще в период Четвертой республики, когда основной очаг научных знаний и культурных ценностей, университет, традиционно ориентированный на производство относительно немногочисленной интеллектуальной элиты, стал все заметнее отставать от быстро меняющейся социально-экономической реальности, получившей затем самые различные названия — «индустриальное общество», «общество потребления», «общество благороденствия». Возникавшее общество с его массовым производством материальных и духовных благ все больше нуждалось в массовой подготовке соответствующих специалистов средней и высшей квалификации. С 1954 г. представители крупного капитала официально участвовали в разработке проектов школьных и университетских реформ. В 1956 г. на коллоквиуме в Кане рассматривались перспективы развития высшего образования на ближайшие десять лет, а на следующем форуме в 1957 г. в Гренобле обсуждались связи университета с промышленностью.

С приходом к власти де Голля в качестве президента Пятой республики проблема отношений высшего образования и быстро меняющегося общества была поднята на новый уровень. В начале 1961 г. была создана правительенная экспертная комиссия, куда вошли министерские чиновники, крупные промышленники и представители специальных высших школ (*grandes écoles*), которые в отличие от университетов были подчинены различным ми-

нистерствам и ведомствам и охватывали до 10% студентов. Два с половиной года члены комиссии изучали работу высших учебных заведений, ориентированных на подготовку специалистов для экономики, политico-административной деятельности и военного дела. Осенью 1963 г. комиссия представила премьер-министру Ж. Помпиду доклад, в котором подчеркивалась «абсолютная необходимость широкого и постоянного сотрудничества между высшей школой и экономикой». Авторы документа высказались за участие предпринимателей в определении программ обучения и организации производственной практики студентов, а также в подборе преподавателей¹.

Что касается непосредственно университета с его фундаментальностью и широким диапазоном знаний, то его работникам рекомендовалось все в большей степени учитывать круг потребностей тех, кто использует его выпускников. В этой связи было признано целесообразным приступить к созданию при университетах автономных учебных заведений, которые бы специализировались в области прикладных наук и выдавали дипломы об укороченном высшем образовании. «Имея в виду удовлетворение нужд экономики, — отмечали авторы доклада, — следует с самым пристальным вниманием следить за развитием этих видов образования, а также за тем, как к ним будут относиться потребители, по мере того как «товар» начнет поступать на рынок. Именно этот фактор будет определяющим»².

Показательно, что выпускников откровенно рассматривали как товар (кавычки в данном случае не меняли сути дела), который будет производиться на специфических предприятиях быстро, дешево, строго определенной кондиции, с минимумом теории или вообще без нее. Понятно, что на таких предприятиях должны действовать суровые правила и методы поточного производства, не допускающие никаких отклонений от заданного объема и ритма работы. Отсюда, в частности, вытекало требование ввести обязательное посещение всех без исключения занятий. Для многих малообеспеченных студентов, вынужденных тратить часть академического времени на то, чтобы зарабатывать на учебу и жизнь, это означало автоматическое исключение из университета.

Таковы были главные положения доклада. Они составили основу правительственной политики в области образования, которая вылилась в конечном итоге в реформу Фуше, названную так по имени Кристиана Фуше, который с 1962 г. по 1967 г. был министром национального образования. Реформа охватывала не только высшую, но и среднюю школу, предусматривая в последней три потока — практический курс (30% учащихся) для подготовки по-

луквалифицированных рабочих, краткий курс (40%) для подготовки квалифицированных рабочих и мелких служащих и полный курс лицея (30%). Только этот, третий поток, открывал путь в высшую школу, тогда как два первых являлись тупиковыми, в них предполагалось давать лишь начатки общих знаний.

Пробным камнем в создании новой инфраструктуры университета стали появившиеся осенью 1966 г. двухгодичные университетские технологические институты (УТИ) для подготовки, главным образом, инженеров-эксплуатационников и учителей. Треть мест в их административных советах и экзаменационных комиссиях заняли предприниматели, а многие курсы стали вести инженеры с местных предприятий, частично финансирующих институты. УТИ должны были выдавать дипломы об укороченном высшем образовании без права на продолжение обучения. Для получения полного диплома требовалось не менее четырех лет, а для того, чтобы стать научным сотрудником — шесть лет. Высшее образование разделилось на полное и укороченное. Те, у кого не было состоятельных родителей или иных источников солидного дохода, не имели почти никаких шансов закончить полный курс. Отсев студентов во Франции был одним из самых высоких в Европе.

Параллельно шел процесс приспособления к потребностям современной рыночной экономики гуманитарных наук. С конца 50-х гг. в стране действовал Научно-исследовательский центр прикладных гуманитарных наук, в рамках которого в университетах с циклами лекций по вопросам управления и административной работы на предприятиях выступали директора и президенты крупнейших компаний. Они исходили из того, что помимо технической стороны дела, решаемой инженером или техником, на предприятии есть проблемы, которые ставят работники и клиенты и которые могут быть лучше поняты умом специалиста с гуманитарным образованием. Правда, как свидетельствовали опросы того же центра, выпускники университета, воспитанные в традициях общечеловеческих духовных ценностей, оказавшись на работе в промышленной или торговой фирме, «очень часто сосредоточивались на проблемах человека, чуждых всякому понятию прибыльности»³. Но центр для того и создавался чтобы содействовать изменению такой ситуации.

Новые наставники студенчества разъясняли своей аудитории, что социологи, психологи и филологи нужны предпринимателям для решения таких сугубо прагматических задач, как изучение спроса на производимые товары и услуги, составление рекламы, подбор и расстановка кадров, создание на предприятии благоприятной социально-психологической атмосферы. Все это так или

иначе должно было способствовать увеличению прибыли. Кроме того будущим дипломированным специалистам надлежало знать, что конфликты на предприятиях возникают исключительно по психологическим причинами: с одной стороны, это раздражительность руководителей, с другой — дух требований и пристрастие французских рабочих к принципиальным дискуссиям, а посему тем, кто будет заниматься «человеческими отношениями» в бизнесе, следует вырабатывать в себе умение убеждать рабочих решать «вне всякой идеологии и предвзятости» конкретную проблему создания материальных благ, а потом уже думать об их распределении⁴. Примечательно, что именно эти функции по обеспечению капиталистической прибыли и налаживанию классового мира подверглись наиболее ожесточенной критике со стороны леворадикального студенчества.

Отношение президента страны де Голля и французского правительства к проблемам образования определялось общими задачами их внутренней и внешней политики, направленной на ускоренную модернизацию французской экономики в условиях перехода к индустриальному обществу и обострившейся международной конкуренции прежде всего со стороны других стран общего рынка. Правительственная реформа была призвана ликвидировать бесспорное отставание университета от потребностей общественного развития. И конечно, как всякое новое дело, она не могла не иметь противников, особенно среди части профессоров, привыкших вести дела по накатанной колее, в русле старых порядков и традиций и не без оснований опасавшихся потерять свои насиженные места и многочисленные привилегии. Им не нужны были никакие нововведения.

Наиболее основательная критика предлагаемой реформы исходила, однако, не от консерваторов, убежденных в том, что старое всегда лучше нового, а от тех, кто, не отрицая необходимости обновления университета, был убежден, что делать это надо иначе. Многие из них тоже считали, что правительственная реформа окажется губительной для университета как традиционного средоточия общей культуры и теоретических знаний, превратит его в заложника сугубо утилитарных потребностей современной хозяйственной жизни, а точнее крупного капитала, но выход они видели не в консервации «либерального университета» с его явно отжившими свой век старыми порядками, а в определении его будущего, предлагали свои решения в виде поправок и дополнений к правительстенным разработкам или же в виде своих собственных альтернативных проектов. И чем ближе становились сроки осуществления правительственной реформы, тем больше обострялась борьба

ба различных общественно-политических сил вокруг будущего французского университета.

Из всех оппозиционных сил наиболее полную и развернутую программу реформирования университета и всей системы образования имели, пожалуй, коммунисты. Их проект предусматривал широкий доступ в университет, равенство возможностей на получение образования. Однако у него не было шансов привлечь к себе широкое внимание общественности или студенчества, стать конкретной платформой массовой борьбы за реформу университета. Дело в том, что ФКП рассматривала свой проект как неотъемлемую часть антимонополистических преобразований общества, т. е. его реализация могла начаться лишь после прихода партии в союзе с другими левыми силами к правительенной власти, а посему он разрабатывался не как руководство к действию, а скорее как литературный документ, призванный играть определенную пропагандистскую роль в борьбе партии за привлечение к себе новых сторонников прежде всего из числа учащейся молодежи. Но даже в этом смысле значение проекта сильно снижалось из-за того, что в нем ничего не говорилось об участии студентов в управлении делами университета. Иными словами, студентам предлагалось поддержать общую политику ФКП в обмен на ее обещание заняться когда-нибудь при удобном случае волнующими их вопросами, причем без их собственного участия или точнее при таком участии, которое бы сводилось к простому содействию проводимым партией мерам, поскольку она знает гораздо лучше, что и как надо делать в высшей школе.

При всем различии и даже противоположности подходов к проблеме образования и правящие круги во главе с де Голлем, и основные силы оппозиции были склонны недооценивать или вовсе игнорировать учащуюся в высшей школе молодежь как особую социальную категорию, способную на серьезную постановку вопросов и самостоятельные действия.

Между тем за последние десятилетия студенчество, как определенная группа общества, претерпела огромные перемены. Если накануне второй мировой войны во Франции было всего 76 тыс. студентов, то в 1955 г. — 207 тыс., в 1965 г. — 505 тыс., в 1970 г. — 791 тыс. В конце 60-х гг. на каждую тысячу французов приходилось 13 студентов (1,3% населения страны), в высшей школе учился каждый пятый молодой француз, что ставило Францию на пятое место в мире по данному показателю⁵.

Знаменательные сдвиги произошли и в социальном составе студентов. Если в 1945 г. самый крупный сегмент (34,5%) составляли дети крупных предпринимателей и лиц свободных профес-

сий, то к началу 60-х гг. их удельный вес снизился вдвое, а их место заняли выходцы из семей служащих, мелких торговцев и ремесленников (31,2%)⁶. Накануне событий мая 1968 г. 40% студентов происходили из семей трудящихся, главным образом из семей трудовой интеллигенции⁷. Поскольку стипендии были невелики и предоставлялись лишь в отдельных случаях, многие студенты вынуждены были подрабатывать, шли на определенные материальные лишения в надежде на лучшее будущее после завершения учебы.

Однако тут их нередко ожидало серьезное разочарование. Став массовым, университетский диплом перестал быть путевкой в высшее общество. Подавляющему большинству студентов предстояло будущее наемных работников, правда, имеющих ряд важных преимуществ по сравнению с рабочими — более сложный, интеллектуальный труд, более обеспеченное материальное положение и более высокий социальный статус, — но в принципе так же вынужденных продавать не продукты своего труда, а сам труд, т.е. терять контроль над его содержанием или, выражаясь философским языком, подвергаться процессу отчуждения. Кроме того, в условиях нараставшей дисгармонии между университетом и обществом, когда в одних случаях наблюдалась нехватка, а в других перепроизводство специалистов, полученный диплом далеко не всегда и не везде мог служить страховым полисом от безработицы или гарантией быстрого нахождения подходящей работы.

Еще одним фактором, существенно влиявшим на поведение студентов, являлась их концентрация в новых университетских городках (кампусах). Постоянное и тесное общение больших масс молодых людей, поставленных примерно в одинаковые, зачастую весьма нелегкие условия учебы и быта, усиливало их недовольство своим положением, способствовало выработке у них чувства солидарности на почве осознания определенной общности интересов, делая их легкой добычей распространителей всевозможных леворадикальных идей.

Большинство студенческих организаций за исключением профашистской группировки «Запад» критически восприняли или вовсе отвергли правительственный план реформы университета. Даже студенты-голлисты руководившие Национальной федерацией французских студентов (НФФС), созданной в 1961 г. при содействии властей в противовес сильно полевевшему во время войны в Алжире Национальному союзу студентов Франции (НССФ), считали, что проект нуждается в серьезной доработке — он откровенно делает ставку на сокращение числа студентов, будущих специалистов, что приведет лишь к дальнейшему экономическому

отставанию Франции от конкурентов по Общему рынку, а создание непреодолимых барьеров между социальными слоями ограничит возможности для пополнения национальных кадров, не говоря уже о том, что такая реформа восстанавливает против себя общественное мнение. Лишь незначительное меньшинство в НФФС безоговорочно выступало за ее осуществление.

Принципиальные противники реформы Фуше примыкали в той или иной мере к НССФ, который имел статус национального студенческого профсоюза, но нередко выступал как политическая партия. В руководстве НССФ господствовал пестрый конгломерат крайне левых, которые получили известность под общим названием гошисты. Здесь можно было встретить диссидентсвующих левых католиков и бывших членов парижской секции Союза студентов-коммунистов (СКМ). Секция была распущена целиком по решению ФКП за ее претензии на авангардную роль в партии, которую молодые студенты-коммунисты обвиняли в нежелании обновляться и проводить революционную политику. Многие из исключенных стали затем активными участниками и ведущими фигурами во всевозможных группировках и движениях неомарксистского, неотроцкистского, маоистского или анархистского толка. Их лозунги и идеи обрели широкую популярность среди университетской молодежи. Сам же СКМ, где остались верные ФКП ортодоксы, не сумел оправиться после потери своих наиболее ярких лидеров и играл в университете второстепенную роль.

Ведущим идейно-политическим направлением в НССФ после окончания войны в Алжире являлся левый студенческий синдикализм, задача которого состояла в том, чтобы добиться от студентов осознания своего нового положения в университете и обществе и на основе их недовольства этим положением развернуть борьбу не только против существующего университета, но и против обслуживающего им общества. Лидеры НССФ не отрицали необходимости в новом определении отношений между университетом и экономикой, но считали, что университет сам должен устанавливать программы в зависимости от нужд экономики, не допуская слишком спешных и специфических форм приспособления.

Уподобив учебу студента, готовящегося к своей будущей работе, оплачиваемому ученичеству на производстве, синдикалисты выдвинули лозунг борьбы за замену стипендий унитарной формой пособия, предзарплаты, для всех студентов. Что касается критики университета, то здесь они делали упор не на количественные параметры (недостаток аудиторий, преподавателей, учебных пособий и т.п.), а на содержание и методы обучения, на признание за студентами права участвовать в решении этих вопросов. Подлинная де-

мократизация университета должна была, по их мнению, обеспечивать всем не только равенство шансов на учебу в высшей школе, но и право на участие в управлении ею. «Роль студентов, — отмечалось в принятом НССФ проекте реформы высшего образования, — состоит не в том, чтобы просто накапливать знания, но быть участниками конструктивного диалога ..., а это дает им право участвовать в управлении университетом»⁸. При этом лидеры НССФ считали, что борьба за демократический университет неизбежно приведет к борьбе за демократизацию общества в целом.

Между голлистами, с одной стороны, и крайне левыми — с другой, в университете существовала огромная студенческая масса, не проявлявшая особого интереса к политике, занятая исключительно своей личной жизнью и учебой. Однако по мере того как дебаты вокруг реформы Фуше принимали все более острый характер, выявляя, что она затрагивает всех и каждого, безразличие нейтрально настроенных студентов сменялось беспокойством. Они не могли понять, почему правительство воздвигает всевозможные барьеры на пути к получению образования, всячески стремится ограничить число студентов, в то время как общество все больше нуждается в образованных людях. Лозунг борьбы против реформы Фуше нашел у них широкий отклик. Конечно, недовольство правительственной реформой было далеко не единственным фактором, подготовившим студенческий бунт в мае 1968 г. но оно, несомненно, обеспечило ему широкую массовую базу.

Важную роль в возникновении очагов социальной напряженности в университете играли жесткие методы, с помощью которых представители голлистской власти проводили здесь и без того непопулярную политику, их нежелание договариваться с теми, кого она непосредственно затрагивала. Это наглядно продемонстрировали события, происходившие в середине 60-х гг. в крупном комплексе студенческих общежитий в парижском пригороде Антони. После того как все попытки проправительственной организации «Голлистское студенческое действие» закрепиться в этом неспокойном месте потерпели провал, министерство образования принял ряд мер с целью подавить политическую и профсоюзную деятельность среди примерно трех тысяч студентов, взять под контроль их личную жизнь. Несколько сот неугодных администрации студентов оказались под угрозой выселения из общежитий. Все эти меры были приняты в нарушение принципа соуправления делами комплекса, без учета мнения ассоциации проживающих в нем студентов. В принципе ассоциация не возражала против укрепления дисциплины, но при условии, что администрация будет обсуждать со студентами правила внутреннего распорядка.

Произвол властей вызвал взрыв возмущения. «Мы не дети, — заявили студенты. — Мы сами берем в свои руки все более и более значительную часть управления университетскими делами... Мы не нуждаемся в надзирательстве». Несмотря на мирный характер протesta Фуше объявил общежития в Антони на осадном положении, на территорию комплекса была введена полиция, а руководители ассоциации арестованы и выселены из общежития.

Борьба студентов за право участвовать в решении вопросов касающихся условий их жизни в высшей школе приобрела особую важность. Весной 1967 г. во многих университетских городках студенты на своих общих собраниях принимали решения об упразднении де-факто правил внутреннего распорядка, регламентировавших буквально каждый их шаг. Массовые выступления за свободу передвижения (за право заходить в гости в женские общежития), за свободу слова и собраний на территории городков приобрели повсеместный характер. Оказавшись не в силах сдержать этот напор с помощью полиции, власти пошли на уступки, приняв в марте новые, более либеральные правила.

Одновременно, хотя и не столь успешно, развивалась борьба университетской молодежи за право участия в вопросах, касающихся содержания, форм и методов обучения. В конце 1967 г. в парижском пригороде Нантере, где расположился новый филологический факультет Сорбонны, представлявший собой современный кампус (общежития типа комплекса в Антони плюс учебные и административные помещения), вспыхнула стихийная забастовка студентов, в которой приняли участие 10 из 12 тысяч студентов. По форме она напоминала часто проводившиеся в тот период на предприятиях дикие забастовки, инициируемые молодыми рабочими без согласования с профсоюзами.

Забастовавшие студенты осудили реформу Фуше как антидемократическую и потребовали доступа к управлению делами факультета. Администрация согласилась создать в масштабе факультета и на отделениях смешанные комиссии, где студенты и преподаватели могли обсуждать некоторые вопросы учебного процесса. Однако центральные власти не поддержали эксперимент. Поэтому даже в тех случаях, когда преподаватели соглашались с предложениями студентов, на факультете практически ничего не менялось. Централизованная бюрократическая система образования подавляла всякую инициативу снизу. Администрация на местах полностью зависела от распоряжений из министерства. Первоначальные надежды на эффективность соуправления стали развеиваться, уступая место убеждению в том, что демократизацию управления университетом нельзя осуществить, не меняя дел во всей системе

образования. А значит, требования надо предъявлять не к местной администрации илициальному министерству, а к правительству страны в целом, олицетворяющему тот общественно-политический уклад, где университет — всего лишь одна из его составных частей.

Между тем, де Голль и Помпиду стремились представить дело так, будто предложенная правительством реформа нашла достаточно широкую поддержку среди административных работников университетов, давая ему право выбирать между ее сторонниками и противниками. Какое-то время казалось, что дело обстоит именно так. В 1966 г. в стране была развернута кампания за введение дополнительного отбора при доступе к высшему образованию. Предлагаемое новшество прямо соответствовало одной из главных задач реформы Фуше — ограничить численный рост студентов, введя специальные приемные экзамены непосредственно при поступлении в университет (как это принято, например, в России), причем в дополнение к экзаменам, которые выпускники лицеев сдают на степень бакалавра, свидетельствующую не только об успешном окончании полного курса средней школы, но и о присвоении первой университетской степени, что дает ее обладателю (бакалавру) право свободно записываться на первый курс университета. Система двойного отбора должна была на ближайшие годы удержать удельный вес студентов среди всей молодежи университетского возраста в пределах 20%.

Во главе кампании за введение дополнительного отбора стал декан факультета точных наук Парижского университета Заманский. В качестве критерии он предложил оценки, полученные в средней школе по предметам, которые бакалавр собирается изучать в университете, и, в известных случаях, вступительный экзамен¹⁰. Предложения Заманского неоднократно рассматривались на самых авторитетных университетских форумах — на ассамблеях деканов естественнонаучных факультетов страны — и каждый раз подвергались острой критике. Деканы считали, что критерий по школьным оценкам сможет оправдать себя лишь тогда, когда «нынешнее натаскивание» в лицее будет заменено творческим воспитанием, а что касается вступительного экзамена, дублирующего экзамен на степень бакалавра, то он даст гарантii не больше, чем экзамен на получение этой степени. А пока, до проведения какой-либо реформы, они предложили правительству промежуточный вариант — проводить отбор в конце первого года обучения, выдавая отсевшимся студентам диплом об окончании годичной программы университета¹¹. Среди маститых университетских работников не нашлось желающих прослыть сторонниками «автори-

тарного массового отбора». Сам Заманский был вынужден бить отбой и в марте 1968 г. проголосовал за текст заявления, отражающий общее мнение деканов естественнонаучных факультетов. Отрицательное отношение к ограничению доступа в высшую школу заняли и руководители гуманитарных факультетов. Псевдоакадемическая кампания за отбор завершилась крахом. В университете фактически не оказалось сторонников реформы Фуше.

Вопреки всем ожиданиям правительство не только не изъявило желания обсудить компромиссное предложение деканов, но, наоборот, форсировало реализацию своего проекта. В апреле было принято решение ввести с 1969 г. принцип отбора при поступлении в университеты страны. Разумеется, в правительстве понимали, что эта мера, самым прямым образом задевающая интересы многих десятков, а то и сотен тысяч молодых людей, вызовет у них бесспорно отрицательную реакцию, а этим, конечно же, не преминут воспользоваться леворадикальные студенческие лидеры. А посему власти строили свой расчет на том, чтобы нанести нараставшему движению протеста упреждающий удар, устраниТЬ из университета наиболее активных участников этого движения, запугать и деморализовать остальных. «Необходимо положить конец скандальному положению в Нантере и других местах, — заявил один из лидеров голлистской партии Жак Бомель. — Надо образумить нескольких имеющихся вожаков, дабы обеспечить безопасность и нормальные условия работы громадному большинству студентов, которые учатся и не заставляют говорить о себе»¹².

Весь апрель в университетском городке Нантера сновали передетые в гражданское полицейские, многие из которых были де-факто разоблачены дотошными студентами. Столь тесное сотрудничество администрации факультета с полицией, составлявшей «черные списки», лишь еще больше накалило атмосферу напряженности на факультете. 2 мая восемь студенческих активистов Нантера получили официальные повестки о вызове на дисциплинарный совет по обвинению в подстрекательстве к насилию. В тот же день в Париже члены праворадикальной группировки «Запад» подожгли одно из помещений НССФ и пообещали устроить 3 мая побоище всем, кто ведет «большевистскую агитацию» на факультетах. Репрессивные меры властей против студентов вкупе с провокациями ультраправых до предела обострили обстановку в университете. В тот же день 2 мая власти закрыли на неопределенный срок филологический факультет Нантера. Леворадикальные студенты решили организовать 3 мая в Париже митинг протеста, а 6 мая, в день заседания дисциплинарного совета, оккупировать Сорбонну.

3 мая у правительства еще оставалась возможность не допустить массового взрыва недовольства. Но оно упустило этот шанс. К вечеру, когда участники митинга протеста во дворе Сорбонны начали уже расходиться по домам, на них неожиданно обрушились полицейские дубинки. Завязались стычки с полицией, перерастающие в массовые сражения. В итоге несколько сот манифестантов было ранено, около 600 задержано, 27 отдано под стражу¹³. Неожидавший такого оборота дел ректор Сорбонны Жан Рош объявил о полном закрытии Сорбонны. Впервые после окончания второй мировой войны студенты одного из старейших университетов Европы оказались отлученными от своей альма-матер. Главной ареной движения протеста стала улица. Так начались знаменательные майско-июньские события, в которые вскоре оказалась вовлеченной вся страна.

Ставка правительства на насилие не оправдала себя, не запугала участников движения. Более того, 6 мая на улицы Парижа вместе со студентами вышли многие преподаватели. Среди демонстрантов насчитывались сотни старшеклассников, объединенных с ноября 1967 г. в «Лицейские комитеты действия». Газеты пестрели заголовками, осуждающими жестокость полиции. Лишь незначительное меньшинство в университете и обществе одобряло действия правительства. Общественное мнение было явно на стороне студентов. Тем не менее, власти не шли ни на какие уступки, по-прежнему полагаясь на силу полицейской дубинки.

Между тем, забастовка охватила почти весь Парижский университет, распространилась на провинциальные вузы и лицеи. Проблема реформы университета отошла на второй план. Демонстранты скандировали «Освободите наших товарищей», «Сорбонну студентам». Профсоюзные, общественные и политические организации одна за другой выступали за прекращение репрессий. Многие из них требовали от властей создать условия для диалога с организациями преподавателей и студентов. 8 мая пять лауреатов Нобелевской премии (Ф.Мориак, Ф.Жакоб, А.Львов, Ж.Моно и А.Кастлер) направили президенту республики де Голлю телеграмму с призывом «лично предпринять шаги, ведущие к успокоению бунтующих студентов – амнистировать осужденных студентов, открыть факультеты»¹⁴. Около сорока известных французских писателей и философов опубликовали заявление солидарности со студенческим движением. Более того, в самой голлистской партии стали раздаваться голоса в пользу более гибкой и маневренной политики, за прекращение репрессивных мер против студентов, с тем чтобы «в спокойной обстановке мог установиться диалог, необходимый для перестройки университета»¹⁵.

8 мая де Голль, наконец, высказался относительно студенческих выступлений, выдвинув на заседании совета министров довольно неопределенную формулу: «Никаких уступок насилию, но если порядок восстановится, все станет возможным»¹⁶. Ставший еще в 1967 г. министром внутренних дел К. Фуше истолковал данную формулу как намерение правительства перейти к дезакализации, а сменивший его на посту министра образования А. Пейрефит пообещал возобновить занятия «как только преподаватели и студенты будут в состоянии поддерживать порядок», возможно, даже на следующий день¹⁷.

Примиренческие жесты двух высокопоставленных деятелей страны внесли некоторое замешательство в ряды участников протеста. Одни восприняли их как готовность начать диалог в обмен на отказ от массовых выступлений. Другие расценили их как отвлекающий маневр, призванный скрыть курс на дальнейшую эскалацию репрессий и реализацию задуманной реформы. При этом они указывали на то, что заседание совета министров обошло полным молчанием требования забастовщиков, но подробнейшим образом обсудило вопросы усиления принципов отбора и планирования в системе образования. Кроме того многие леворадикальные активисты опасались, что, перестав быть делом массовой борьбы, проблемы университета могут снова оказаться целиком и полностью в руках министерской бюрократии, выполняющей заказ крупного капитала, или в лучшем случае станут предметом политического торга далеких от студенчества политических деятелей или партий.

Как бы то ни было, но правительству удалось поставить лидеров массового движения перед дилеммой — «проявить благородие», т.е. согласиться на требование властей о свертывании манифестаций в надежде получить от них встречные уступки или продолжать наращивать давление с риском навлечь на себя обвинения в срыве наметившихся было переговоров. Похоже, возобладала первая точка зрения. Вечером того же дня лидеры НССФ и профсоюза работников высшего образования без всяких объяснений предложили участникам организованной ими на площади Эдмон-Ростан 20-тысячной демонстрации разойтись по домам, вместо того чтобы, как было намечено раньше, двинуться на занятую полицией Сорbonну. Чтобы не допустить угасания массовой борьбы несколько тысяч студентов остались на площади и сумели договориться о повсеместном распространении новой формы борьбы — комитетов действий, которым суждено было сыграть важную роль в дальнейших событиях.

Можно лишь гадать, на каких условиях могли бы договориться противоборствующие стороны, если бы одна из них в лице министра Пейрефита не отказалась вдруг от обещания открыть Сорbonну. Дело в том, что многие политические деятели правящего большинства истолковали относительное затишье 8 и 9 мая как начало общего спада студенческого движения и пришли к выводу, что надобность в переговорах и уступках отпала. Однако события пошли другим путем. Выступления протesta вспыхнули с новой силой. Правительство наконец-то пошло на уступки. Вечером 10 мая только что вернувшийся из зарубежной поездки премьер-министр Ж. Помпиду заявил об открытии 13 мая Сорbonны и пересмотре вопроса об осужденных студентах. Однако эти решения оказались запоздалыми. После всеобщей забастовки солидарности организованной 13 мая крупнейшими профсоюзными центрами совместно с НССФ, страна почти на два месяца оказалась охваченной стихийными забастовками трудящихся.

Студенты занимали факультеты, рабочие — предприятия, служащие — офисы. Повсюду создавались комитеты действий, которые получали различные наименования — оккупационные, забастовочные, комитеты связи и т.д. Как и следовало ожидать, рабочих интересовали прежде всего вопросы о повышении заработной платы и улучшении условий труда. Выдвигавшиеся ими экономические или, как их еще называли, «количественные» требования удалось, в конце концов, урегулировать в ходе переговоров между профсоюзами, патронатом и правительством.

Что касается сугубо политической стороны событий, то здесь де Голль без особых затруднений справился с традиционной левой оппозицией, оказавшейся в решающий момент совершенно разрозненной, не готовой прийти к управлению страной, не сумевшей выдвинуть ни одной интересной идеи, и выиграл самую короткую в истории страны предвыборную гонку, заставив среднего француза поверить в то, что речь идет о выборе между республиканской законностью и порядком, с одной стороны, и хаосом и тоталитарным коммунизмом — с другой.

Гораздо сложнее оказалось дело с требованиями, которые затрагивали систему принятия решений в учебном заведении, учреждении, на предприятии, в отрасли, министерстве, стране. Именно эти требования составили характерную особенность майско-июньских событий, их идеиную основу и новизну. Конечно, де Голль не мог не заметить новых мотивов выступлений, таких как протест против авторитарных тенденций в современном индустриальном обществе, которое подавляет человека, низводит его жизненное предназначение до роли колесика в обезличенной системе массо-

вого производства и потребления, протест против девальвации духовных ценностей и традиций, желание иметь возможность и право оставаться самим собой, свободно участвовать в управлении демократически организованными структурами общества, что особенно ярко проявилось в системе образования, где борьба за новый университет, проходившая под лозунгом самоуправления, вылилась в отрицание всего существующего общества.

Де Голль отнюдь не сразу ощутил глубину и значимость подобных умонастроений, о чем свидетельствовала его первоначальная высокомерно-презрительная реакция на выступления студентов. Однако все попытки расправиться с участниками движения как с банальными скандалистами и зачинщиками уличных беспорядков вели правительство от одной неудачи к другой, более того, выдвинутые студентами требования автономии и самоуправления вызвали широчайший резонанс в обществе, оказались созвучны умонастроениям широких слоев интеллигенции, а в ряде случаев и рабочих. И тогда, не отказываясь от практики политических маниевров, силовых методов борьбы или угрозы их применения, де Голль решил дать бой радикально настроенным участникам движения на их собственном идеологическом поле, противопоставив их лозунгам автономии управления и самоуправления лозунг участия.

Решающими в этом отношении явились его выступления 24 мая и 7 июня, в которых он выдвинул идею третьего, срединного междуду капитализмом и социализмом пути развития, дал свою трактовку отчуждения наемного работника в «механизированном обществе». Провозгласив курс на осуществление тех реформ, которые являлись основным мотивом движения протеста, де Голль в известной мере идейно обезоружил леворадикальных лидеров. Лозунги, с помощью которых они оспаривали существующий режим, превращались в средство интеграции в него. Конечной целью и смыслом реформ должно было стать участие граждан страны в решении всех непосредственно касающихся их вопросов¹⁸.

Де Голль предстал перед страной не только в качестве гаранта и защитника легитимности и порядка, но и как смелый реформатор, готовый пойти на самые решительные, если не революционные перемены в обществе. «Кризис, который имел место в университете, выявил два момента, — заявил он 7 июня. — Во-первых, совершенно естественное беспокойство молодежи, студентов... в современном обществе потребления, поскольку оно не предлагает им того, что им нужно, т. е. идеала, вдохновения, надежды. И я думаю, что это вдохновение, эту надежду они могут и должны найти в участии. Во-вторых, кризис самого университета, который

продемонстрировал свою дряхлость, неспособность к самореформированию и, наконец, свое падение, несмотря на весьма высокую интеллектуальность многих своих мэтров. Нет сомнений в том, что такой университет нуждается в полной перестройке»¹⁹.

Поворот к новому курсу обозначился уже в середине мая, когда основные события месяца были еще впереди. 14 мая в Национальном собрании Помпиду сообщил, что в скором времени будет создан специальный комитет по выработке предложений относительно реформы университета, а студенты получат возможность приобщиться к управлению университетом. Позднее новый министр образования Эдгар Фор, сменивший после майских событий А.Пейрефита, следующим образом определил значение предстоящей реформы: «Проблема образования, вероятно, самая значительная в наше время, не обязательно должна быть представлена в терминах классовой борьбы... Общественные власти Франции по-заботились принять во внимание не только бунт молодежи в университете, но и, более того, общие устремления, глубокие, социальные потребности, невыразимые веяния, которые лишь в зачаточной форме, ограниченной во времени, пространстве и количестве, были отмечены этим бунтом»²⁰.

Следует подчеркнуть, что университету отводилась роль проблемного камня в процессе реформирования различных структур общества. Формула участия подразумевала децентрализацию власти в стране, расширение прерогатив ее местных структур, реформу парламента, Экономического и социального совета и, что особенно примечательно, изменение положения рабочего класса в обществе. Предполагалось, что все работники предприятия будут получать часть его прибылей в дополнении к той части, которую некоторые из них уже получали из суммы выделяемой из прибылей на самофинансирование согласно закону от 17 августа 1967 г. Наиболее близким к замыслу де Голля являлся проект левого голлиста Р.Капитана, предлагавшего разделить предприятие между производственным кооперативом, обществом акционеров и дирекцией, ответственной перед советом акционеров и комитетом предприятия работников. Прибыль должна была делиться на основах равенства.

Намерение де Голля придать своим реформам серьезный характер свидетельствовало о том, что он действительно старался стать над классовыми интересами и столкновениями. Он сумел уловить и аккумулировать в одном ключевом слове «участие» стремление широких народных масс к переменам, при этом, как отмечал журнал «Пари-Матч», де Голль пошел на эти перемены вопреки воле консервативного большинства, наперекор многим

своим министрам, встревоженным в глубине души дерзостью его планов, наперекор капиталу²¹.

Начав осуществление своих новых реформ с университета, де Голль опирался прежде всего на левых голлистов, расширив их участие в правительстве, и на модернистские круги в целом консервативного патроната. Несколько месяцев шла подготовка проекта реформы университета, в ходе которой Э. Фор постоянно консультировался с предпринимателями, встречался с представителями преподавателей и студентов.

В октябре Национальное собрание приняло закон, получивший название Закон об ориентации. Во всех 23 университетах страны предусматривалось создание советов, в которых студенты наряду с преподавателями могли участвовать в решении таких вопросов, как распределение получаемых университетом финансовых средств, избрание президента университетского совета (ректора), расписание занятий, содержание и методы обучения. Условия приема оставались прежними. Однако закон не решил проблемы финансирования высшей школы, а следовательно, таких острых вопросов, как нехватка преподавателей, помещений, учебных пособий. Вместе с тем он лишил радикально настроенных студенческих лидеров значительной части своих последователей, особенно из числа тех, кто придерживался умеренных позиций.

Что касается критиков Закона об ориентации, то они нашлись как справа, так и слева. Некоторые представители правящего класса и даже правящей партии ЮДР (К. Фуше, Р. Пужад, А. Сангинетти) считали, что Э. Фор пошел слишком далеко в своих экспериментах, разрешив в университете политическую деятельность и предоставив студентам право голоса в решении университетских проблем. Критики слева, прежде всего коммунисты, отмечали, что, несмотря на ряд положительных моментов, закон оставил неизменным классовый характер университета.

Принятие Закона об ориентации позволило де Голлю значительно ослабить напряженность в системе образования. Студенческие волнения, вспыхивавшие то в одном, то в другом месте, уже не представляли серьезной опасности. Однако попытки де Голля продолжить свои реформы потерпели фиаско.

¹ Les conditions de développement, de recrutement et de fonctionnement et de la localisation des grandes écoles en France// La documentation française. 1964. № 45. P. 92.

² Ibidem.

³ Josse F. L'adaptation de l'Université à l'industrie// Les Temps modernes. 1965. № 228. P. 2059.

- ⁴ Ibid. P. 2049.
- ⁵ Devèze M. *Histoire contemporaine de l'Université* . P., 1976. P. 31, 430, 34.
- ⁶ Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1969. № 3. P. 746.
- ⁷ France Nouvelle. 24.IV.1968. P. 3.
- ⁸ France Observateur. 1963. № 675. P. 9-10.
- ⁹ L'Express. 1965. № 748, P. 70.
- ¹⁰ Le Nouvel Observateur. 1968. № 161. P. 30.
- ¹¹ Le Nouvel Observateur. 1968. № 178. P. 26.
- ¹² Tournoux J.- R. *Le mois de mai du Général (Livre blanc des événement)*. P., 1969. P. 17.
- ¹³ Tournoux J.- R. Op. cit. P. 369.
- ¹⁴ Le Parisien libéré. 9.V.1968.
- ¹⁵ Le Monde. 10.V.1968.
- ¹⁶ Le Nouvel Observateur. 1968. № 183. P. 26.
- ¹⁷ L'Année politique, économique, sociale et diplomatique en France 1968. P., 1969. P. 36.
- ¹⁸ Nation. 8.VI.1968.
- ¹⁹ L'Année politique ... P. 389.
- ²⁰ Faure E. *Ce que je crois* . P., 1971. P. 8-9.
- ²¹ Paris-Match. 6.VII.1968.

МАЙ-ИЮНЬ 68-го — ТРУДНЫЕ ДНИ ДЕ ГОЛЛЯ

/Заметки очевидца/

«*LES REFORMES, OUI. LA CHIENLIT, NON!*»

Каждое поколение, как правило, переживает в своей истории крупномасштабные социальные коллизии, которые выдвигают на первый план отдельные социальные слои и личности. Так было с поколением 60-х гг. во Франции, когда на поверхности социального взрыва оказалось французское студенчество, молодежные лидеры «новых левых». Эти события явились своеобразным политическим экзаменом и для руководства страны, особенно для такой общенациональной личности, какой был президент Франции Шарль де Голль.

Волею судьбы автор статьи в 1967-68 гг. был научным стажером Парижского университета — Сорбонны и стал очевидцем этих бурных событий.¹ Именно с этих позиций хотелось бы вернуться к оценке майско-июньских дней 1968 г. во Франции, причин и последствий, необычного характера их проявлений на политической арене страны. При этом автор не претендует на глубокий научный анализ, данная статья — это лишь заметки публицистического характера.

1. «Генерал CHIENLIT»

... Это были незабываемые по накалу молодежных страстей и экстравагантным формам их проявления, пестроте калейдоскопа идейных взглядов и политических позиций дни и ночи бесконечных дискуссий, манифестаций, баррикадных боев с полицией. Студенческий Латинский квартал, и особенно его центральная магистраль — бульвар Сен-Мишель, любовно названный молодежью «Буль-Миш», превратился в эпицентр сражений. Используя автобусы, автомашины, рекламные щиты, мебель кафе, скамейки студенты возводили живописные баррикады, зачастую двухметровой высоты. В качестве боеприпасов они использовали традиционное «оружие пролетариата» — булыжники мостовой /показательно, что в настоящее время все улицы Латинского квартала покрыты асфальтом/. В ответ полицейские применяли гранаты со слезоточивым газом. В первую ночь батальи было ранено 805 студентов и

полицейских, сотни были арестованы. Причастность к участию в баррикадных боях доказывалась довольно примитивно — по грязным рукам...²

Бурные события стремительно разрастались по всей стране. Все ждали вмешательства в них генерала де Голля — его приговора, как высшего политического судьи. На одном из рисунков Жана Эффеля того времени де Голль перед входом в телестудию решает, как себя вести перед телекамерой, какой оценки событий придерживаться — комедийной, трагической, насильтственной...

18 мая де Голль прерывает свой зарубежный вояж — официальный визит в Румынию и возвращается в Париж. У трапа прилетевшего президентского самолета толпы телеоператоров, радиообозревателей, официальных фотографов всех ведущих изданий. Что скажет де Голль?

Как справедливо заметил Ю.В.Дубинин, «Де Голль — мастер необычных дефиниций»³. Вместо ожидаемой речи де Голль бросает в толпу одну фразу: «Реформы, да. Chienlit, нет!» Эта фраза была подобна разорвавшейся бомбе. Да, генерал признал необходимость перемен в стране, причинность происходящих событий. Но что такое «Chienlit», которое он отрицает? Этого не знал никто, кроме самого автора. Как выдающийся политик и великолепный психолог де Голль направил энергию французов в лингвистическое русло. Они были захвачены разгадкой столь важной, ключевой фразы, определяющей судьбы страны.

Разгадка после долгих споров и дискуссий была довольно неожиданной и емкой — генерал придумал новое слово, состоящее из двух: «гадить» и «кровать», т.е. он выступил против беспорядков — «гадить себе в кровать». Леваки окрестили де Голля «генералом Chienlit».

... Между тем события продолжали нарастать, захватывая новые слои населения, в том числе трудящихся, мелких и средних буржуа. Страну охватил паралич — всеобщая забастовка. Париж в те дни напоминал небритого бородача — клошара, горы мусора достигли уровня первых этажей зданий. На карикатуре, изображавшей метро, — для входа необходимо было воспользоваться туалетной спусковой ручкой, чтобы смыть кучи мусора. Студенты торжествовали победу — освобождение институтских помещений от полиции, объявив их «автономными, самоуправляющимися республиками». В интервью Жан-Полю Сартру, опубликованному 20 мая 1968 г. в журнале «Нувель Обсерватор», один из лидеров леваков Даниэль Кон-Бендит на вопрос: «Как далеко может зайти студенческое движение?» ответил: «... Теперь основной целью может быть только свержение правящего режима».

Власти даже пытались направить «революционную» энергию студенчества в русло «сексуальной революции»: были сняты запреты на посещение студентами женских студенческих общежитий, студентки получили право бесплатного приобретения в аптеках противозачаточных таблеток, в моду усиленно внедрялись мини-юбки... Показательно, что в эти дни на лекции по советской экономике известный политолог, редактор «Монда» господин Морис Дюверже рассуждал: «Советская статистика напоминает мне мини-юбку: кое-что видно, но о многом приходится догадываться...»

Не действовали и репрессивные угрозы властей — к Парижу были подтянуты танковые соединения. В воздухе запахло гражданской войной. Де Голль меняет тактику своего поведения — 29 мая он неожиданно исчезает из страны на вертолете из Елисейского дворца президента.

Это был неофициальный визит де Голля в Баден-Баден к генералу Массю, возглавлявшему самостоятельные войсковые соединения Франции на территории Западной Германии в рамках Атлантического Союза, но подчинявшиеся непосредственно французскому президенту. Визит был краткосрочным — события не позволяли долгого отсутствия, но, видимо, была предусмотрена возможность в случае необходимости высадки военного десанта в Париж. Де Голлю удается использовать разобщенность и нерешительность левых сил и сплотить вокруг себя и президентской власти значительные правые силы. 30 мая де Голль обратился к нации по радио и призвал своих сторонников выйти на улицы. Более полумиллиона человек воинственно прошли по Елисейским полям, возглавляемые министром культуры, писателем Андре Мальро. Это не замедлило стабилизировать положение в стране — началась волна многочисленных демонстраций в поддержку де Голля, его авторитарной политики.

2. Голлизм или мамамаизм?

Незадолго до описываемых событий мне как руководителю группы советских стажеров Общества «СССР-Франция» дали неожиданное поручение в советском посольстве провести политическую информацию-беседу с «золотой молодежью» — детьми известных французских политических и общественных деятелей. Беседа состоялась в одном из фешенебельных особняков поздно вечером и продолжалась при свечах до утра. Меня поразил неподдельный интерес этой молодежи к жизни нашей страны, детальность вопросов вообще о молодежных проблемах. Меня выручило

то, что я специально занимался этими проблемами, собирая материалы для докторской диссертации. Было чрезвычайно интересно обменяться информацией, не только поделиться своими знаниями, но и расширить свои познания. Беседа была непринужденной и даже дружеской, но я после нее задавал себе вопрос — зачем обеспеченной, образованной молодежи элитарных семей потребовалась такая встреча? Позднее я понял, что в среде даже такой молодежи назревали перемены в отношении к действительности, в осознании неизбежности каких-то глобальных перемен. В мае я встречал детей высокопоставленных официальных лиц на баррикадах на стороне студентов.

Первой искрой студенческих волнений стали выступления студентов филологического факультета Сорбонны в Нантере — пригороде Парижа 22 марта 1968 г. Блестящее описание этих событий мы находим в романе известного французского писателя Р.Мерля «За стеклом», изданного в нашей стране лишь в 1972 г. «Движение 22 марта» — такое название получила студенческая группировка во главе с 23-летним студентом социологом Даниэлем Кон-Бендитом. Первоначально оно насчитывало не более 150 студентов, занявших демонстративно университетский административный зал в знак протеста против ареста нескольких студентов по подозрению в «подрывных действиях». Движение не имело определенной организационной структуры, устава или членства. Оно ограничивалось регулярными политическими дебатами на факультете. Их основная задача заключалась в политизации студенческого протеста, неприятии окружающих социально-политических реалий. Это недовольство легло на благодатную почву назревших внутри общества стремлений к переменам, что и предопределило жизнеспособность движения. Эта тлеющая смута постепенно разгорелась и превратилась в пылающий костер студенческих волнений в начале мая 1968 г. в Сорбонне Парижа. Тому способствовали идеологические мотивы студенческих кумиров.

«Рупорами» студенческих настроений и взглядов были три лидера: серьезный, как дьякон, красивый, как киногерой, Жак Соваржо, 25 лет, председатель Национального Союза студентов, прозванный студентами Аленом Делоном баррикад, Ален Жейсмар, 28 лет, преподаватель физики, председатель Национального профсоюза работников высшей школы, и рыжий с голубыми глазами Кон-Бендит, обладающий прямотой воспитанника детского сада. Чего стоит, например, его требование «права на слово», как выражение «прямой демократии». Автор статьи присутствовал на одном из митингов под председательством Кон-Бендита во дворе Сорбонны, когда Луи Арагон попросил слова для выступления.

Толпа была против. Кон-Бендит возразил: «У нас прямая демократия, и все имеют право на слово. Слово предоставляется ... предателю Луи Арагону».

За молодежными лидерами стояли новоявленные идеологи студенчества, авторы «студенческой идеологии», претендующей на новый «изм», — мамамаизм. Такое словосочетание несколько странное происходило из комбинации первых слогов трех имен: К.Маркса, Мао Цзе-Дуна и Г.Маркузе. Центральной фигурой, по-своему трактующей и соединяющей взгляды двух остальных стал американский философ Герберт Маркузе. Политическими бестселлерами стали его произведения «Разум и революция», «Эрос и цивилизация», «Человек одного измерения», «Советский марксизм» и др. Имя Маркузе было окружено ореолом «революционности». Его называли «пророком великого отказа», «студенческих бунтов», «кумиром» студенческой молодежи.

Сам Маркузе выдавал свои взгляды за марксистские. Показательно, что Герберт Маркузе появился в Париже в самом начале студенческих событий. 5 мая — в день рождения К.Маркса, Маркузе выступил с сообщением на конференции, посвященной этой дате. Он чаще всего цитирует в своих работах раннего Маркса, особенно используя его юношеский романтизм и критику пороков капиталистического общества. При этом Маркузе старается не упоминать слова «капитализм», «монополистический капитализм», а говорит лишь о «развитом индустриальном обществе», рассматривая и советское общество как его разновидность, причем «репрессивное».

Отсюда радикальная критика современного «репрессивного общества», глобальный «великий отказ» от существующего порядка, т.е. «развитой индустриальной цивилизации», и уход в романтизм, противопоставление «техническому совершенству ценностей» «счастья и свободной личности».

«Иrrациональная рациональность» — вот кredo Маркузе как философа. Для него главное не изменение социальных отношений, а поиски выхода «вне системы». Будущее, по его мнению, пойдет за революцией сознания. Главное — «борьба сознаний», изменение человека и революционирование его сознания. Он тоскует о «дотехнической культуре», о времени, когда можно было подумать одному в тиши, ходить пешком или ездить в карете, и призывает к революции, создающей «последственную культуру».

Кто же, по мнению Маркузе, создает новое общество, преобразуя сознание и духовный мир человека?

В работе «Человек одного измерения» он приходит в выводу, что средства массовой информации формируют все социальные

слои в одном измерении развитого индустриального общества. Исключение составляют революционные силы в лице «думающей интеллигенции» и студенчества, особенно в сфере гуманитарных наук. Знания и непривязанность к определенным социальным слоям, по мнению Маркузе, позволяют им иметь общее представление об обществе в целом, быть в большей степени независимыми от СМИ. К тому же у них нет еще опыта «грязной политики». По этим причинам именно они являются вначале любого реального изменения общества. Что и показали студенты Парижа на баррикадах, как «биологический тип завтрашнего человека». Такая оценка очень импонировала студенчеству и тешила их иллюзиями на свою авангардную роль в обществе.

Маркузе ищет революционные силы также в отсталых районах «третьего мира» — развивающихся странах, где, по его мнению, сознание человека еще не сформировано в «одном измерении» из-за недостаточного проникновения в эти страны СМИ технократического общества, и определяется его бытием, свободным пока от разлагающего влияния современной цивилизации.

Увлечение «третьим миром», идеализация «докапиталистических режимов», противопоставление «мировой деревни» развитому индустриальному обществу, поэтизация бедности и фетишизация «культурной» революции в Китае — все это сближает и объединяет Маркузе с родственными идеями Мао Цзе-Дуна.

Маркузе призывает искать революционность даже там, где есть крайняя разнужданность и отчуждение, что импонирует «новым левым». Он предлагает опасную политику — вместо мирных демонстраций, избегающих столкновений с полицией, «мятежа», бунта, «превокации», чтобы заставить правящие круги возобновить свое репрессивное грубое насилие, скрывающееся за маской нежной репрессии, чем, как мы видим, не преминула воспользоваться власть, чтобы расправиться со студенчеством и укрепить свое положение. Как видим Маркузе проповедует «бунт отчаяния», что вполне соответствует его новоявленной «революционной» философии — философии отчаяния. Именно подобная философия стала духовной пищей левацких течений, основой их идеологических воззрений.

...Любопытное зрелище представляла собой Сорbonна в майские и июньские дни 1968 г. Двор превратился в своеобразный книжный рынок — здесь усиленно пропагандировались, продавались и просто раздавались многочисленные издания леваков. Различные политические направления можно было легко определить по портретам, прикрепленным на стенах и даже на монументах. Заполненный до отказа двор находился в постоянном движении,

подобно ярмарке он был наполнен многоголосым шумом, спорами, выкриками распространителей различных печатных изданий.

Время от времени жаркие дискуссии замирали на мгновение — студенческое радио передавало новости, после чего Сорбонна снова походила на огромный потревоженный улей. Снегопад листовок постепенно устилал двор бумажным паркетом...

Сторонникам «культурной революции» удалось захватить расположенный в Латинском квартале театр комедии «Одеон». Смеящийся директор театра недвусмысленно заметил: «Теперь здесь будут разыгрываться настоящие комедии...». В этом мне удалось убедиться самому. С моим другом-сокурсником Сорбонны Николаем Кейзеровым, позднее известным профессором политологом, мы решили познакомиться с ходом дискуссий в театре «Одеон». Однако, попасть в театр оказалось непросто — в зал не пускали, так как все места были уже заняты, несмотря на довольно позднее время — далеко за полночь. Нам удалось проникнуть в театр лишь с группой журналистов через служебный вход. В темноте кулис мы отстали от них и стали самостоятельно искать выход в зал. Наши поиски неожиданно закончились тем, что мы оказались на самой сцене, в президиуме собравшихся. Но и за столом вожаков не было свободных мест. Нам оставалось только устроиться на краю оркестровой ямы — весь зал оказался перед нами, и при желании мы могли даже дирижировать ходом дискуссии.

...В ораторах недостатка не было. Микрофон брался с боем. Одни предлагали начать «культурную революцию» с захвата Эйфелевой башни /кстати, такая безуспешная попытка предпринималась — на конечном этаже оказались военные, охраняющие радиопередатчики/, другие — с «Гранд-опера» /необходимость в этом вскоре отпала, так как забастовавшие актеры «мирно» взяли власть в театре в свои руки/. Предлагались различные проекты «самоуправления»: рабочая власть — на заводах, студенческая — в университетах.

Следует заметить, что некоторые участники событий, особенно во время дискуссий в актовом зале Сорбонны мыслили более глобально: им грезилось начало «европейской социалистической революции». «Вперед, за Великую социалистическую французскую революцию, которая будет менять лицо мира от Востока до Запада!» — призывала студенческая листовка от 27 мая 1968 г. Подобными, а иногда и еще более смелыми призывами к «мировой революции» пестрели стены студенческих аудиторий и фасады факультетов...

Вместе с тем следует заметить, что «студенческая идеология» — это иллюзия. Студенчество состоит из представителей раз-

личных слоев, каждый из которых имеет свои специфические интересы и соответствующие им воззрения. К тому же по своему месту в обществе оно нестабильно, переменчиво, краткосрочно и не может претендовать на постоянную идеологическую основу. Наряду с общими чертами есть различие между «левачеством» и «экстремизмом»: «левачество» порочно по своим целям, а «экстремизм» — по средствам борьбы.

Попытки леваков внушить студенческому движению, что место у кормила власти свободно, и поэтому необходимо его занять, оказались ошибочными. Это была явная недооценка своего противника — де Голля и идеологии голлизма.

В стране не было «революционной ситуации» — верхи еще были в состоянии не только удержать власть, но даже ее укрепить досрочными парламентскими выборами, что свидетельствовало о силе идеологии голлизма, его способности вносить необходимые корректизы в свою политику. Показательно, что были сделаны довольно серьезные уступки трудящимся: заработка плата в общенациональном масштабе была повышенена на 12,5% при снижении продолжительности рабочей недели до 40 часов, был сокращен возраст выхода на пенсию. Открылась перспектива пересмотра коллективных договоров на основе «сотрудничества труда и капитала», гарантировалась свобода деятельности профсоюзов на предприятиях, намечались изменения и в системе высшего образования, увеличивающие роль студенчества в управлении университетами. Конечно, не были забыты и крупные предприниматели — по проекту нового бюджета они получали увеличение помощи от правительства в сумме 30 млрд. новых франков.

Призывы леваков к вооруженной борьбе и восстанию были авантюрий, грозящей расправой над подлинно левыми силами. Следовало учитывать, что вооруженные силы находились на стороне правительства, и основная масса французов была настроена против подобных левацких авантюри. Подводя итоги майско-июньским событиям, Ж. Сеги — генеральный секретарь ВКТ отметил: «Пусть псевдореволюционеры извинят нас за то, что мы лишили их удовольствия присутствовать на наших похоронах. Мы остаемся крепко стоящими на ногах, сильные возросшим доверием трудящихся, чтобы продолжить борьбу за их интересы». Показательно, что к 2 млн. членов ВКТ в 1968 г. прибавилось 400 тыс. новых членов, и было создано 6 тыс. новых профсоюзных ячеек⁴.

Было бы ошибкой отрицать силу и значение студенческих выступлений, их массовый и упорный характер, политическое пробуждение и социальное самоутверждение молодежи конца 60-х гг. К сожалению, эти выступления в целом носили спонтанный и хао-

тичный характер. Возглавляемые преимущественно левацкими элементами, они нередко получали псевдореволюционную окраску, отличались крикливостью и претенциозностью.

Молодежный протест, в том числе и в виде шок-протестов, бросающих вызов обществу из-за безразличия и непонимания молодежных проблем и интересов, находит свое продолжение по сей день. В этом автор убеждался не раз в последующие годы.⁵

3. Де Голль — символ XX века.

В июне 1968 г. автору статьи пришлось самому убедиться в горечи заката движения мятежных студентов.

...Как стажеру Сорбонны министерство образования выдало мне бесплатный трехмесячный железнодорожный билет для знакомства с университетскими городами Франции. Эта замечательная практика называлась «*Voyage d'étude*» — «ознакомительная поездка». Так я получил редкостный подарок — не только познакомиться со всей Францией, поскольку университеты есть почти во всех даже средних по размеру городах, но, главное, попасть на законном основании в сами университеты. Представилась редкая возможность стать соучастником любых «автономных самоуправляющихся студенческих республик». Первоначально я избрал маршрутом своего «войяжа» юг Франции. С большим интересом и пользой для поездки я знакомился с молодыми продолжателями восстания лионских ткачей в Лионе, респектабельными университетскими городками в Экс-ан-Провансе, Каннах, Ницце... При всех различиях было много общих черт в организации самоуправления, образе жизни, поведении студенчества. Но всюду я присутствовал при затухании и даже умирании жизни в этих студенческих обителях. Налицо был спад молодежного движения, и не только по причине наступления каникулярного времени.

Последним значительным оплотом студенческого движения на юге Франции был Марсель, где сильно влияние социалистической партии. И я поторопился успеть подробнее ознакомиться с авангардным марсельским студенчеством.

В Марсель я прибыл ночью. Остановился в рекомендованном мне друзьями отеле и рано утром поспешил в Марсельский университет. Университетские службы еще не начинали работать, и я занялся фотографированием надписей, плакатов, лозунгов на университетских стенах. К сожалению, это увлекательное занятие было прервано «громом с ясного неба» — характерным воем сирен многочисленных полицейских машин. Университет оказался окруженным полицейским кордоном, а все его обитатели арестова-

ны. Полицейский комиссар Марселя лично руководил операцией. Каков же был его восторг, когда ему доставили мое студенческое удостоверение, где было указано, что я — «soviétique», т.е. «советский». Полиция мечтала найти в студенческом движении «руку Москвы», и вот мечта сбылась. Всех арестованных студентов скопом размещали в полицейских фургонах. Мне же была оказана особая честь — отдельная полицейская машина. С воем пронзительных сирен полицейская кавалькада прибыла в полицейское управление города. По пути сопровождавший меня полицейский с гордостью заявил, что его сын тоже студент-революционер Сорбонны.

В полицейском управлении пришлось задержаться надолго — сначала допрашивали всех арестованных аборигенов — студентов Марселя. После протоколирования допросов их отпускали восьмаяси.

Иначе поступили со мной — после дотошных расспросов и заполнения официальных бумаг меня посадили в лифт, который подозрительно долго двигался с верхних этажей вниз. Мои опасения были не напрасными — я оказался в глубоком подвале в камере предварительного заключения. Как в таких случаях полагается, я остался без галстука, пояса, шнурков и, естественно, фотоаппарата и моей сумки. В соответствии с международным правом я потребовал немедленно связать меня с советским консулом в Париже, так как в те времена его еще не было в Марселе. Меня попросили «подождать» и предложили еду. Естественно, я объявил в знак протesta голодовку, тем более что у меня совершенно пропал аппетит.

Камера представляла собой каменную клетку с решетками с двух сторон. Состояние было близкое к пойманному животному. Но надо было найти в себе силы, чтобы не терять человеческое достоинство. Пришлось заняться изучением криминальных надписей на стенах, в основном посвященных женщинам, а затем сочинять стихи. Жаль, что не было ручки, чтобы проверить потом их качество.

Далее были допросы, некоторые с рукоприкладством, обыск номера моей гостиницы. К чести французской полиции они не устроили провокации — не подбросили компрометирующего материала и лишь изъяли «оружие» — русскую водку. Но телефонной встречи с советским консулом мне так и не дали, что было серьезным нарушением международного права.

Наконец, мне вернули все мои вещи и принадлежности, включая сломанный фотоаппарат уже без такой ценной для меня отснятой пленки, извинились передо мной за столь длительное задержа-

ние для проверки подлинности моих документов и пригласили меня в бар.

Никакого желания продлить свое пребывание в полицейском «дворце» у меня не было, и я попросил доставить меня в отель. По моим расчетам он находился сравнительно близко, но полицейские в штатском везли меня подозрительно долго. На мой вопрос направляемся ли мы в «Chateau d'Yves», где сидел литературный граф Монте-Кристо, неожиданно получил утвердительный ответ: «Если Вы хотите — ведь мы показываем Вам достопримечательности Марселя». В последующие годы я неоднократно посещал Марсель, хорошо познакомился с его историческими достопримечательностями, в том числе и с «Chateau d'Yves», но меня никогда не оставляло чувство, что любой марсельский полицейский — мой знакомый. Закончилась эта история нотой протеста МИДа СССР по поводу моего незаконного ареста и извинительного ответа МИДа Франции. Протест был необходим не из-за важности моей персоны, а чтобы избежать повторения подобных незаконных акций с советскими стажерами в различных городах Франции. Наверное, это помогло — подобных моей историй не повторялось.

Что же стало с «новыми левыми» и их вождями?

Хотя в конце мая была объявлена всеобщая амнистия, Ален Жейсмар был посажен в тюрьму по обвинению в провокационных действиях и насилии в отношении сил порядка. Он дважды объявлял голодовки, чтобы добиться апелляции, и был освобожден на кануне рождества 1971 г. Однако он был на 10 лет исключен из штаба сотрудников университета. Позднее он стал специализироваться на компьютерной технологии и даже сотрудничал с министерством образования, помогая осуществлять компьютеризацию учебных заведений страны.

С загадочными трудностями в получении работы столкнулся выпускник юридического факультета Жак Соважо, которого средства массовой информации представляли этаким Аленом Делоном баррикад. Лишь в 1972 г. он получил должность преподавателя истории искусств в художественной школе в Нанте и переехал с семьей в Бретань.

Красный Дани, как называла печать Даниэля Кон-Бендита «позеленел» и стал издателем «Порластерштранда», журнала во Франкфурте, поддерживая западногерманскую партию «зеленых». Не гнушался Даниэль и участием в съемках рекламных фильмов.

Многие «новые левые» позднее превратились в конформистов, а некоторые пополнили ряды «новых правых». О событиях мая 1968 г. они говорят осторожно и с неохотой. Вот их высказывания спустя 20 лет.

«Мы плыли по волнам, — говорит А.Жейсмар. — Но у нас не было корней за стенами университета... Существовало чувство, иллюзия, что мы можем по мановению волшебной палочки изменить общество... Но май 1968 года высвободил движение мысли не только в университетах, он ускорил целый ряд перемен — во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами, в положении молодежи в обществе...»⁶

Кон-Бендит: «Мы чувствовали брожение, но не знали, куда идем в политическом смысле. Де Голль подорвал консенсус. Он модернизировал Францию, но не хотел признать современного образа действий. Великим противоречием мая было то, что слова были словами либеральных реформистов XIX века, а чувства и политические действия принадлежали XX веку... Движения в 1968 году изменили общество во всем мире...»⁷

Комментируя ситуацию во Франции после событий 1968 года, французский социолог Ален Турен заметил: «Новаторский и освободительный дух 68-го был изгнан из университета, и его можно было отыскать лишь в движении женщин, экологистов и иммигрантов»⁸

А какова оценка де Голля после майских событий 1968 г.?

«10 ans c'est assez!», «10 лет — этого достаточно!» — один из основных лозунгов молодых бунтарей, призывавших к свержению деголлевского режима. Типичная черта французского характера — стремление к переменам, даже если ситуация положительная. Отсюда — поддержка этого лозунга значительным числом французов, что сказалось на результатах референдума 1969 г., когда де Голлю было отказано в поддержке. Но голлисты получили абсолютное большинство на июньских парламентских выборах, чего они никогда ранее не достигали.

Голлизм не только устоял, но и победил. И в этом была огромная заслуга де Голля. Он стремился вести Францию в такое будущее, которое было бы свободно от тяжеловесных и старомодных традиций. В достижении этой цели он добился кардинальных перемен в трех направлениях:

- деколонизации — предоставлении независимости Алжиру;
- национальной независимости — выход из военной организации НАТО, отказ от обязательств холодной войны, признание Европы от Атлантики до Урала, сближение с Россией и Китаем;
- социальной политики «участия» — модернизация промышленной и сельскохозяйственной системы, налаживание сотрудничества между управляющими и управляемыми, начиная с университетов.

Такова голлистская архитектоника социального развития, способствующая совершенствованию мировой цивилизации. Она противостояла вирусу социального хаоса, ведущего к мировой анархии. Это было столкновение двух различных социумов.

Да, Шарль де Голль был авторитарен. В этом была не только его сила, но и слабость. Можно назвать «политическим самоубийством» его самоуверенное и рискованное решение о референдуме доверия в 1969 г.

Характерен для де Голля такой эпизод. Во время официальной аудиенции у Римского Папы последним была дана самая высокая оценка личности и деятельности де Голля. Однако, журналисты заметили нарушение протокола приема — Папа произносил приветственную речь сидя, а не стоя, как положено. На вопрос, чем это вызвано, Римский Папа ответил: «Я боялся, что он займет мое место...»

Истории известно, как Наполеон нарушил протокол коронации и короновал себя сам, а Римский Папа униженно лишь присутствовал при этом. Но сравнивая де Голля с Наполеоном, Ю.В.Дубинин справедливо заметил, что «Наполеон оставил Францию после себя обескровленной и поверженной, а де Голль вывел Францию на первый план созидательной международной политики. При этом не следует опускать одно важное обстоятельство. Вражда с Россией оказалась роковой для Наполеона. В то же время дружба де Голля с нашей страной помогла возвеличить Францию.»⁹

История есть бытие в действии. Ее календарные рубежи во времени условны, и не всегда совпадают с историческими событиями. Но иногда они все же пересекаются, и мы по праву можем считать Шарля де Голля — символом XX века.

¹ Автор располагает большим количеством документальных материалов от печатных публикаций до самиздатовских изданий, фотографий, звукозаписей и т.п.

² Более подробное описание студенческих батальй можно найти в периодической прессе того периода, специальных изданиях — См., например, А.Л.Семенов. Левое студенческое движение во Франции. М., 1975; Ю.М.Климов. Поколение кризиса или кризис поколения. М., 1968 и др.

³ Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М., 1997. С. 10.

⁴ См.: Cahiers du communisme. 1968, № 11-12. Р. 315-316.

- ⁵ См.: Бункина М.К., Климов Ю.М. Разум против безумия. Гл.5. Альтернативные движения — новые формы социального протesta. М., 1987. С. 125-158.
- ⁶ См.: Санди Таймс. 3.IV.1988.
- ⁷ См.: Санди Таймс. 3.IV.1988.
- ⁸ См.: Ринашита. 12. 111.1988.
- ⁹ Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М., 1997. С. 167-168.

ДЕ ГОЛЛЬ И МАЙСКО-ИЮНЬСКИЕ СОБЫТИЯ

В середине второго срока президентства Шарля де Голля во Франции произошел социально-политический взрыв, причем такой силы, что возникал вопрос не сметет ли он сам режим Пятой республики, созданный после возвращения де Голля к власти в 1958 г. Началось все с неожиданно вспыхнувшего протеста студентов. О нем я и хочу рассказать как непосредственный очевидец событий.

* * *

Моя командировка в качестве советника посольства СССР во Франции приближалась к завершению. Уже была определена дата отъезда — 5 июня 1968 г. На прощание мне была дана возможность совершить по приглашению общества Франция—СССР поездку по долине реки Луары с заездом в знаменитый центр фарфорового производства Франции Лимож. Находясь там, я услышал сообщение радио о том, что в университете пригорода Парижа Нантера вспыхнули студенческие волнения. Оттуда они быстро перекинулись в Сорbonну. Тон задавали экстремистские левацкие организации, последователи модной тогда философии Маркуса. Произошли столкновения студентов и полиции. Они носили ожесточенный характер. В них участвовали тысячи людей. Радио говорило о сотнях раненых. Полиция вошла в Сорbonну, что еще больше накалило обстановку. Говорили, что такого не было даже в период фашистской оккупации. Требования протестующих поначалу касались университетских свобод, реформы университетского образования. Превалировали в них лозунги разрушительного характера.

Такой оборот событий оказался неожиданным для французского правительства. Они нарастали стремительно, и быстро оказались в фокусе политической жизни страны. Вместе с тем в бурном потоке, заполнившем телевизоры, радиоволны и газетные полосы информации было трудно вычленить то, что помогло бы понять природу происходящего, а тем более спрогнозировать дальнейшее развитие событий.

Я поспешил вернуться в Париж. Посольство было поглощено отслеживанием обстановки. Каждый день во внеочередном порядке в центр уходили шифровки. В своих действиях в Париже по-

сольство, разумеется, проявляло предельную осторожность, чтобы не дать повода для обвинений в нашей причастности к происходящему. Вместе с тем, чтобы лучше почувствовать пульс событий, мы с женой решили отправиться в Латинский квартал. На подъезде туда полицейский, увидев дипломатический номер на нашей машине, остановил нас и стал давать заботливые советы, где было бы безопаснее ее припарковать. Потом он показал на выгруженных поблизости из фургонов жандармов и предупредил, что через несколько минут здесь могут полететь гранаты со слезоточивым газом.

— Держитесь правее, — порекомендовали нам, — там будет спокойнее.

Мы поблагодарили.

Весь район вокруг был похож на восставший город. Во многих местах мостовую разворотили. Брускатка в Париже по размерам меньше нашей и поэтому использовалась студентами как для баррикад, так и в виде снарядов против полицейских. То в одном, то в другом месте возникали схватки. Полицейские образовывали живые стенки. Со щитами, в касках и противогазах они теснили студентов, швыряя в них слезоточивые гранаты, молотя резиновыми дубинками. Толпы студентов все время перемещались. Смельчаки вырывались вперед, чтобы запустить один-два булыжника в служителей порядка, потом опять возвращались в толпу. Повсюду перевернутые или сожженные машины, поваленные деревья, разбитые витрины магазинов.

Захваченный студентами театр Одеон — котел возмущения. Вокруг него плотная толпа — не пробиться. Вдруг один из дюжих парней обращает внимание на мою жену и громко восклицает:

— Дорогу женщине! Расступайтесь!

Толпа приходит в движение, образуется узкий проход, жене любезно протягивают руку. За ней, пользуясь неистребимой ни при каких обстоятельствах французской галантностью, протискиваюсь и я. В фойе на первом этаже разложена огромная палатка. На нее сносят приношения протестующим. Она завалена фруктами, овощами, сырами, хлебом вперемежку с какими-то ящиками, носильными вещами. Целая гора. В зрительном зале идет бесконечный митинг. Поднимаемся в ложу — там мы все-таки не в самом водовороте и обзор побольше. На сцене табуретка и некто, пытающийся играть роль председателя с минимальной претензией: он всего лишь хочет, чтобы говорили не все сразу. Партер переполнен молодежью в постоянном движении. Выступления, вернее набор зажигательных выкриков: все прогнило, все надо смести, потом разберемся, что делать дальше.

Но вот начинается атака на председательствующего.

— Что это за демократия, когда кто-то присваивает себе право давать или не давать слово?

— Такая свобода нам больше не нужна!

— Долой председателя!

Тот пробует что-то объяснить. Его слова тонут в сплошном крике.

— Доло-о-о-о-й!!! — протяженно гудит зал.

Смузгенный неудачливый председатель покидает сцену, унося с собой табуретку, и митинг, вернее не митинг, а вакханалия, потому что теперь говорят все сразу, разгорается с новой силой.

Мы отправляемся дальше, в Сорбонну. Ее двор — бивуак всех и вся. Экстравагантность самоподачи — важный атрибут протеста. Она проявляется и в музыке, и в политической символике: маоисты, троцкисты, анархисты, еще и еще всякие. Флаги красно-черные, черно-белые с черепом и скрещенными костями, типажи бояськом, но с розой на майке — все весьма красочно. Тут же, забыв о революции, целуются влюбленные...

Волнения перекинулись на другие города, стали детонатором выступлений трудящихся. 13 мая Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) и другие профобъединения проводят 24 часовую забастовку. В ней участвует более полумиллиона человек. Требования социально-экономические. 19 мая в забастовке участвует уже около двух миллионов. 22 мая — 8 миллионов. Начинается стихийный захват заводов. Жизнь страны серьезно нарушена, в Париже из-за отсутствия бензина встал транспорт, людей перевозят в кузовах армейские грузовики.

24 мая де Голль выступил по радио и телевидению, чтобы повлиять на события. Неудачно. Разочарование от его слов только усилило движение протеста.

Теперь это уже не только студенты. Это почти вся Франция. Студенческий протест оказался запалом для протеста всеобщего. Долгое время накапливавшиеся проблемы выплеснулись на поверхность. Их много. Они касаются едва ли не всех сторон социально-политической жизни. Быть может во Франции времен Четвертой республики они проявлялись бы и разрешались по мере возникновения, но теперь, при таком руководителе как де Голль, у которого большого вкуса к социальным проблемам не было, а авторитет в стране был высоким, проблемы эти аккумулировались, нарастали под панцирем внешнего благополучия, что обманывало всех, в том числе правительство и президента. Теперь они вырвались наружу. Кризис приобрел остро политический характер.

* * *

28 мая мой хороший знакомый — член руководства правящей деголлевской партии Лео Амон (позже он войдет в состав прави-

тельства) срочно пригласил меня на завтрак. Тема — происходящие события. Он дает хорошо продуманный анализ обстановки с четкими выводами.

— До 27 мая, — говорит он, — обстановка была сложной, тяжелой для правительства, однако, не угрожавшей самому деголлевскому режиму и де Голлю лично. На волне широкого забастовочного движения ВКТ, за которой, по убеждению Амона, стояла ФКП, предъявила правительству очень высокие требования, но в то же время ВКТ вступила в переговоры с правительством, вела их жестко, но конструктивно. Это давало основания считать, что ВКТ и ФКП стремятся к достижению своих целей без свержения де Голля.

Однако, после 27 мая положение радикально изменилось. Бастующие рабочие отвергли договоренность, достигнутую между профсоюзами и правительством. Каков может быть поворот дел?

Далее собеседник говорит, чеканя слова:

— Нынешняя ситуация в какой-то степени напоминает ту, которая существовала в России в предоктябрьский период 1917 г. Однако международная обстановка иная: существует НАТО.

Собеседник сделал паузу.

В договоре о создании североатлантического пакта действительно имеется статья, предусматривающая вмешательство Союза в случае дестабилизации внутриполитического положения в одном из государств-участников. Выйдя из военной организации НАТО, Франция осталась, однако, членом политического договора об образовании Союза. Но не в этом дело. Слова Амона — показатель серьезности обстановки в стране, того как ее оценивает руководство Франции.

Далее Амон говорит, что одним из вариантов разрешения кризиса мог бы стать уход деголлевского правительства, возглавлявшегося Ж.Помпиду, с созданием правительства новой политической ориентации либо с участием коммунистов, — хотя условия для этого, по его мнению, не созрели, — либо без них. Он оценивает такой путь опасным, ведущим, в частности, к пересмотру не только внутренней, но и внешней политики Франции.

Наиболее приемлемым Амону представляется сценарий с преобразованием правительства Помпиду и заменой нескольких министров, возобновлением переговоров со Всеобщей конфедерацией труда и другими профсоюзами на базе повышенных, но не заведомо неприемлемых требований, с достижением договоренностей путем максимальных уступок со стороны правительства и проведением этих договоренностей в жизнь правительством и ВКТ каждым со своей стороны, что предполагает работу по прекращению

забастовки с постепенной изоляцией и дискредитацией экстремистских элементов. Для осуществления этого варианта, говорит Амон, потребуется, чтобы ВКТ вновь встала на путь переговоров, чем было бы восстановлено негласное взаимопонимание между правительством и ВКТ в условиях противостояния.

Амон говорит, что, быть может, сказанное им представит интерес для нас, а затем многозначительно добавляет: «возможно и не только для вас».

Я молчал. Мне не надлежало комментировать внутренние дела Франции. Амон и не ждал от меня комментариев. Но он добавил нечто неожиданное. «Нам известно, — сказал он, — что вы собираетесь покинуть свой пост во Франции. Это дело вашего руководства. Однако мы рассматриваем беседы с вами, как надежный канал связи. Мы ценим его и исходим из того, что можем использовать его и впредь, если в этом вдруг возникла бы необходимость. Поэтому мы хотели бы, чтобы до конца событий вы оставались во Франции. Передайте послу, что это не только личная просьба Амона».

Я всё передал. Посол В.А.Зорин со мной согласился. К тому же и ехать-то было не на чем. Железные дороги Франции стояли.

Вдвоем с Зориным мы тщательно проанализировали все детали демарша Амона. Конечно, сообщенное им представляло огромный интерес для Москвы, и соответствующая телеграмма срочно ушла в центр. Но Амон хотел от нас большего, пусть он сказал об этом только намеком. Он хотел, чтобы переданные им оценки обстановки стали известны той другой французской политической силе, от которой во многом зависело как обернутся дела в стране. Этой силой была Французская коммунистическая партия. Как поступить с этим пожеланием Амона, а может быть и не только его лично, поскольку он уточнял, что говорил не только от себя?

Мы решили сделать то, о чём просил Амон. Уже через два часа передо мной сидел в посольстве секретарь ЦК ФКП Гастон Плисонье. Он меня внимательно выслушал и, когда я закончил, сказал:

— Конечно, Юрий, у нас имеются свои источники информации. Однако ты передал целый ряд новых сведений. Для нас это важно.

* * *

29 мая де Голль, взлетев на вертолете прямо из Елисейского дворца, исчез из Парижа на 5 часов. Он побывал во французских войсках в ФРГ, которыми командовал генерал Массю, кругой парашютист, балансировавший во время алжирских событий 1958 г. на грани лояльности правительству и бунта, в силу чего он и попал на отсидку в ФРГ. В тот же день прошла мощная демонстрация

ВКТ. 30 мая де Голль выступил с речью, демонстрируя твердость и решимость навести порядок. Он объявил о распуске Национального собрания. За этим последовала внушительная демонстрация сторонников де Голля. Она спускалась по Елисейским полям к площади Согласия. Это был кульминационный момент в развитии кризиса.

В этот же день посольство давало прием по случаю моего отъезда. Гостей было много. Вначале пришли деятели оппозиции, свободные в этот день от крупных акций. Затем стали появляться представители правящих сил. Они подходили по мере того, как завершали свое шествие в демонстрации. У нас в посольстве — в этом была уникальность места — встречались и те, и другие. Руководители деголлевской партии пожимали руку всегда жизнерадостному и улыбающемуся Жаку Дюкло — одному из ведущих деятелей коммунистического движения Франции. Дипломатические приемы для того и существуют, чтобы предоставлять возможность общаться всем.

Де Голль провел серьезное переформирование правительства Помпиду, заменив девять министров. Правительство, профсоюзы и предприниматели провели переговоры и сумели достигнуть к 6 июня согласия, которым почти все были удовлетворены. Жизнь во Франции начала входить в нормальную колею.

Можно было уезжать. Я наносил прощальные визиты. Решил зайти и к Гастону Плиссонье. В назначенный час я был в здании ЦК ФКП и думал, что дежурный поведет меня в его кабинет. Однако, когда открылась последняя дверь, я оказался в зале заседаний политбюро ЦК ФКП, где находились почти все его члены во главе с генеральным секретарем Вальдеком Роше. На столе угощания и разумеется, напитки. Среди прочего Вальдек Роше сказал:

— Мы пережили очень трудные дни. Был момент, когда, казалось, власть испарилась. Можно было беспрепятственно войти и в Елисейский дворец, и в телецентр. Но мы хорошо понимали, что это было бы авантюрией, и никто из руководства ФКП даже не подумывал о таком опрометчивом шаге.

Вальдек Роше с удовлетворением отметил, что кризис позади.

* * *

8 июня поезд с Восточного вокзала Парижа увозил мою семью на Родину. Де Голль оставался президентом Франции. Он по-прежнему демонстрировал уверенность и спокойствие. Однако меня не покидало чувство, что свой полет он совершал теперь с подраненным крылом.

Ю.И. Рубинский

ДЕ ГОЛЛЬ И ЕВРОПЕЙСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Процесс европейской интеграции без сомнения является одним из самых значительных феноменов в истории XX века. Если первая половина столетия прошла под знаком двух небывало кровопролитных и опустошительных мировых войн, исходным рубежом, главным полем сражений и основной жертвой которых являлась Европа, то вторая половина была отмечена неуклонным сближением государств континента. Его результатом стало создание Европейского союза — уникального сообщества государств и народов, тесно сотрудничающих во всех сферах: экономической, политической, культурной. Тот факт, что после целой серии трагических катастроф Европа вступает в третье тысячелетие нашей эры как один из ведущих полюсов силы современного мира, достойный великого прошлого своей цивилизации, во многом связан с углублением и расширением Евросоюза.

Де Голль, обладавший редкой способностью видеть любые события в широкой исторической перспективе и в глобальном контексте, очень рано осознал огромную важность объединения Европы для судьб своей страны и всего мира. «Я считаю, что сейчас, как и в другие времена, единство Европы может быть результатом не слияния народов, а их систематического сближения. Все толкает их в этом направлении в нашу эпоху широких обменов, совместных предприятий, не знающих границ науки и техники, быстрых сообщений, бесчисленных путешествий. Моя политика имеет, следовательно, целью создание концерта европейских государств, с тем, чтобы развивающиеся между ними всевозможные связи крепили их солидарность. Ничто не мешает думать, что эволюция может привести, отталкиваясь от этого, к их конфедерации, особенно если они окажутся когда-либо объектом общей опаснос-

ти», — писал он на склоне лет в «Мемуарах надежды», ставшими своего рода политическим завещанием¹.

* * *

Идея создания группировки европейских государств была впервые высказана генералом еще в конце 1943 г. в беседах с членами Французского комитета национального освобождения (ФКНО) в Алжире — Г. Палевским и Р. Массигли в конце 1943 г., о чем оба вспоминали впоследствии в своих мемуарах. По мнению Ж. Лакутюра, одного из наиболее авторитетных биографов де Голля, не-малую роль в этом сыграл влиятельный правый радикал, в будущем глава одного из эфемерных кабинетов Четвертой республики Р. Мейер, вдохновителем которого являлся известный промышленник Ж. Монне².

Однако Монне и де Голль уже тогда разделяли принципиальные разногласия как по формам будущего европейского строительства, так и по характеру их отношений с США: первый выступал за наднациональную федерацию под американской эгидой, второй — за независимую межгосударственную конфедерацию. Не в последнюю очередь именно из-за этого Ж. Монне немало сделал для дискредитации де Голля в правящих кругах Вашингтона, что способствовало глубокому личному недоверию к руководителю «Свободной Франции» со стороны Рузельта. Генерал никогда не забыл и не простили этого обоим.

Выступая 18 марта 1944 г. с трибуны Консультативной Ассамблеи при ФКНО в Алжире, де Голль уже публично призывал к созданию «западной группировки, продолженной Африкой, артериями которой могли бы стать Ла-манш, Рейн и Средиземноморье. Она была бы способна образовать важнейший центр в мировой организации производства, торговли и безопасности»³. Подобный призыв был не слушен.

Де Голль понимал, что неизбежным результатом войны станет раздел Европы на сферы влияния двумя главными победителями — США и СССР: «Две империи — американская и советская, ставшие колоссальными по сравнению с прежними (великими) державами, меряются силами, навязывая свои гегемонии и идеологии»⁴. Ни разгромленные Германия и Италия, ни значительно ослабленные Англия и Франция не смогут помешать этому, а поскольку ни одна из европейских стран не в состоянии уравновесить ту или иную из сверхдержав в одиночку, европейское объединение становилось категорическим императивом глобальной геополитики.

На первых порах де Голль склонялся к преимущественному диалогу с главным союзником Франции в обеих мировых войнах — Великобританией, приютившей эмигрантское движение «Свободной Франции» после разгрома 1940 г. Во время визита британского премьера У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена в Париж 11 ноября 1944 г. — годовщину перемирия в первой мировой войне де Голль, возглавлявший Временное правительство только что освобожденной от оккупантов Французской Республики, предложил им создать «франко-британское ядро в Европе». Однако из переговоров с английскими руководителями генерал вынес впечатление, что Лондон не захочет «связывать свою игру с нашей, считая себя в силах играть собственную партию между Москвой и Вашингтоном»⁵.

Отсюда — решение де Голля ускорить свой визит в Москву, где он отверг предложение Сталина о тройственном франко-англо-советском пакте и подписал двусторонний договор о союзе и взаимной помощи с СССР: «Мы явно предпочитаем систему безопасности из трех этапов: франко-советский пакт, англо-советский и франко-британский пакты, коллективная безопасность (с участием Америки)»⁶. Таким образом, в тот период де Голль все еще мыслил классическими категориями баланса сил, основанного на системе двусторонних сдержек и противовесов в духе «концерта держав» и их союзов, определявшего политический пейзаж Европы XIX и первой половины XX вв. Вместе с тем он уже тогда вписывал эту систему в рамки «плодотворной конструкции» единой Европы, где нашла бы свое место и мирная Германия, уравновешенная на западе Великобританией, а на востоке Россией. Естественно, что центром данной конструкции де Голль считал Францию.

В первые послевоенные годы деголлевским планам евростроительства не суждено было сбыться. После острых конфликтов с политическими партиями, стремившимися ограничить полномочия главы Временного правительства, генерал ушел 20 января 1946 г. в отставку и обрек себя на 12-летнее пребывание в оппозиции парламентскому режиму Четвертой Республики. Эти годы пришлились на самый острый период «холодной войны», в которой Франция твердо избрала в рамках Североатлантического союза сторону США, что резко ограничило, наряду с серией затяжных колониальных войн и проблемами экономической модернизации страны, свободу маневра Парижа на европейской и мировой арене.

Процесс европейской интеграции начался поэтому без де Голля и не по его замыслам. Отправной точкой этого процесса стала речь французского министра иностранных дел Р. Шумана 9 мая 1950 г. — в пятую годовщину победы над державами «оси» с предложением

о создании Европейского объединения угля и стали в составе Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Подлинным автором «плана Шумана» являлся Ж. Монне, чьи интеграционные концепции по-прежнему резко расходились с деголлевскими. Тот же Монне стал первым председателем Верховного органа ЕОУС, в котором его единомышленники видели первый шаг к наднациональным Соединенным Штатам Европы.

ЕОУС сочетало федералистские (Комиссия, Европарламент, Суд) и конфедеративные (Совет министров) элементы, что объясняет двойственное, противоречивое отношение генерала к «малой Европе». Одобряя в принципе идею евростроительства, он упорно настаивал на сохранении государствами-участниками своих суверенных прав, без чего, по убеждению де Голля, они неизбежно утратят легитимность в глазах собственных граждан и будут низведены на роль безгласных статистов в глобальной политике США — главного гаранта их безопасности перед лицом Советского Союза.

Между тем с момента создания СССР в 1949 г. атомного оружия надежность американского «ядерного зонтика», по мнению генерала, значительно уменьшилась. США, считал он, вряд ли рискнут своим существованием ради спасения союзников: они предпочтут либо пойти, как в Ялте, на компромисс с Москвой за счет Европы, либо ограничить войну территорией союзников со всеми вытекающими отсюда катастрофическими для европейцев последствиями. Поэтому последним следует самим позаботиться о своих интересах, не полагаясь только на союз с американцами.

Но любое европейское объединение было исключено без участия немцев. Неудивительно, что определяющую роль в формировании голлистского подхода к евростроительству всегда играла германская проблема. Потерпев фиаско в попытках реанимировать старую программу Клемансса, отвергнутую США и Англией уже в 1919 г. — расчленения Германии, отделения от нее Рура и Саара, де Голль как реалист примирился с неизбежным и более того, счел, что созданная под эгидой западных держав ФРГ может оказаться для Франции гораздо более выгодным партнером в евростроительстве, нежели Англия.

В самом деле, последняя была, как и Франция, одной из четырех великих держав-победительниц во второй мировой войне, ответственных за германское урегулирование, постоянным членом Совета Безопасности ООН. Она раньше Франции создала, опираясь на особые отношения с США, ядерное оружие, быстрее и удачнее провела процесс деколонизации. В итоге Лондон оказался для Парижа опасным соперником в борьбе за лидерство в объединенной Западной Европе, где он играл бы к тому же, с уч-

том традиционной англо-саксонской солидарности, роль «троянского коня» США.

Генерал никогда не забывал адресованные ему слова Черчилля во время второй мировой войны, что если Англии придется выбирать между Европой и открытым морем, она всегда выберет последнее: «То, что Великобритания решительно против европейского строительства, неудивительно — известно, что ввиду своего географического положения и, следовательно, своей политики она никогда не допускала ни объединения континента, ни своего слияния с ним», — писал впоследствии генерал⁷.

С Германией в первые послевоенные десятилетия дело обстояло по-иному. Глубоко травмированная поражением и моральной ответственностью за преступления нацизма, расколотая на два государства, она не могла еще претендовать на роль полноценной великой державы. До тех пор, пока безопасность ФРГ зависела от присутствия на ее территории войск трех западных держав, а перспектива воссоединения казалась далекой, почти нереальной, свобода маневра Бонна на международной арене оставалась крайне узкой. На это и попытался сделать ставку де Голль.

Однако в противоположность сторонникам наднациональных вариантов евростроительства, утверждавших, что только тесные федеративные структуры «малой Европы» могут обеспечить надежный контроль над ФРГ, де Голль был убежден в том, что лишь межгосударственный подход к евростроительству способен закрепить за Францией военно-политические преимущества, уравновешивающие все более мощный экономический потенциал Бонна.

Именно поэтому он решительно выступил в 1952-1954 гг. против плана создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), выдвинутого тогдашним французским премьером Р. Плевеном в ответ на требования США после начала войны в Корее приступить к перевооружению ФРГ. В рамках ЕОС должны были интегрироваться под единым командованием военные контингенты шести стран-участниц ЕОУС.

Генерала шокировал не столько сам факт перевооружения ФРГ, сколько наднациональная структура командования планируемой «европейской армии», лишавшая Францию контроля над ее собственными вооруженными силами, часть которых была в тот момент задействована далеко за пределами Европы — в Индокитае. «Наряду с побежденными Германией и Италией Франция должна влить своих солдат, вооружения, деньги в смесь, не имеющую отечества. Это унижение навязывается ей во имя равенства прав для того, чтобы считалось, будто Германия не имеет армии в момент, когда она как раз создает свои вооруженные силы. Разумеется при

этом из всех великих наций, имеющих сегодня армии, Франция окажется единственной, которая утратит ее», — заявлял генерал на пресс-конференции 5 июня 1952 г.⁸

Особенно неприемлемым де Голль считал подчинение «европейской армии» интегрированной структуре НАТО, где распоряжаются США, ибо, по его мнению, это давало американцам полный контроль над всем процессом евростроительства. Поэтому генерал отверг предложения сторонников ЕОС обставить ее создание обязательствами США и Великобритании постоянно сохранять на континенте свои войска в качестве гарантии безопасности Франции и инструмента контроля над ФРГ: для него такие гарантии были крайне ненадежными, да и унизительными для французов.

В конечном счете проект ЕОС был отвергнут 30 августа 1954 г. Национальным собранием Франции голосами голлистов и коммунистов, к которым присоединилась часть входивших в правительство П. Мендес-Франса социалистов и радикалов. Перевооружение ФРГ произошло иным путем — в результате подписания Парижских соглашений 1955 г., на основе которых Федеративная республика была принята в НАТО. В ответ СССР аннулировал договоры о союзе и взаимопомощи, подписанные во время второй мировой войны с Англией и Францией, создав в виде противовеса Североатлантическому союзу с участием ФРГ Организацию Варшавского договора. Раскол Европы и Германии еще более углубился.

Отныне взгляды де Голля на смысл европейской интеграции должны были учитывать новую реальность. Речь шла о том, чтобы не ставить немцев перед выбором между Востоком и Западом, Европой и Америкой — в обоих случаях они наверняка выбрали бы одну из сверхдержав, поскольку воссоединение Германии зависело от СССР, а безопасность ФРГ — от США. Де Голль пытался поэтому предложить им иную, европейскую альтернативу, не перечеркивавшую трансатлантическую солидарность, а дополняющую ее: «Побудить к сплочению с политической, экономической, стратегической точек зрения государства, расположенные на Рейне, Альпах, Пиренеях. Превратить эту организацию в одну из трех планетарных держав и, если когда-либо понадобиться, в арбитра между двумя лагерями — советским и англо-саксонским»⁹.

Хотя данная задача, изложенная в «Военных мемуарах» де Голля, относилась им к моменту окончания войны, третий том его воспоминаний вышел в свет только в 1959 г., когда автор уже вернулся к власти, став президентом созданной им годом ранее Пятой республики. За прошедшие 14 лет его европейские концепции успели существенно эволюционировать — из них исчезла Велико-

британия, а на первый план в качестве привилегированного партнера Франции при объединении западноевропейских государств выдвинулась ФРГ: «Французская республика должна играть важнейшую роль в рамках экономического Сообщества и, в случае необходимости, политического сотрудничества Шестерки. Наконец, я намерен вести дело к тому, чтобы Франция создала сеть преференциальных связей с Германией, которая шаг за шагом побудит оба народа понять и оценить друг друга, к чему толкает их инстинкт, как только они перестают тратить свои жизненные силы на конфронтацию»¹⁰.

Неудивительно, что первыми крупными внешнеполитическими шагами де Голля после возврата к руководству страной явились встречи с канцлером ФРГ К. Аденауэром в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз и Бад-Крайцнахе, в ходе которых сложилась «ось Париж-Бонн».

Формированию тандема де Голль-Аденауэр способствовала конкретная дипломатическая ситуация того момента — тревожные сомнения канцлера в твердости англо-саксонских союзников перед лицом ультимативного требования Н.С. Хрущева изменить статус Западного Берлина. Твердо убежденный в том, что советский лидер блефует, де Голль категорически отверг этот ультиматум. Эта непримиримая позиция цементировала франко-германское сближение, которое пережило обоих его инициаторов, надолго став мотором всего процесса евростроительства.

Вплоть до начала 60-х гг. взаимодействие между Парижем и Бонном в европейских делах развивалось по восходящей линии, давая ощутимые результаты. Принятые де Голлем жесткие меры по оздоровлению экономики и финансовой системы позволили Франции приступить в намеченные сроки к созданию Общего рынка, предусмотренного Римским договором 1957 г. В основу его был положен франко-германский компромисс: ликвидация таможенных барьеров, выгодная промышленности ФРГ, сопровождалась принятием общей сельскохозяйственной политики, отвечавшей интересам Франции. Решающий прорыв в этом плане был достигнут в мае и декабре 1960 г., но особенно 13-14 января 1962 г., когда под давлением де Голля, заручившегося поддержкой Аденауэра, было принято окончательное решение о включении сельского хозяйства в Общий рынок ЕЭС.

Высшей точкой деголлевской политики «франко-германского примирения» стали обмены визитами на высшем уровне в 1962 г. и подписание в январе 1963 г. двустороннего Елисейского договора, который предусматривал регулярные консультации на всех уровнях, расширял военное сотрудничество и общественные, в частности молодежные, контакты.

Сразу же вслед за тем де Голль заявил на пресс-конференции об отказе от дальнейших переговоров с Великобританией о ее вступлении в Европейское экономическое сообщество. Поводом к этому послужило решение Лондона закупить американские ракеты «Трайдент» для своих подводных лодок, подчеркнувшее особые связи Лондона с Вашингтоном.

Вскоре, однако, стало ясно, что Елисейский договор не оправдывает надежд де Голля. Бундестаг ФРГ предпослал ему при ратификации преамбулу, в которой подчеркивалась первостепенная важность для безопасности Западной Европы НАТО с ее интегрированным командованием. Это было воспринято как симптом постепенного отхода Бонна от франко-германской «оси».

Особенно серьезное недовольство президента Пятой республики вызвали американские планы создания в рамках НАТО «многосторонних ядерных сил» (МЯС), в которых Д. Кеннеди видел первый шаг к формированию европейской опоры НАТО под контролем Вашингтона. Поскольку в МЯС, которые могли принять форму военных судов с многонациональным экипажем, оснащенных ракетами с ядерными боеголовками, предусматривалось участие бундесвера ФРГ, де Голль ответил решительным протестом.

Его непримиримая позиция в данном вопросе объяснялась достаточно вескими причинами двойкого рода. Во-первых, реализация проекта МЯС ставила крест на стремлении Франции, незадолго перед тем создавшей собственную ядерную «силу сдерживания», выступать в роли военно-политического лидера объединенной Западной Европы. Во-вторых, де Голль считал непременными условиями евростроительства вокруг «оси Париж-Бонн» отказ ФРГ от допуска в любой форме к ядерному оружию и признание ею окончательными послевоенных границ Германии, в том числе с Польшей и Чехословакией.

В обеих этих условиях была несомненная логика. Речь шла о том, чтобы исключить любую попытку воссоединения Германии и ревизии послевоенного статус-кво в Европе с помощью силы, чреватые глобальной катастрофой. Хотя после гибели Кеннеди проект МЯС был довольно скоро похоронен, настороженность Парижа насчет намерений «привилегированного партнера» на восточном берегу Рейна сохранилась, особенно после ухода Аденауэра с поста канцлера ФРГ. Сменивший его Л. Эрхард, выдвинувший на первый план задачи придания германской экономике глобального калибра, воспринимался де Голлем как человек преимущественно англо-американской ориентации.

Франко-германские отношения начали портиться и в рамках Европейских сообществ. Наряду с обычными для всей истории

евростроительства конфликтами по конкретным экономическим вопросам, регулярно возникавшим в связи с очередным фиксированием цен на сельскохозяйственные товары — главной расходной статьи бюджета ЕЭС (где ФРГ была основным донором, а Франция — получателем субсидий), на первый план все больше выдвигались принципиальные проблемы функционирования институтов ЕЭС. Председатель Комиссии, бывший статс-секретарь МИД ФРГ В. Хальштейн, убежденный сторонник наднациональных путей развития интеграции, рассматривал себя как главу некого подобия правительства федеративной Европы. Со своей стороны М. Кув де Мюрвиль, представлявший Францию в Совете министров ЕЭС, наотрез отвергал подобные притязания и считал Комиссию всего лишь техническим аппаратом, призванным исполнять принятые консенсусом директивы межправительственного Совмина.

«Когда создают европейское сообщество, отказы от тех или иных аспектов суверенитета весьма многочисленны, и никто их не оспаривает, в том числе правительства, к которым я имел честь принадлежать на протяжении 11 лет, — писал де Голль в своих мемуарах. — Необходимо, однако, одно условие, без которого невозможно ничего сделать: чтобы эти отказы были со стороны заинтересованных стран действительно приняты ими самими, как и вытекающие из них решения. Иными словами, нельзя вообразить, чтобы эти решения были навязаны им резолюциями, принятыми большинством голосов. Единогласие необходимо. Именно в этом заключается основной принципиальный вопрос: как вообразить, что кто-то может без нашего согласия и тем более против нашей воли располагать нашим суверенитетом?»¹¹.

Столкновение двух подходов к евростроительству, наднационального и межгосударственного, достигло апогея в конце 1965 — начале 1966 гг., когда де Голль отозвал французских представителей из органов ЕЭС и на несколько месяцев блокировал их работу до тех пор, пока его партнеры не пошли на так называемый «Люксембургский компромисс», в силу которого все важнейшие решения «шестерки» должны были приниматься единогласно.

Сложность положения деголлевской Франции определялась тем, что в конце 50-х — начале 60-х гг. она оказалась внутри ЕЭС в фактической изоляции. Как ФРГ, так и Италия не скрывали своего предпочтения федеративных путей европейского строительства, видя в них наиболее удобный способ покончить с дискриминацией, связанной со статусом побежденных во второй мировой войне держав, и добиться признания полного равенства прав.

Еще более активными приверженцами наднациональных идей являлись страны Бенилюкса — Бельгия, Голландия, Люксембург.

Федеративные структуры, где решения принимались бы большинством голосов были для них оптимальными рамками позволяющими отстоять свои интересы перед лицом более крупных держав, и в первую очередь избежать опасности быть зажатыми в тиски франко-германского кондоминиума.

Кроме того — и это главное — в экономике стран Бенилюкса всегда были весьма сильны позиции иностранного, прежде всего англо-американского, капитала, а политически и стратегически они, особенно Голландия, на протяжении столетий тяготели к Лондону. Поэтому в конфликтах внутри «малой Европы» эти страны чаще всего выступали как негласные представители интересов США и Великобритании.

Де Голлю пришлось убедиться в этом в ходе попытки построить на основе его конфедеративных концепций политический союз шести стран-участниц «малой Европы» в 1960–1962 гг.

Первый зондаж по данному вопросу был предпринят генералом еще 7 августа 1958 г. во время визита итальянского премьера А.Фанфани в Париж. Де Голль, только пришедший на пост главы правительства, выдвинул идею периодических консультаций шести стран ЕЭС на всех уровнях — министров, глав правительств и государств, парламентских делегаций по широкому кругу вопросов политики, экономики, культуры, обороны, создав для подготовки таких встреч постоянные рабочие органы.

Реакция Фанфани оказалась достаточно прохладной — не возражая в принципе против идеи политического союза «шестерки», он дал понять, что видит его, с одной стороны, лишь как наднациональную федерацию, а с другой — только с участием Великобритании. Главное же итальянское условие заключалось в том, что политический союз «шестерки» не должен никоим образом отражаться на связях с США в рамках НАТО. Такой же ответ с итальянской стороны последовал и годом спустя во время официального визита генерала в Италию в июне 1959 г.

Тем не менее де Голль был по характеру не из тех, кто отказывается от своих идей при первой же неудаче: «Я думаю, что если Рим строился не в один день, то в порядке вещей, если европейское строительство потребует продолжительных усилий»¹². Следующий шаг в том же направлении был предпринят им в момент, когда алжирская война, жестко лимитировавшая маневренные возможности французской внешней политики, подходила к концу и Париж готовился к крупным дипломатическим инициативам.

В июле 1960 г. де Голль изложил свой план канцлеру Аденауэру, привилегированному партнеру по «оси Париж-Бонн», во время его визита в Рамбуйе, а месяц спустя — премьеру Ж.-Э. де Ку-

аю и мининделу Нидерландов Й. Лунсу, затем их бельгийским коллегам Г. Эйскенсу и П.-А. Спааку, наконец, люксембуржцам П.Вернеру и Э. Шауссу. Возобновлен был также контакт с итальянскими руководителями — А. Фанфани и А. Сеньи. Всем им было предложено обсудить идеи де Голля на специальном саммите «шестерки» в Париже.

Стремясь подкрепить свои позиции, генерал обратился к общественному мнению на пресс-конференции 5 сентября 1960 г., где призывал к строительству единства Европы на основе не мечтаний, а реальностей: «А каковы реальности Европы, где те опоры, на которых ее можно построить? Воистину, это государства..., единственные единицы, имеющие право приказывать и власть, чтобы заставить подчиняться себе»¹³.

Суть деголлевского плана сводилась к организации регулярных встреч на уровне различных министерств, опирающихся на деятельность постоянных рабочих органов — комитетов или комиссий, специализированных на конкретных вопросах, но подчиненных национальным правительствам. Вынесенные на повестку дня этих органов вопросы могли бы периодически обсуждаться ассамблей, составленной из делегатов национальных парламентов. Данная конструкция должна была быть одобрена «торжественным европейским референдумом».

Очевидно, что подобная схема фактически перечеркивала федеративные элементы, содержащиеся в структуре Европейских сообществ — ЕОУС, ЕЭС и Евраторма. Тот факт, что она ни словом не упоминала о НАТО, не мог не вызывать в Вашингтоне, Лондоне и близким к ним европейских столицах сильных подозрений насчет степени атлантической солидарности планируемого союза. Результаты не заставили себя ждать.

10-11 февраля 1961 г. в Зале часов министерства иностранных дел Франции на Кэ д'Орсэ де Голль открыл встречу глав государств, правительств и министров иностранных дел «шестерки», созыва которой так упорно добивался. В ходе острых дискуссий произошел раскол: если Аденауэр и Вернер согласились с необходимостью организации политического сотрудничества, то Фанфани обставил свое согласие множеством оговорок, а Лунс вообще наотрез отверг всю деголлевскую схему. После некоторых колебаний к нему примкнул и Эйскенс. Все сколько-нибудь осведомленные наблюдатели были убеждены, что голландцы и бельгийцы лишь отражали мнение Лондона и Вашингтона, а заодно давали возможность западным немцам и итальянцам торпедировать французскую инициативу чужими руками. С тем, чтобы не портить отношений с Парижем, решено было создать комиссию во

главе с близким соратником де Голля К. Фуше, впоследствии министром, для подготовки конкретных рекомендаций. Ее первое заседание состоялось 5 сентября 1960 г., а два месяца спустя она представила проект.

Согласно его первому варианту, Союз был призван обеспечить согласование политики стран-участниц в области внешней политики, обороны и культуры. Его руководящими органами должны были стать Совет министров и постоянная Политическая комиссия в Париже для подготовки решений. Последние принимались единогласно в течение первых 3 лет, причем несогласие одного не связывало остальных. Спустя 3 года предусматривался пересмотр договора и объединение всех европейских сообществ, чьи парламентские ассамблеи сливались с самого начала.

Однако следующий саммит «шестерки», собиравшийся в Бонне спустя 3 месяца — 18 и 19 июля 1961 г., закончился безрезультатно. Единственным его решением стало поручение комиссии Фуше продолжить работу над проектом договора.

В рамках комиссии голландцы и бельгийцы упорно повторяли одни и те же требования — построить союз на наднациональной основе и включить в него Великобританию. Некоторое время де Голль еще надеялся склонить к поддержке «плана Фуше» Италию, создав единый франко-германо-итальянский фронт, сопротивляться которому странам Бенилюкса было бы затруднительно. Для этого генерал специально встречался 4 апреля 1962 г. с А. Фанфани в Милане, согласившись на отдельные уступки, в частности исключение из компетенции Союза экономики и военных вопросов, чтобы не задевать ЕЭС и НАТО, а также отказ от референдума. Однако после некоторых колебаний итальянцы сочли риск неизбежного конфликта в таком случае с США и Великобританией неприемлемым. 17 апреля 1962 г. на встрече министров иностранных дел «шестерки» в Париже П.-А. Спаак заявил об отказе Бельгии подписать проект договора о Союзе пока к нему не присоединится Великобритания. Его активно поддержали И. Лунс и итальянец А. Сеня.

Несколько днями спустя Спаак направил де Голлю письмо, в котором выражал на сей раз согласие принять «план Фуше», если предусмотренная им Политическая комиссия не будет подчинена Совету государств Союза, а станет независимым, т.е. наднациональным органом. Очевидно, что оба эти условия служили лишь предлогами ввиду их диаметрально противоположного характера: поскольку Великобритания относилась к любым наднациональным структурам не менее отрицательно, чем сам де Голль, они оказывались взаимоисключающими. «План Фуше», а вместе с ним

и «великий замысел» де Голля были похоронены на целые четверть века. Заслуги Спаака и Лунса были оценены Вашингтоном по достоинству — сначала один, затем другой заняли пост генерального секретаря НАТО.

Тем не менее судьба «плана Фуше» отнюдь не побудила де Голля отказаться от своего стратегического замысла — превратить Европу во главе с Францией в «одну из планетарных держав». Де Голль всегда сочетал верность определенным целям, которые преследовал с непоколебимым упорством, и с исключительным прагматизмом в выборе средств их достижения. Генерал был по-прежнему твердо уверен в том, что раскол мира на противоположные лагери во главе с двумя сверхдержавами является противоестественным и потому преходящим: рано или поздно он должен уступить место многополярности. Экономический подъем Западной Европы, разрыв между СССР и КНР, распад колониальных империй и вступление на мировую арену стран «третьего мира» рассматривались им как признаки того, что процесс перестановки сил на мировой арене начался.

Страны континентальной Западной Европы — партнеры Франции по ЕЭС не осознали этого и продолжали предпочитать независимой политике американский «ядерный зонтик» только из-за страха перед советской опасностью в условиях продолжающейся «холодной войны». Именно поэтому, считал де Голль, притязания Франции на роль лидера автономной от США Европы и натолкнулись на столь решительное сопротивление, усугубляемое ревностью, что привело к провалу «плана Фуше».

Междуд тем генерал был глубоко уверен в том, что военная, а тем более политico-идеологическая угроза Западу со стороны СССР значительно уменьшилась как из-за внутренних трудностей советской экономики, так и в связи с китайским фактором. Это делало прежнюю зависимость Западной Европы от США беспредметной: «Западный мир не находится более в опасности, как в эпоху, когда в Европе был организован американский протекторат под прикрытием НАТО», — подчеркивал де Голль на пресс-конференции 21 февраля 1966 г.¹⁴ Отсюда — радикальный пересмотр президентом Пятой Республики прежнего порядка его внешнеполитических приоритетов.

Раньше он пытался двигаться вперед шаг за шагом: сначала сближение с ФРГ и создание «оси Париж-Бонн», скрепленной Елисейским договором, затем экономическая консолидация ЕЭС, потом создание межгосударственного политического союза на базе «плана Фуше» и только на заключительном этапе — выступление «шестерки» с заявкой на роль арбитра между США и СССР.

Теперь, когда стало очевидно, что условия для создания союза стран «малой Европы», автономного от США в экономической, политическом и военном отношениях, еще не созрели, генерал решил подойти к решению проблемы с другого конца. Речь шла о том, чтобы выступить с рядом крупных инициатив, имеющих целью существенно изменить климат отношений между Востоком и Западом.

Разрядка напряженности между ними, объективные предпосылки которой налицо, что показали итоги берлинского и кубинского кризисов (где де Голль твердо поддерживал США, доказав свою верность союзническому долгу), будет способствовать преодолению конфронтации блоков в Европе, а в конечном счете ее объединению в естественных географических границах континента «от Атлантики до Урала».

Со своей стороны Франция, играющая роль пионера этого исторического процесса, привилегированной посредницы между Востоком и Западом, Севером и Югом, получит, наконец, достаточно веские основания претендовать на европейское лидерство, а единая Европа — на единственную достойную ее глобальную роль.

Конкретные шаги де Голля для достижения всех этих целей, предпринятые в 1964-1968 гг., известны: признание КНР, визит в Советский Союз, завершившийся подписанием ряда документов о сотрудничестве, затем в Польшу и Румынию, выход Франции из интегрированного командования НАТО, ликвидация инфраструктуры альянса на французской территории, осуждение действий Израиля в ходе «шестидневной войны» на Ближнем Востоке и призыв к США положить конец зашедшей в тупик войне в Индокитае.

Все эти шаги вызвали резкую критику в адрес де Голля как со стороны атлантических и европейских союзников, так и в самой Франции. Генерала обвиняли в мегаломании, национализме, измене интересам Запада и пособничестве СССР во имя иллюзорных расчетов на распад коммунистической системы. Особенно острой эта критика стала в августе 1968 г. в момент вторжения войск пяти стран Варшавского договора в Чехословакию, которое расценивалось многими западными аналитиками как наглядное доказательство краха европейской политики де Голля.

Однако генерал сохранял непоколебимую уверенность в исторической оправданности своего выбора: «... события показывают, что наша политика, с какими бы временными трудностями она ни сталкивалась, отвечает глубинным европейским реалиям и, следовательно, верна. Учитывая то, куда идут дела, эволюция будет неизменно продолжаться, если только ее не изменят новым миро-

вым конфликтом. Действительно, слишком поздно, чтобы иностранное господство могло где бы то ни было привлечь поддержку наций, даже если их территория захвачена. Что же касается возможности обратить их в свою веру, то слишком поздно, чтобы какая-либо идеология, в частности, коммунизм, взяла верх над национальными чувствами. Учитывая всеобщее стремление к прогрессу и умиротворению, слишком поздно лелеять надежду преуспеть в деле раскола Европы на два противостоящих блока», — говорил де Голль.¹⁵

История убедительно подтвердила глубокую справедливость этих поистине пророческих слов.

-
- ¹ Gaulle Ch. de. *Mémoires d'espoir*. T.1. *Le Renouveau*. 1958-1962. P., 1970. P.181-182.
 - ² Lacouture J. *De Gaulle*. T.3. *Le Souverain*. P., 1986. P. 316.
 - ³ *Ibidem*.
 - ⁴ Gaulle Ch. de. *Mémoires d'espoir*. T.1. P.175.
 - ⁵ Gaulle Ch. de. *Mémoires de guerre*. T.3. *Le Salut*. 1944-1946. P., 1959. P. 3.
 - ⁶ *Ibid*. P. 378.
 - ⁷ Gaulle Ch. de. *Mémoires d'espoir*. T. 1. P. 198.
 - ⁸ Aron R. et Lerner D. (dir.) — *La Querelle da la C.E.D. Essais d'analyse sociologique*. P., 1956. P. 29.
 - ⁹ Gaulle Ch. de. *Mémoires de guerre*. T. 3. P. 179-180.
 - ¹⁰ Gaulle Ch. de. *Mémoires d'espoir*. T. 1. P.183.
 - ¹¹ Couve de Murville M. *Une politique étrangère*.1958-1969. P., 1971. P. 296-297.
 - ¹² Gaulle Ch. de. *Mémoires d'espoir*. T. 1. P. 204.
 - ¹³ *Ibid*. P. 206.
 - ¹⁴ Gaulle Ch. de. *Discours et messages*. V. 5. P., 1970. P. 18.
 - ¹⁵ *Ibid*. P. 334-335.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ И ПОЛЬ-АНРИ СПААК: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ «ОБЪЕДИНЕНОЙ ЕВРОПЫ»

Идея создания «единой Европы» имеет многовековую историю. Ее высказывали, например, Пьер Дюбуа (XIV в.) при дворе французского короля Филиппа Красивого, чешский король Иржи Подебрад (XV в.) и другие. Силой оружия ее пытался претворить в жизнь Наполеон. Европейская идея была подхвачена пацифистским движением в середине XIX в., которое проявлялось в форме конгрессов. В 1922 г. австрийский граф Рихард Куденхов-Калерги выдвинул идею «план-Европы», сущность которой заключалась в создании европейского таможенного союза. На практике эту идею пытался реализовать премьер-министр Франции Аристид Бриан через учреждение Европейского федеративного союза, регулирующего деятельность международных картелей, и снижение таможенных тарифов для создания «Общего рынка». Однако, вплоть до первых послевоенных лет как план Бриана, так и другие проекты объединения Европы не были воплощены в жизнь.

С новой силой идея европейского единства зазвучала сразу после окончания второй мировой войны: планы объединения Европы получили распространение среди правящих западноевропейских кругов, а также общественно-политических организаций.

К середине 40-х гг. сформировались две концепции объединения западноевропейских государств: федералистская и конфедеративная. Ярым защитником первой концепции, в основе которой лежал наднациональный принцип интеграции, был бельгийский министр иностранных дел Поль-Анри Спаак. Проводимая «объединенной Европой» политика представлялась федералистам неразрывно связанной с политикой англо-американцев в рамках НАТО. Конфедеративная концепция базировалась на принципах межгосударственного соглашения. Ее сторонники, к числу которых принадлежал генерал де Голль, выдвигали на первый план национальный суверенитет государств. Объединение Европы они видели в форме тесного экономического и политического союза стран, сохраняющих свои правительства, органы власти и вооруженные силы. Кроме того, сторонники конфедерации ратовали за обособление европейского объединения от Атлантического альянса, считая, что военно-политические цели и интересы Европы и Америки — разные.

Развитие европейской интеграции в конце 40-х гг. шло независимо от рассматриваемых концепций путем создания ряда общеевропейских и мировых организаций. В марте 1948 г. состоялось подписание Францией, Великобританией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом Брюссельского пакта — договора о коллективной самообороне, экономическом, социальном и культурном сотрудничестве — Западный Союз, позднее — Западноевропейский Союз (ЗЕС). В 1949 г. на европейском континенте и в мире были созданы сразу две крупнейшие организации — Совет Европы — первый консультативный политический международный орган, не сумевший преобразоваться в Политический союз, и Североатлантический военно-политический альянс, действующий под эгидой США.

В мае 1952 г. Франция, ФРГ, Италия и страны Бенилюкса предприняли попытку учреждения Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) с наднациональным руководством единой армии. Однако из-за отказа французского парламента ратифицировать договор по образованию новой организации намерения шести европейских стран потерпели фиаско.

Интересно отметить, что именно первые шаги по формированию новой политico-экономической структуры европейской интеграции привели к фактической реализации федеративного объединения Западной Европы. Ее реальным воплощением явилось учреждение шестью странами — Францией, ФРГ, Италией и Бенилюксом экономических организаций наднационального типа: Европейской организации угля и стали (ЕОУС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС) или «Общего рынка» и Евратора, ставших в дальнейшем экономической основой возможной политической интеграции этих стран.

Рассматривая две политические концепции объединения Европы, следует помнить, что конфедеративная идея Шарля де Голля возникла еще во время второй мировой войны, отстаивалась им в его речах и выступлениях перед французскими журналистами и на собраниях голлистской партии РПФ, а затем, как это будет изложено ниже, постепенно подготавливалась к воплощению в жизнь самим направлением политики V республики после возвращения генерала к власти. Спааковская концепция интеграции Западной Европы была изложена бельгийским министром иностранных дел намного позднее. Она не представляла собой какой-то определенный план Политического союза Европы. Напротив, это была совокупность спааковских возражений на предложенный де Голлем и реализованный голлистом Кристианом Фуше план европейской Политической организации.

Приход к власти генерала де Голля в 1958 г. и учреждение V республики существенно изменили официальную позицию Франции как в вопросах «европейского строительства», так и «атлантической» политики и оказали большое влияние на дальнейшее развитие «Общего рынка». Именно де Голль, подняв на щит идею «национального величия» Франции и поставив во главу угла особую роль своей страны в мире, выдвинул принципиально новый подход к основам создания европейского объединения, базирующегося на государственном, национальном суверенитете. Эти взгляды первого президента V республики нашли свое выражение в его концепции европейского Политического союза, т.е. конфедерации, основанной на союзе суверенных государств, и получившей название «Европа отечеств». Этот термин в первый раз употребил Мишель Дебре в своей речи перед Национальным собранием в декабре 1958 г. при выдвижении его кандидатуры на пост премьер-министра. Затем депутат от ЮНР, Аллен Пейрефит, использовал его в статье, появившейся в ежедневной газете «Монд» в сентябре 1960 г.

Неодобрительно относясь к существующему в наднациональных организациях принципу передачи государственной власти «технократам», не зависящим от правительства, де Голль выступал за объединение Европы, базирующееся на межгосударственном единогласном соглашении. Голлистская конфедеративная концепция основывалась на признании нации в качестве единственного легитимного фундамента европейского объединения, что, собственно, и явилось причиной отказа правительства V республики от разработки наднациональных систем. В 1960 г. де Голль говорил: «Наша задача заключается в том, чтобы объединить Европу, а это значит объединить европейские народы, следствием чего станет объединение государств». ¹ С его точки зрения, сотрудничество западноевропейских государств должно предполагать координацию их действий как в интересах их дальнейшего развития, так и в интересах решения общеевропейских задач. Кроме того, генерал полагал, что интересы Франции наилучшим образом будут защищены только в том случае, если она вернет себе положение великой державы, проводящей самостоятельную политику. Именно поэтому для нее желательно участвовать в таких союзах, где она имела бы главенствующее положение и сохраняла бы за собой свободу решений. Недостаточная мощь французской экономики по сравнению с экономикой ФРГ вполне могла быть дополнена рядом политических преимуществ: положением державы-победительницы, статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН, а затем и обладанием ядерным оружием.

Намерение президента V республики воплотить в жизнь концепцию «Европы отечеств» было неразрывно связано с его желанием вывести свою страну из военной организации НАТО. Надо отметить, что одобряя Атлантический союз в политических рамках, где Голль не скрывал враждебности к военной интеграции Франции в НАТО, лишающей страну эффективной национальной обороны, а также втягивающей ее в конфликты, чуждые национальным интересам. По мнению генерала, присутствие Франции в блоке, где командование осуществляется США, подрывает «дух национальной обороны, без чего не может существовать нация».² Тем не менее, если когда-либо «Франции придется вести войну, то необходимо, чтобы это была ее война»³.

Желая обеспечить Франции, как одной из стран-победительниц во второй мировой войне, главенствующее положение в НАТО наряду с США и Великобританией, 24 сентября 1958 г. де Голль секретно направил меморандум руководителям этих стран,⁴ который содержал предложение учредить англо-франко-американский «триумвират» для руководства всей политикой Запада. Де Голль предлагал также реорганизовать систему командования вооруженными силами Атлантического союза с тем, чтобы обеспечить в нем Франции достойное место.

Таким образом, с первых дней существования нового политического режима во Франции руководители V республики начали последовательное наступление на американскую гегемонию в НАТО и на «особые отношения» США и Англии. Несмотря на то, что английское и американское руководство не приняло деголлевские предложения, французское правительство добивалось признания за своей страной статуса великой державы, которая могла бы осуществлять независимую национальную политику, но и несла ответственность за выработку общей политики Запада.

Одновременно руководители V республики взяли курс на создание «национальной ударной силы» — французского ядерного оружия, возведенного в ранг государственной политики. В октябре 1958 г. генерал де Голль заявил: «Когда мы будем обладать ядерной бомбой... мы сможем заставить почувствовать нашу силу в тех областях, которые представляются нам важными и необходимыми».⁵ Уже в 1960 г. Франция вслед за США и Англией стала третьим членом западного «ядерного клуба», а «ядерный аргумент» превратился в один из козырей французской дипломатии.

Однако экономический и военный потенциалы страны не давали ей основания рассчитывать на успех в единоборстве с американской гегемонией в НАТО. В поисках средств и союзников Париж обратился к европейским странам, партнерам Франции по ЕЭС.

Усилия французской дипломатии были направлены на то, чтобы создать обособленный от Атлантического союза военно-политический блок континентальных стран Западной Европы, который бы явился опорой Франции в ее независимости от англосаксов. Его экономической основой должен был стать «Общий рынок». Совокупная экономическая мощь стран европейской «шестерки», по мысли де Голля, представляла собой солидную базу для равноправного разговора с Америкой.

13 августа 1958 г. де Голль сделал первый небольшой набросок задуманной им идеи: «Европе необходимо стать практической реальностью в политическом, экономическом и культурном плане... Европейская кооперация должна утвердиться и за пределами Европы для решения важных проблем мировой политики... Для того, чтобы достигнуть этих целей, между правительствами заинтересованных государств должны проводиться регулярные консультации...».⁶

В 1960 г. Шарль де Голль изложил свое понимание проблем и принципов западноевропейского объединения: «Надо способствовать объединению Западной Европы в политическое, экономическое, культурное и человеческое объединение, основанное на действии, прогрессе и защите. Вне всякого сомнения надо, чтобы нации, ассоциированные в нем, не потеряли свой собственный облик и чтобы они следовали по пути организованного сотрудничества между государствами, которое, быть может, смогло бы привести в будущем к внушительной Конфедерации. Франция признала необходимость такой Западной Европы, которая появляется сегодня как необходимое условие равновесия мира».⁷ Позднее французский президент добавил: «Какова реальность Европы? Каковы основы, на которых ее можно строить? Представлять себе, что можно строить что-то эффективное и действенное, и оно будет одобрено народами вне государства — химера. Правда, удалось создать некоторые организмы с более или менее наднациональной структурой. Эти организмы имеют свою техническую ценность, но у них нет и не может быть авторитета и политической эффективности... Обеспечение регулярного сотрудничества государств Западной Европы... предполагает организованное, регулярное сотрудничество национальных правительств и затем работу организмов, специализированных в каждой из общих областей и подчиненных правительствам. Это означает периодические заседания Ассамблеи, которая сформирована из делегатов национальных парламентов. По моему мнению, это должно предполагать как можно более быстрое проведение торжественного общеевропейского референ-

дума для того, чтобы дать Европе с самого начала характер народного одобрения, который ей необходим». ⁸

Голлистская «европейская политика» была нацелена не только на ослабление американского контроля и влияния в Западной Европе, но, главным образом, на обеспечение возможности для французской буржуазии и государства в целом использовать политические и военные преимущества Франции в борьбе за лидерство в Западной Европе.

Деголлевская концепция европейского объединения предусматривала укрепление в институционально-политической структуре западноевропейского сообщества принципа межгосударственного сотрудничества суверенных государств-участниц за счет расширения полномочий межправительственных институтов и урезания или ликвидации прерогатив надгосударственных органов управления. Вот что говорил де Голль по этому поводу: «Хотя союз Западной Европы и является главной целью нашей политической деятельности, мы не можем раствориться в нем. Любая система, предусматривающая передачу нашего суверенитета международным ареопагам, не совместима с правами и обязанностями французской республики. Это самоотречение европейских государств, особенно Франции, неизбежно будет иметь следствием зависимость от внешних сил». ⁹ Очевидно, что под внешними силами подразумевались США.

Французские планы по военно-политическому сотрудничеству и созданию европейского Политического союза в первые годы V республики сочетались с установками на вывод страны из военной организации НАТО и переходом к независимой политике в военной области, проводимой при тесных контактах с руководством Североатлантического блока. Вместе с тем де Голль не умалял значения политического сотрудничества стран Запада в рамках НАТО.

Экономическую основу для политического объединения западноевропейских государств де Голль и его сторонники видели в ЕЭС, которое смогло бы действовать как новый, «третий центр» сил наряду с двумя сверхдержавами — США и СССР. Это объединение предусматривалось учредить под руководством Франции и дать ей возможность играть более активную роль как в НАТО, так и во всем западном мире.

Успех «европейской» и «атлантической» политики Франции зависел от способности Парижа оказывать влияние на позицию своих пяти европейских партнеров. На практике требовалось, в первую очередь, перетянуть на свою сторону ФРГ — самого мощного в экономическом отношении участника «Общего рынка».

Однако этого не могло произойти, так как голлистская концепция «Европы отечеств» находилась в прямом противоречии с принципами наднациональности, на которых строилась структура управления ЕЭС и которым были привержены в той или иной мере все ее участницы. Действительно, де Голль полагал, что дальнейшее развитие «Общего рынка» на наднациональной основе создаст угрозу того, что этот принцип укоренится не только в экономическом сообществе, но и будет перенесен в сферу Политического союза.

Впервые де Голль изложил свою концепцию Политического союза европейской «шестерки» западногерманскому канцлеру Конраду Аденауэру во время их встречи 29-30 июля 1960 г. в Рамбуйе. В своем дневнике от 30 июля этого года де Голль отмечает: «1)...необходимо, чтобы Европа стала реально существующей, играющей свою самостоятельную роль в международных делах. Желательно, чтобы она сама решала поставленные перед ней задачи в политической, экономической, культурной сферах и в области европейской обороны.

2) В наши дни процесс объединения Европы должен базироваться на сотрудничестве государств, начало которому положит франко-западногерманское примирение и согласованность их действий. Затем к союзу Франции и ФРГ смогут присоединиться Италия, Голландия, Бельгия и Люксембург.

3) Согласиться с этой концепцией — означает признать тот факт, что наднациональные организации, куда входят шесть западноевропейских стран, неизбежно стремятся к тому, чтобы их власть стояла выше власти каждого конкретного государства. Необходимо реформировать существующие сообщества таким образом, чтобы страны-участницы подчинялись в первую очередь своим правительствам и нормально справлялись с задачами, поставленными перед ними Советом министров («Общего рынка» — *О.Б.*).

4) Одобрить предложенную концепцию, значит положить конец американской «интеграции» в том виде, в каком она существует в НАТО и которая лишает Европу, с международной точки зрения, своего суверенитета и ответственности за свою собственную судьбу.

5) Началом объединения Европы должны стать регулярные встречи глав государств или правительств, на которых будут обсуждаться совместные действия в различных областях внешней политики.

6) Необходимо создать постоянно действующие комиссии, состоящие из чиновников и экспертов государств-членов западноевропейского сообщества, сохраняющие ответственность перед

своими правительствами и занимающиеся соответствующим кругом проблем — политическими, экономическими и культурными.

7) Организованное сотрудничество стран в «объединенной Европе» могло быть усовершенствовано созданием консультативного органа, которым должна стать Ассамблея, состоящая из делегатов национальных парламентов.

8) Необходимо, чтобы учреждение новой европейской организации было одобрено на всенародных референдумах во всех странах-участницах будущего сообщества.

9) Инициативу по созданию объединенной Европы должны взять на себя президент Франции и канцлер ФРГ.¹⁰

Весьма характерно, что, определяя круг участников Политического союза, де Голль исключил из него Англию, сославшись на то, что она не является членом ЕЭС.¹¹

Излагая Аденауэру свои соображения по поводу отрицательных моментов американского командования в НАТО президент Франции отмечал, что «никто не может предсказать действия американцев на случай возникновения опасности. Неизвестно, применият ли они в этом случае ядерное оружие для защиты Европы». Кроме того, «натовская интеграция «обезглавила» правительства, прямой обязанностью которых является организация обороны их страны»¹².

Таким образом, французский план, с одной стороны, предусматривал дальнейшее сплочение западноевропейского континентального блока с целью повышения его политической роли на мировой арене, а с другой — был направлен против наднациональности Западной Европы. Принцип межгосударственного сотрудничества противопоставлялся наднациональному и распространялся на сферы, которыми должно быть охвачено объединение — военное и политическое. Именно это по мнению де Голля давало бы большую самостоятельность западноевропейским странам при решении военно-политических вопросов.

10 февраля 1961 г. в Париже состоялась конференция глав правительств шести государств, где президент де Голль сделал официальное предложение организовать их политическую кооперацию. Канцлер ФРГ К.Аденауэр и премьер-министр Италии А.Фанфани полностью поддержали французскую инициативу. Главы бельгийского и люксембургского правительства выразили готовность принять деголлевский план в том случае, если он не затронет существующие Сообщества и не приведет к изменению взаимоотношений членов будущего Политического союза с НАТО. Премьер-министр Голландии Жозеф Лунс высказался по этому поводу неодобрительно. По словам французского историка П. Жербе, «он

был шокирован предварительным договором между де Голлем и Аденауэром и увидел в нем стремление Франции, поддерживаемой ФРГ, к господству в будущем Союзе». ¹³ Участники конференции подтвердили свое намерение добиваться более тесного сотрудничества в области внешней политики, обороны и культуры, не определяя его форм и принципов.¹⁴

Малопродуктивный итог конференции был закономерен. Несмотря на то, что идея Политического союза Европы находила в странах-партнерах Франции по ЕЭС самый живой отклик, французская концепция не соответствовала их интересам: все они стояли на позициях наднационального политического объединения и боялись потерять устоявшиеся связи с США в случае учреждения европейского Политического союза, недостаточно тесно связанного с НАТО. Чтобы избежать провала конференция приняла решение создать специальную комиссию из представителей стран «Общего рынка», в обязанности которой входила разработка конкретных предложений относительно организации политического сотрудничества шести стран.

На следующей встрече руководителей «шестерки» в Бонне 18 июля 1961 г. было достигнуто соглашение об активизации политического сотрудничества путем проведения регулярных консультаций глав государств и правительств на высшем уровне. Партнераы создали специальную международную Политическую комиссию (МПК) из экспертов — работников министерств иностранных дел ЕЭС — для практической разработки вопросов, касающихся структуры будущего Политического союза Европы.¹⁵ Главой французской делегации в МПК был назначен Кристиан Фуше. Верный соратник генерала де Голля, посол Франции в Дании, был переведен с этой должности специально для новой миссии.

Поль-Анри Спаак не был участником первой, Парижской конференции, поскольку в тот момент занимал должность генерального секретаря НАТО и не имел руководящих постов в Бельгии. Вернувшись на пост министра иностранных дел Бельгии и одновременно став заместителем премьер-министра в начале 1961 г., он участвовал в исторической боннской конференции. Сразу же после ее окончания Спаак в своем дневнике сделал следующую запись: «Текст декларации, ознаменовавший конец нашей работы, неплохой. Он полностью подтверждает наше желание привести в исполнение договор по Политическому союзу Европы, а также является выражением воли Парламентской ассамблеи Совета Европы... Что же касается меня, то я настроен скептически в отношении этого договора. Дискуссии по тексту декларации показали, что существуют глубокие разногласия между партнерами... Все, что происхо-

дило на Конференции оставило у меня тяжелое впечатление. У де Голля явно проявилось желание жестокого наступления на функции европейских комиссий — Экономической (КЭС) и будущей Политической. После попытки активного вмешательства в обсуждение политico-экономических проблем Африки (этими проблемами традиционно занималась КЭС — *О.Б.*) де Голль изъявил желание обсуждать их в Париже (имелись ввиду встречи глав государств или соответствующих министров — *О.Б.*), т.е. в действительности распустить Комиссию... Мне показалось, что французский замысел состоит в том, чтобы сократить функции Комиссии до технического минимума и лишить ее политических полномочий.

Речь де Голля о европейской обороне была еще более тревожной. Он заявил, что «шестерка» создаст обособленный от НАТО блок, и что проблемы безопасности у этого блока и у Америки со Скандинавией, к которым он прибавил и Великобританию, не являются идентичными. Таким образом проявилось желание де Голля заключить европейское военное соглашение. Я думаю, что ни одна другая страна не одобрила его намерение... Однако только голландцы энергично поддержали мои замечания относительно деголлевских предложений...»¹⁶

Из приведенного отрывка следует, что Спаак уже для себя выделил два пункта несогласия с деголлевской концепцией: принцип Политического объединения Европы и отношения нового блока с НАТО.

Первая французская версия проекта Политического союза, так называемый «план Фуше»¹⁷, была предложена на заседании Политической комиссии 19 октября 1961 г. Основными целями предполагаемого союза являлись: проведение общей внешней политики в интересах всех членов Союза; тесное сотрудничество между государствами-членами в сфере науки и культуры; защита прав человека, основополагающих свобод и демократии в странах-партиерах; проведение общей политики безопасности. (Статья 2).

Проект договора предусматривал учреждение органов Союза, независимых от их аналогов в существующих европейских организациях. Совет Союза должен был заседать один раз в четыре месяца на уровне глав государств или правительства, а в промежутках между сессиями — не менее одного раза за четыре месяца — на уровне министров иностранных дел. Решения Совета принимались единогласно, а постановления являлись необязательными для стран, воздержавшихся от голосования. (Статья 5).

Другой орган Союза — европейская парламентская Ассамблея, единая для ЕЭС, ЕОУС и Евратора, но наделенная разными прерогативами власти в ЕЭС и в Политическом сообществе, имела лишь рекомендательные функции.

В задачи исполнительного органа Союза — европейской политической Комиссии — входили подготовка решений Совета Союза и проверка их исполнения. В проекте Договора специально оговаривалось распределение бюджета Союза между государствами-членами и предусматривалась его ревизия через три месяца после вступления в силу. Проект не препятствовал вхождению в Союз других стран-членов Совета Европы, «в случае их согласия с установленными целями Союза» и предварительного вступления в другие Европейские Сообщества.

Переговоры по созданию Политического союза осложнились тем, что Англия, зная о их проведении и не желая быть экономически и политически изолированной от стран «Общего рынка», выступила с просьбой участвовать в политических дискуссиях, не дожидаясь принятия своей кандидатуры в ЕЭС. Бельгия и Голландия, имеющие тесные экономические связи с Англией, видевшие в ней мощную военную силу, опирающуюся на поддержку США, поддержали предварительную просьбу, выдвинутую англичанами и отказалось без ее участия обсуждать проект Политического союза.

Бельгия, в лице П.-А. Спаака, и Голландия, в лице Ж. Лунса, отстаивая интересы «малых» европейских стран во время переговоров по будущему союзу, оказались стоящими перед дилеммой: либо бороться до конца за наднациональный принцип интеграции, который был неприемлем для Франции, либо согласиться с французской позицией, но лишь в том случае, если Великобритания станет членом Политического союза, возможно даже до ее вступления в «Общий рынок». Подобная позиция «малых стран» объяснялась их опасением потерять свою самостоятельность в решении политических вопросов из-за давления, которое будут использовать, имея право «вето», сильные в экономическом отношении Франция и ФРГ. Наднациональный принцип интеграции мог «защитить» от необходимости следовать политике по крайней мере этих двух стран. Присоединение Англии к Политическому союзу могло обезопасить «малые» страны Европы от сильного франко-германского давления, создав «третий центр тяжести» в новом блоке. Присутствие в нем Великобритании позволило бы им также надеяться на более тесные отношения с НАТО.

В конце ноября 1961 г. Комиссия Фуше оказалась распущенной по инициативе Спаака, который предложил обсуждать новый проект Политического союза на уровне Совета министров ЕЭС 15 декабря 1961 г. в Париже.

Во второй проект Политического союза, так называемый «план Фуше 2» де Голль собственноручно внес ряд важных дополнений: внешняя политика и политика обороны Политического союза,

подчеркивалось в договоре, будут проводиться в тесном сотрудничестве с НАТО,¹⁸ а европейский Парламент получит функции «определения внешнеполитических задач и проведения единой политической линии всех стран-участниц».¹⁹ Кроме того, предполагалось в будущем учредить должность генерального секретаря независимого от правительства государств-членов и заменяющего собой должность председателя Совета.

Тем не менее основные положения прежнего проекта остались неизменными. Прежде всего остался незыблемым межгосударственный принцип создания Политического союза Европы, против которого явно или тайно были настроены практически все участники встречи. Именно эта жесткая позиция Франции вызывала к жизни все новые и новые дополнения и изменения в текст проекта Фуше, которые были неприемлемы для французской стороны, ибо могли привести к выхолащиванию деголлевской идеи учреждения Политического союза.

В декабре 1961 г. П.-А. Спаак резко заявил в интервью для брюссельской прессы о своем несогласии с голлистской позицией: «Вступая в Политический союз, Бельгия выдвигает два требования — наднациональный принцип построения и британский противовес. Во французском проекте эти два условия не соблюдаются. Бельгия же считает необходимым добиться выполнения хотя бы одного из них. Так как французская концепция лишает всякой надежды создать наднациональный Политический союз, Бельгия хочет, чтобы Великобритания была, по крайней мере одним из членов Союза».²⁰

На встрече министров стран «шестерки» в конце 1961 г. вновь не был одобрен проект Политического союза, и снова Комиссия Фуше получила указания разработать третий проект договора. Ее очередное заседание состоялось 10 января 1962 г.

Бельгия по-прежнему открыто выступала за создание надгосударственной политической организации. Великобритания представлялась Бельгии противовесом для сдерживания влияния крупных континентальных европейских держав в возможной европейской политической конфедерации, в случае победы голлистских проектов.

Французская же сторона, предлагая на обсуждение партнерам «план Фуше 3», неустанно подчеркивала свое стремление к объединению западноевропейских стран на межгосударственной основе, к созданию европейской группировки, в которой ни одно государство, и, в первую очередь, Франция, не потеряло бы и части своего национального суверенитета. Именно в таком объединении Франция, по мысли де Голля, окрепла бы как независимое госу-

дарство и стала бы играть определяющую роль в европейской и мировой политике.²¹

Обсуждая «план Фуше 3», все пять оппонентов Франции снова подчеркнули, что Политический союз должен иметь наднациональный характер, а не характер межгосударственного сотрудничества. Они высказались за то, чтобы превратить европейскую политическую Комиссию в орган наднациональный, т.е. предлагали заменить должностных лиц, назначаемых правительствами государств-членов и отстаивающих интересы этих стран в Сообществе, должностными лицами, независимыми от правительств своих государств и работающими на Сообщество.²²

Вопрос о принципиальном создании Политического союза странами-членами ЕЭС в последний раз рассматривался в апреле 1962 г. в Париже на конференции министров иностранных дел «шестерки». Однако переговоры в очередной раз закончились провалом. По существу французский план организации Политического союза в масштабе «малой Европы» был окончательно отвергнут.

Вернувшись в бельгийскую столицу по окончании работы Конференции, Спаак дал эксклюзивное интервью брюссельской ежедневной газете «Суар». На вопрос журналиста Ш. Ребюффа о готовности Франции немедленно подписать «план Фуше 3», неизврая на позиции Бельгии и Голландии, министр иностранных дел ответил: «Одной из важных проблем, вставших перед участниками конференции, явилось условие ревизии договора, четко прописанное в проекте Политического союза, которое затрагивало только интересы французской стороны». В то же время очевидно, что сам «план Фуше 3», выдержаный в голлистском духе, по словам Спаака, «имел поддержку лишь со стороны ФРГ, тогда как другие четверо партнеров Франции остались в оппозиции. Будет ошибочным считать, — продолжал министр иностранных дел, — что Бельгия и Голландия не допустили подписание договора. Все шесть стран-участниц переговоров еще не пришли к единому соглашению по самой сути будущего Политического союза».²³

Спаак выделил несколько существенных моментов, которые, по его мнению, было необходимо учесть при создании нового европейского сообщества. «Во-первых, — отмечал бельгийский министр, — мне кажется очевидным, что от присутствия или отсутствия Великобритании в Политическом союзе зависит сама идея европейского объединения. Во-вторых, можно ли считать корректным принятие окончательного решения по учреждению Политической организации Европы без учета мнения Англии в тот момент, когда «шестерка» обсуждает ее включение в «Общий ры-

нок»? Между тем страны-участницы ЕЭС уже приняли решение о том, что если бы Великобритания вошла в состав созданных ранее европейских сообществ, то она, в силу самого факта, должна была бы стать членом Политического союза». Спаак отметил, что Бельгия, как и другие «малые» страны, была в некотором роде обескуражена французским упорством, с которым голлистское правительство отказывалось вести переговоры с Великобританией теперь, когда лондонское правительство объявило о своей готовности участвовать в переговорах. Кроме того, министр иностранных дел заявил, что он по-прежнему считает важным создать наднациональное европейское объединение: «Я думаю, что как бы ни было нужно в современных условиях довольствоваться учреждением европейской Политической организации, имеющей неопределенную форму, новое сообщество будет более приемлемо с участием Великобритании, чем без него». Иными словами, Бельгия могла бы «сделать уступку Франции», а именно принять конфедеративную основу европейского объединения, но только в том случае, если французское правительство «заплатило» бы за это «включением Великобритании в политическую и экономическую европейские организации», ибо, по мнению Спаака, «в современной Европе Англия представляет собой элемент стабильности, равновесия и опытности». Бельгийский министр иностранных дел считал необходимым «сближение Политического союза с Англо-Саксонским миром», но в тоже время он видел в новом сообществе «воплощение идеи «третьей европейской силы»».²⁴

Итак, в 50-х гг. был заложен экономический фундамент европейской интеграции. Стараниями «европейстов» в масштабе шести стран Западной Европы образовались три экономические организации: ЕОУС, ЕЭС и Евратор, в основу которых легло сразу два принципа функционирования: межгосударственный и наднациональный.

Придя к власти в 1958 г., генерал де Голль выдвинул свою концепцию построения Европы. Будучи противником передачи странами-участницами европейских сообществ своих национальных прерогатив власти наднациональным органам, он ратовал за создание Политического союза Европы на межгосударственном уровне. Он рассчитывал на то, что закрепление этого принципа в политическом объединении западноевропейских стран, появится возможность перенести его в дальнейшем и в уже существующие экономические сообщества. Кроме того, объединив своих партнеров по ЕЭС в политический блок, где главенствующую роль играла бы Франция, де Голль намеревался создать в Европе «третью» силу, способную, обладая своим ядерным оружием, (точнее —

французским), стать «уравновешивающим центром» между двумя враждебно настроенными друг к другу ядерными державами — США и СССР. Более того, французский президент рассчитывал на разрыв тесных связей нового политического объединения с натовским руководством и натовской политикой. Доминирование англо-американских интересов при решении европейских политических проблем, «особые отношения» Англии и США, нежелание этих двух стран реально участвовать в обороне европейского континента оказались решающими факторами, объясняющими упорное сопротивление де Голля участию Великобритании в переговорах по Политическому союзу Европы, и тем более ее включению в новый европейский блок.

Совершенно иную позицию занимал П.-А. Спаак. Соглашаясь на образование в Европе Политического союза, он принципиально возражал де Голлю по основным вопросам. Во-первых, он ратовал за сохранение наднационального принципа интеграции стран в будущем блоке. Он мог бы пожертвовать своим видением дальнейшего европейского объединения, встав на голлистскую точку зрения в отношении формы новой организации, но эту жертву он готов был принести только за включение Великобритании как в Политический союз, так и в ЕЭС. Именно в этой стране Спаак видел реальный противовес франко-германскому давлению в «Общем рынке» и в будущей Политической организации. Во-вторых, он не доверял французской ядерной силе, считая небезопасным для Европы отрываться от мощного военно-политического Североатлантического альянса.

Безусловно, высказанные Спааком опасения в адрес голлистской позиции в «европейском построении» нельзя считать его последовательной оппозиционной концепцией. Тем не менее четко определенные им требования по изменению плана Политического союза Европы наглядно отображают иное видение европейской интеграции. Это видение особо ценно потому, что в нем отражались политическая позиция и экономические интересы «малых» стран Европы, защищаемые одним из их известных представителей.

¹ Gaulle Ch. de. *Discours et messages*. V. 3. P., 1971. P. 427.

² Gaulle Ch. de. *Discours et messages*. V. 2. P., 1970. P. 488.

³ Ibid. P. 180.

⁴ См.: Манфред И. А. Париж — Бонн. М., 1970. С. 27.

⁵ Ibid. P. 162.

⁶ Gaulle Ch. de. *Lettres, notes et carnets. Juin 1958-decembre 1960*. P., 1985. P. 73.

- ⁷ Gaulle Ch. de. Discours et messages. V. 3. P. 107.
- ⁸ Ibid. P. 235.
- ⁹ Ibid. P. 110.
- ¹⁰ Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1958-decembre 1960. P., 1980. P. 282-283.
- ¹¹ Аденауэр К. Воспоминания. Т. 4. 1959-1963. М., 1970. С. 51.
- ¹² Там же. С. 53.
- ¹³ Gerbet P. La construction de l'Europe. P., 1994. P. 239.
- ¹⁴ L'Année politique. 1961. P., 1962. P. 385-387.
- ¹⁵ Ibid. P. 271.
- ¹⁶ Spaak. P.-H. Combats inachevés. Bruxelles, V.2. P. 360-361.
- ¹⁷ Текст «плана Фуше 1» см.: Projets de l'Europe politique. P., 1962. P. 3-8.
- ¹⁸ Bloes R. Le «plan Fouchet» et le problème de l'Europe politique. Bruxelles, 1970. P. 254.
- ¹⁹ Ibid. P. 255.
- ²⁰ L'Année politique. 1962. P., 1963. P. 387.
- ²¹ Ibid. P. 397.
- ²² Ibid. P. 408.
- ²³ Le Soir. 20 avril 1962.
- ²⁴ Spaak. P.-H. La pensée européenne et atlantique 1942-1972. Bruges, 1973. P. 849-850.

Де Голль, несомненно, по праву принадлежит к выдающимся государственным деятелям XX столетия. Уникален уже тот факт, что он дважды в критические для истории Франции моменты оказывался на вершине власти и оба раза неординарными действиями выводил страну из кризиса. Франция и сегодня живет по Конституции, разработанной де Голлем, — Конституции, в которой столь удачно сочетается демократический принцип и эффективная власть.

На международной арене де Голль сумел в годы войны придать новое лицо своей стране. Францию поверженную, Францию капитулировавшую он не только вывел в число государств-победителей, но и обеспечил ей место одной из великих держав — постоянных членов Совета Безопасности.

Во время, образно говоря, своего второго пришествия, де Голль превратил Францию из страны, покорно следовавшей заокеанской политике, в страну с собственной яркой международной политикой. При этом важно, что и в одном и другом случае де Голль действовал в тесном сотрудничестве с Советским Союзом. Он стал и остается символом дружбы наших стран.

Много, очень много записал в свой актив де Голль, хотя и ему не всегда и не во всем сопутствовала удача. Вместе с тем сказанного выше было бы недостаточно, чтобы объяснить феномен, свойственный редким государственным деятелям. Де Голль, несомненно, относится к их числу. Этот феномен состоит в том, что с течением времени интерес к таким людям и их деятельности продолжает оставаться стойким, а оценка их значимости даже возрастает. Думаю, что одно из объяснений такого явления в том, что целый ряд выдвинутых де Голлем идей, его начинаний продолжает быть актуальным и по сей день. В самом деле, разве утратила свою злободневность идея создания Большой Европы, включающей нашу страну. Нисколько. Более того, востребованность концепции Большой Европы, общеевропейского сотрудничества, скорее всего, будет повышаться. А разве борьба в наши дни за многополярный мир не перекликается с заявлениями де Голля о том, чтобы в

миро́вой полити́ке именно такая Европа, «осуществив разрядку, согласие и сотрудничество... покончив с разделением и объединившись», играла принадлежавшую ей роль «в обеспечении равновесия, прогресса и мира»?

Что касается наших двух стран, то курс на их сближение, заложенный при де Голле, был унаследован всеми президентами Франции — Ж.Помпиду, В.Жискар д'Эстеном, Ф.Миттераном, Ж.Шираком. Он закреплен в Договоре между Россией и Францией. И сегодня призываю звучат слова де Голля об особой важности сотрудничества наших стран для их судеб и их международного положения.

Уместно отметить, что по случаю столетней годовщины со дня рождения де Голля его имя было, по предложению, исходившему от посольства СССР во Франции, присвоено одной из площадей Москвы. В нынешнем году по инициативе Ассоциации друзей Франции были выпущены в переводе на русский язык «Мемуары надежды» де Голля.

Ю.В.Дубинин

АРЗАКАНЯН Марина Цолаковна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Автор пятидесяти работ по истории Франции, в том числе книги «Де Голль и голлисты на пути к власти» (М., 1990).

БОГОСЛОВСКАЯ Ольга Вадимовна — аспирантка Института всеобщей истории РАН.

ДУБИНИН Юрий Владимирович — известный российский дипломат, чрезвычайный полномочный посол Российской Федерации, профессор МГИМО МИД РФ, президент-исполнитель Ассоциации друзей Франции. Автор ряда работ по истории дипломатии, в том числе книг воспоминаний «Дипломатическая быль. Записки посла во Франции» (М., 1997), «Амбахадор! Амбахадор! Записки посла в Испании» (М., 1999).

Именем Ю.В.Дубинина названа одна из малых планет Солнечной системы.

ЕРОФЕЕВ Владимир Иванович — известный российский дипломат, чрезвычайный полномочный посол СССР. Автор ряда работ по истории дипломатии, в том числе воспоминаний о Коллонтай и де Голле.

ЕРОФЕЕВА Галина Николаевна — российский дипломат, автор известной книги воспоминаний «Ческучный сад. Недипломатические заметки о дипломатической жизни» (М., 1998).

ЗУЕВА Кира Павловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. Автор более пятидесяти работ по истории Франции, в том числе книг «Вопреки духу времени» (М., 1979) и «Советско-французские отношения и разрядка международной напряженности» (М., 1987).

КАИНСКАЯ Галина Николаевна — доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета. Автор более тридцати работ по истории Франции, в том числе книги «Радикалы и радикализм в послевоенной Франции» (М., 1999).

КЛИМОВ Юрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, президент-исполнитель Ассоциации друзей Франции. Автор более ста работ по истории международных отношений, в том числе книг «Разум против безумия» (совместно с М.К.Бункиной. М., 1987), «Поколение кризиса или кризис поколения?» (М., 1988).

НАРИНСКИЙ Михаил Матвеевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД РФ. Автор более ста работ по истории Европы и международных отношений в XX веке, в том числе книг «Борьба классов и партий во Франции. 1944–1958 гг.» (М., 1983), «Коминтерн и вторая мировая война» (совместно с Н.С.Лебедевой на итальянском языке. Перуджа, 1996), «Советская внешняя политика в период второй мировой войны» (совместно с А.М.Филитовым, М., 1999).

РУБИНСКИЙ Юрий Ильич — известный российский дипломат и историк, доктор исторических наук, профессор. Автор более 150 работ по истории Франции, в том числе книг «Пятая республика» (М., 1964), «За колоннами Бурбонского дворца» (М., 1967), «Тревожные годы Франции» (М., 1973), «Французы у себя дома» (М., 1989), «Россия в Париже» (М., 1997).

СЕМЕНОВ Александр Леонидович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН. Автор шестидесяти работ по истории Франции, в том числе книги «Левое студенческое движение во Франции» (М., 1975).

СМИРНОВ Владислав Павлович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Автор более ста работ по истории Франции, в том числе книг «Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны» (М., 1974), «Новейшая история Франции» (М., 1979), «Франция: страна, люди, культура» (М., 1988), «Традиции Великой Французской революции в идеально-политической жизни Франции. 1789–1989» (совместно с В.Поскониным, М., 1989).

Предисловие

«Самый знаменитый из французов» (М.Ц.Арзаканян) 5

СИМВОЛ ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Голлизм в годы войны (В.П.Смирнов) 17
Де Голль глазами Коминтерна (М.Ц.Арзаканян) 29

ВРЕМЯ НАДЕЖД И ОЖИДАНИЙ

Неосуществленный замысел генерала де Голля (К.П.Зуева)
Голлисты и радикалы: несостоявшаяся встреча. 1944-1951
(Г.Н.Канинская) 44
59

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВЛАСТИ

Образование Пятой республики во французской политической публицистике (М.Ц.Арзаканян) 82
Возвращение де Голля к власти: советские оценки
(М.М.Наринский) 96
Приход генерала де Голля к власти: взгляд из посольства
СССР в Париже (Г.Н.Ерофеева) 109

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Встречи с де Голлем (В.И.Ерофеев) 112
Де Голль и реформа французского университета
(А.Л.Семенов) 129
Май-июнь 68-го — трудные дни де Голля (Ю.М.Климов) 147
Де Голль и майско-июньские события (Ю.В.Дубинин) 161

НА ПУТИ К «ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ»

Де Голль и европейское строительство (Ю.И.Рубинский) 167
Шарль де Голль и Поль-Анри Спаак: две концепции
«Европы отечеств» (О.В.Богословская) 182

Послесловие (Ю.В.Дубинин) 198

Сведение об авторах 200

TABLE DES MATIERES

Préface. «Le plus illustre des français» (M.Ts.Arzakanian)	5
LE SYMBOLE DE LA RESISTANCE FRANÇAISE	
Le gaullisme pendant la guerre (V.P.Smirnov)	17
De Gaulle vu par le Komintern (M.Ts.Arzakanian)	29
LE TEMPS DES ESPOIRS ET DES ATTENTES	
Les projets non-réalisés du général de Gaulle (K.P.Zoueva)	44
Les gaullistes et les radicaux: la rencontre qui n'a pas eu lieu. 1944-1951 (G.N.Kaninskaja)	59
LE RETOUR AU POUVOIR	
L'établissement de la Cinquième République d'après les politiques français de l'époque (M.Ts.Arzakanian)	82
Les opinions soviétiques sur le retour de de Gaulle au pouvoir (M.M.Narinski)	96
La venue de de Gaulle au pouvoir et l'ambassade de l'URSS à Paris (G.N.Erofeeva)	109
LE PREMIER PRESIDENT DE LA CINQUIEME REPUBLIQUE	
Les rencontres avec de Gaulle (V.I.Erofeev)	112
De Gaulle et la réforme de l'université française (A.L.Semenov)	129
«Les réformes, oui. La chienlit, non» (Yu.M.Klimov)	147
De Gaulle et les événements de mai-juin 1968 (Yu.V.Doubinine)	161
VERS L'EUROPE UNIE	
De Gaulle et la construction européenne (Yu.I.Roubinski)	167
Charles de Gaulle et Paul-Henri Spaak: deux conceptions de «L'Europe des patries» (O.V.Bogoslovskaja)	182
Postface (Yu.V.Doubinine)	198
Les auteurs	200

Шарль де Голль

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 06.07.2000
Гарнитура Таймс. Объем - 12,75 п.л.
Тираж 300 экз.

ИВИ РАН. Ленинский пр., д. 32а

